

Луи Буссенар

С Красным Крестом

Луи Анри Буссенар
С Красным Крестом
Серия «Мадемуазель Фрикет», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125615

Аннотация

Героиня романа «С Красным Крестом» – девушка-француженка Фрикетта, которую зовут в путь две страсти: жажда приключений и неистребимое желание помогать людям, попавшим в беду. Поражают мужество и смелость этой юной девушки, которых хватило бы на десять мужчин.

Содержание

Часть 1	6
Глава I	6
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	28
Глава V	34
Глава VI	40
Глава VII	49
Глава VIII	59
Глава IX	69
Глава X	80
Глава XI	93
Часть 2	103
Глава I	103
Глава II	112
Глава III	121
Глава IV	131
Глава V	140
Глава VI	148
Глава VII	155
Глава VIII	161
Глава IX	169
Глава X	177

Глава XI	186
Часть 3	193
Глава I	193
Глава II	203
Глава III	210
Глава IV	220
Глава V	231
Глава VI	240
Глава VII	251
Глава VIII	262

Луи Буссенар С Красным Крестом

*** * ***

Часть 1

Глава I

Парижанка и японец. – Битва. – Помощь раненым. – Операция под выстрелами. – Медицина и репортерство. – Война в Корее. – Из Парижа на Дальний Восток. – В бамбуковой чаще. – Королевский тигр.

– Будьте осторожны.

– Право же, доктор, я не боюсь.

– Вполне уверен в вашей храбрости, но осторожность все-таки не мешает. Посмотрите – опасность кругом.

– Ну и что? Это очень весело. Перед лицом опасности в сто раз сильнее чувствуется блаженство бытия.

– Может быть... Возможна и такая точка зрения. Но я говорю уже не о бомбах и пулях, которые сыплются здесь как град. Здесь есть тигры в бамбуковых чащах, ядовитые змеи в траве...

– Ха-ха-ха!.. Ну и пусть их...

– Вам это смешно?

– Мы, французы, народ веселый, господин Мито.

– Мы, японцы, тоже самый веселый народ на Дальнем Востоке, но я полагаю, что в жизни бывают минуты, когда следует быть серьезным.

– А по-моему, таких минут не бывает.

– Вспомните, китайцы находятся отсюда на ружейный выстрел.

– Вот нашли чем пугать! Этими желтыми обезьянами, удирающими от ваших солдат так, что только пятки сверкают!

– Вы неисправимы, мадемуазель Фрикетта.

– Неисправима, господин Мито, и притом до крайности любопытна. Я никак не думала, что бой представляет такое интересное зрелище.

– Вы находите?

– Честное слово. Это стоит путешествия.

Грянул выстрел. В двух шагах упала и разорвалась бомба, подняв тучу дыма, земли и обломков.

Послышались крики, ржанье лошадей. Упали два человека и одна лошадь.

Не думая о личной опасности, молодая девушка и доктор Мито бросились на помощь раненым.

Превосходно обученный и дисциплинированный служебный персонал походного лазарета уже тащил на место происшествия антисептические средства, бинты, инструменты.

Один из пострадавших был ранен в руку.

Доктор Мито, небольшой человечек с шоколадным цветом лица, большими морщинами у глаз, седыми усами, быстро осмотрел и ощупал рану и сказал вполголоса:

– Контузия. Простой перелом.

Другой пострадал гораздо сильнее. Правая нога его была разбита осколком бомбы. Кровь так и лилась поверх сапога.

Над раненым хлопотала молодая девушка.

Совсем еще молоденькая, среднего роста и хрупкого сложения, с изящными ножками и ручками, мадемуазель Фрикетта представляла собою совершеннейший тип настоящей парижанки. Одета в простенький костюм из синего сукна, с маленькой тирольской шляпой на голове, женевским красным крестом по белому полю на рукаве, она казалась слишком молодой для того, чтобы быть докторшей. И действительно, она была только сестрой милосердия.

Но какими же судьбами эта молодая особа очутилась 15 сентября 1894 года среди японской армии, атаковавшей китайские позиции при Пинг-Янге, в Корее?

В жизни все бывает.

Раненый, над которым наклонилась сестра милосердия, отчаянно кричал. Доктор подбежал к нему, взглянул на его изувеченную ногу и быстро сказал:

– Ампутацию!.. Проворней!.. Уверены ли вы в своих нервах, мадемуазель?

– Уверена вполне, – отвечала Фрикетта.

– В таком случае за работу!

По знаку доктора лазаретные служители уложили раненого так, чтобы он не двигался. Фрикетта сжала ему артерию, чтобы остановить кровь. Доктор взял нож и ловко принялся за операцию, надрезывая мускулы, чтобы обнажить кость.

Сделав это, он схватил пилу и начал быстро пилить ею по кости... Нога отвалилась.

– Теперь надо хорошенько перевязать артерии, – сказал своим спокойным голосом японский доктор.

Это было сделано им с таким же искусством и твердостью руки, как и предыдущая операция. Фрикетта помогала доктору ловко, внимательно и аккуратно.

– Знаете, мадемуазель, – говорил доктор, – я теперь очень рад, что вас ко мне назначили, хотя прежде относился к вам с недоверием.

– Почему?

– Мне казалось, что вы не столько сестра милосердия, сколько репортерша, что вы приехали сюда не для ухода за ранеными, а для того, чтобы писать в газетах.

– Одно другому не мешает, дорогой доктор. Я действительно пишу в газеты, но что же делать? Чем-нибудь нужно же добывать себе пропитание, а мои родители, к сожалению, не настолько богаты, чтобы оплачивать мою страсть к путешествиям. Вы и представить себе не можете, доктор, до чего во мне сильна эта страсть!

– Вы, быть может, расскажете мне вашу историю?

– С удовольствием, доктор, но только после боя.

– Само собой разумеется.

Так разговаривая, доктор и сестра милосердия закончили перевязку ампутированной ноги, после чего наложили повязку на сломанную руку другого раненого.

Вскоре у них появилась новая работа. Бой продолжался, а их подвижной лазарет находился в первой линии. Перевес, видимо, склонялся на сторону по-европейски вооруженных и по-европейски обученных японцев. Их темные ряды быстро продвигались вперед; ружья Мурато и пушки Круппа трещали и гудели и делали свое смертоносное дело.

Со стороны китайцев особенно храбро сражались полк Лу-лу и войска зеленого знамени. Они отступали тоже, но медленно и в полном порядке, несмотря на страшный урон, который наносил им неприятель.

Земля вокруг была устлана мертвыми и умирающими. По их телам, давя их и растаптывая, проносилась артиллерия и кавалерия.

Не в силах устоять на месте, Фрикетта отправилась с носильщиками обходить поле битвы.

С волнением и печалью смотрела молодая девушка на эту бойню и думала: «Что за отвратительная, что за гнусная вещь – война!»

Достав из своей дорожной сумочки записную книжку, она принялась быстро заносить в нее свои заметки... Но вот опять хрипит раненый... Фрикетта бросает репортерство и принимается за дело милосердия.

Между тем ей начали попадаться раненые из китайской армии. Китайцы были высокие и представляли резкий контраст с карапузами-японцами. Одеты они были в черные

турбаны, из-под которых высывались длинные национальные косы, в блузы и широкие панталоны, заправленные в короткие сапоги.

Один из них лежал с огромной раной в животе, нанесенной осколком бомбы. На истерзанные открытые внутренности уже опустилась целая туча каких-то отвратительных мух. А между тем несчастный еще дышал. Он нашел в себе силы достать из ранца принадлежности для курения опиума, покурил – и навеки заснул.

Молодая девушка продолжала обходить кровавое поле, оказывая свою скорую и умелую помощь. Наскоро перевязывала раненого, поила его водой; санитары клали его на носилки и быстро уносили к лазарету.

Так продолжалось несколько часов. Японская армия двигалась вперед, выбивая китайцев из всех их позиций. Левый фланг японцев сделал обходное движение, приблизившее его к Чонг-Уангу, главному узлу позиции.

Фрикетта не заметила этого движения, из-за которого она оказалась отрезанной от главной массы войск.

Пушки гудели уже в отдалении, а ружейная трескотня была едва слышна.

Молодая девушка очутилась совсем одна. Даже ее лазаретные служители ушли, последовав за своим абмулансом, в который они перенесли последних раненых.

Она попробовала ориентироваться, пошла на гул орудий и заблудилась, как всегда бывает в подобных случаях.

Вокруг был густой лес, скрывавший солнце и мешавший отыскать настоящую дорогу.

Сообразив это, Фрикетта пошла прямо перед собой, надеясь в конце концов выбраться из рощи.

Но тут она попала из огня в полымя, потому что зашла в бамбуковую чащу, совершенно непроходимую.

Ею овладел смутный страх. Она вспомнила предостережения доктора Мито, но к несчастью слишком поздно.

Чувствуя усталость, она присела отдохнуть. Кроме того, ее донимали голод и жажда. В особенности жажда.

Сняв шляпу и вытерев потный лоб, молодая девушка проговорила:

– Ну, Фрикетта, ты не можешь пожаловаться: ты искала приключений – и нашла даже больше, чем нужно. Ты здесь по собственной своей вине и не должна поддаваться страху.

Между тем ночь быстро приближалась, таинственная и страшная ночь, какие бывают в лесах Дальнего Востока.

Фрикетта огляделась кругом и невольно задрожала, несмотря на всю свою храбрость. Подумав немного, она продолжала говорить сама с собой вполголоса:

– Хорошо читать у камина описание чьих-то невероятных приключений, но самой испытывать что-нибудь подобное... о, это другое дело... Ничего, мое начало недурно.

Вдруг она услышала поблизости чье-то тяжелое дыхание, послышался легкий треск сухих веток.

– Кто там? – спросила она голосом, в котором слышались

и надменность, и тревога.

Обернувшись, она окаменела. Перед ней стоял огромный королевский тигр, спокойно глядевший на нее своими большими бурыми глазами.

Тигр не двигался. Фрикетта глядела на него, замирая от страха. Оба как будто держали пари – кто кого переглядит. Но вот зверь приподнялся на задние лапы и положил обе передние ей на плечи. Нервы ее не выдержали, она крикнула и упала без чувств.

Глава II

В положении Красной Шапочки. – Будет ли съедена мадемуазель Фрикетта? – Револьверный выстрел. – Переполох. – Желтые люди. – Осужденная на смерть.

Можно было держать пари, что мадемуазель Фрикетте не очнуться от обморока, что ее приключения кончатся в самом начале и кончатся трагически.

Но вышло иначе.

Через сколько времени, она не знала, сознание к ней вернулось.

Хотя кругом было совершенно темно, она все-таки могла до некоторой степени понять свое положение. А оно было просто ужасно.

Боли она никакой не чувствовала, но по временам то голова ее, то ноги ударялись о что-то твердое, вроде бамбуковых стволов.

Стало быть, Фрикетта избавилась от тигра и шла?

Ничуть.

Ее несли поперек туловища. Нес тигр – зубами. Нес, по всей вероятности, к себе в берлогу, может, для того чтобы на свободе ее съесть, а может, угостить свою тигрицу и тигрят вкусным, тонким, изысканным блюдом – мясом молоденькой белой девушки. Тигр нес пленницу осторожно, бережно; должно быть, он опасался как-нибудь испортить свою драго-

ценную дичь, редкую добычу.

К такому заключению пришла сама Фрикетта, когда сообщила свое положение.

Тигр нес ее довольно медленно, хотя для него она была не тяжелее, чем мышь для кота. Но в конце концов они оба должны же были куда-нибудь прибыть. И что же тогда?..

Фрикетта не могла об этом подумать без дрожи во всем теле. Но она была особа энергичная и сейчас же принялась обдумывать, как бы ей спастись.

Она принялась осторожно нащупывать свою небольшую кожаную сумочку, висевшую у нее через плечо. Для этого потребовалась довольно трудная и сложная гимнастика, но молодая девушка все-таки добралась до сумки, открыла ее, нажав пружинку, и достала из нее крошечный револьвер, больше похожий на детскую игрушку, чем на смертоносное оружие.

Зажав револьвер в руке, девушка с облегчением вздохнула и подумала: «Ну, Фрикетта, мужайся и не зевай!»

Действительно, эта молоденькая авантюристка была смелее, находчивее и хладнокровнее многих мужчин. Неустрашимо готовилась она к отчаянной борьбе с самым кровожадным, самым свирепым из диких зверей.

Правая рука ее сжимала револьвер, а левая сквозь густую шелковистую шерсть тигра тихонько нащупывала место, где у него бьется сердце.

Вскоре под левой рукой Фрикетта почувствовала какое-то

кипение или клокотание и прошептала:

– Биение сердца тигра!.. Нельзя сказать, чтоб это была вещь банальная... Боже, как сильно и как быстро!

Она приложила дуло револьвера как раз к тому месту, где биение было слышнее всего, и решительно спустила курок.

Среди мрака и бамбуковой чащи раздался сухой, короткий выстрел и блеснул белый огонек.

Фрикетта все сумела предусмотреть. Она учла даже неизбежное сжатие тигром его челюстей в момент выстрела. Это сжатие было бы смертельным для пленницы.

Поэтому молодая девушка одновременно с выстрелом, опершись о голову тигра, левой рукой оттолкнулась от него. Она сейчас же упала на землю, так как зверь держал ее легко, чуть касаясь кончиками зубов.

Все произошло с молниеносной быстротой.

Тигр издал короткое хриплое рычанье, прокатившееся по лесу как гром, хотел было сделать прыжок вперед – и не мог. Он привстал на задние лапы, бессильно взмахнул передними и тяжело рухнул на землю.

Фрикетта вскочила на ноги с радостным криком. Она была свободна, она была спасена.

Но радость ее была непродолжительна.

Выстрел из револьвера и рев зверя, раздавшиеся среди ночной тишины, вызвали вдруг страшный переполох. Понеслись крики людей, беготня по лесу, ружейные выстрелы, свист пуль.

Затем замелькали сквозь листву зажженные факелы. Они приближались к Фрикетте со всех сторон и сомкнулись вокруг нее кольцом.

Фрикетта узнала китайских солдат с их обезьяньими лицами, их разрезом рта в виде отверстия копилки, с их редкими усами в виде метелок. Разбуженные выстрелом, раздраженные только что нанесенным тяжким поражением и опасаясь ночного нападения, они схватили ее, предполагая в ней врага.

Тщетно Фрикетта протестовала, указывая на умиравшего тигра. Злобные китайцы не хотели ничего ни видеть, ни слышать. К тому же никто из них не знал по-французски. Фрикетту потащили куда-то в полном убеждении, что она японская шпионка.

Покуда ее связывали, она невольно припоминала благоразумные советы доктора Мито и каялась, – увы слишком поздно, – что не последовала им своевременно.

Действительно, для начала у нее было слишком много приключений, вдобавок таких опасных и страшных.

Чьи-то сильные руки держали ее между небом и землей, а чьи-то не менее сильные и энергичные ноги тащили ее куда-то.

Путь освещался теперь только одним факелом, остальные были потушены. Несмотря на свое опасное положение, молодая девушка не утратила способности рассуждать.

«Во всяком случае, не съедят же меня эти желтые обезья-

ны. Может быть, я еще и выберусь как-нибудь... Надобно ко всему быть готовой».

Действительно, вскоре кортеж пришел на обширную лесную поляну, освещенную большими кострами, перед которыми сидели солдаты.

На этих курносых лицах, словно пропитанных желчью, в этих косых глазах с фальшивыми взглядами читалась ярость униженной гордости, злоба на поражение, надежда на кровавый реванш. Реванш для них, впрочем, уже начался с жестокой расправы над пленными и ранеными японцами, попавшими в их руки. Таких было человек двадцать. Китайцы изувечили их с той утонченной жестокостью, на которую только они одни и способны, эти гениальные палачи и мучители.

Одним старательно были вывихнуты все пальцы на руках и на ногах, другим вырвали глаза и наполнили пустые впадины горячею золою; у всех были отрезаны уши, которые китайцы нанизали потом на бечевку, как сушеные грибы. У иных были отрезаны носы, у других вырезаны языки... Брр! Сколько крови, сколько зверств, сколько неслыханной жестокости!

Фрикетта возмутилась до глубины души и, забывая, что необдуманно словами она может себе только повредить, воскликнула:

– Негодяи!.. Вы недостойны называться людьми и солдатами!

При этих словах к ней подошел китайский офицер и ска-

зал по-французски:

– Вы француженка?

– Да.

– Великолепно. Я сражался в Тонкине, командуя Черными Флагами, и ненавижу французов. Вы были с японцами?

– Да. Я ходила за ранеными как с их стороны, так и с вашей, не делая различия.

– Это для того, чтобы удобнее было шпионить за нами.

– Неправда!.. Это ложь!..

– Приготовьтесь же к ужасной казни, которой у нас казнят шпионов.

Глава III

Жилище парижского рабочего. – Жертва чтения. – Страсть к путешествиям. – Аттестат зрелости, а в будущем и докторский диплом. – Профессор и публицист. – Медицина и репортерство. – Отъезд. – В Японии.

Сент-Антуанское предместье, дом...

Но нет, я буду скромен и не скажу, какой номер дома. А то, пожалуй, раздразишь чье-нибудь нескромное любопытство, тем более что рассказ мой – чистая правда, а не вымысел.

Скромная квартирка, скромная обстановка. Опрятность изумительная. Комфорт, доступный зажиточному парижскому рабочему. Две спальни, столовая и крошечная кухонька. Мебель самая обыкновенная – дубовая, хотя хозяин квартиры – столяр-краснодеревщик... или, вернее, именно потому, что столяр. Ведь уже давно известно, что настоящий сапожник всегда без сапог ходит.

В доказательство, однако, что столяр свое дело знает, – в столовой стоит превосходный книжный шкаф черного дерева в готическом стиле. Чудный шкаф – просто шедевр, а не шкаф. На его полках в порядке расставлены книги, хотя прочитанные и перечитанные не один раз.

Исключительно для отца семейства – сочинения по философии и политике. Парижский рабочий не боится даже са-

мого серьезного чтения. Далее – сборник народных песен, полное собрание сочинений Виктора Гюго, купленное по частям на гроши, и много хороших и полезных книг. Наконец на особой полке ряд сочинений Жюлья Верна, Майн Рида и других корифеев литературы путешествий и приключений на суше и на море.

Судя по этому подбору, так сказать, вполне своеобразному, можно было заключить, что эта полка принадлежит младшему члену семьи и, конечно, юноше с довольно таки горячей головой, мечтающему о дальних странах, о подвигах в этих странах и т. п.

Увы! Книги собрал не юноша, а девушка.

Расскажем по порядку.

Внизу на дворе помещалась мастерская, где с другими рабочими работал хозяин жилища, столяр Леон Робер, кровный парижанин, страстно любивший свой родной город, где жили и трудились все его предки. Вне Парижа он ничего не признавал. Дальше Вильерса-на-Марне, Рэнси или парка Сен-Мор никуда не ездил.

Жена его была такая же парижанка и такая же домоседка. Вселенная для нее ограничивалась с запада – площадью Бастилии, а с востока – вокзалом окружной железной дороги. Еще не старая, живая как ртуть, ловкая как фея, чистенькая как новый грошик, – она обладала всеми хозяйственными добродетелями и боготворила свою маленькую семью. Кроме нее самой, семья состояла из мужа, крепкого сорокадвух-

летнего работника, сына Жана, служившего в приказчиках, старшей дочери Мари и младшей – Амели, которую прозвали Фрикеттой.

Вот эта-то Фрикетта, будучи еще шестилетней девочкой, пристрастилась к чтению книг о путешествиях и приключениях. Ее брат Жан получил однажды в школе в награду роман «Под Южным Крестом» и прочитал его вслух сестренке. Та слушала с горевшими глазенками и потом несколько раз просила «прочитать ей про маленького парижанина». Когда же она выучилась читать сама, то первую прочитанную книгой был все тот же роман. С этих пор она пристрастилась к этой своеобразной литературе, и пристрастие не уменьшалось с годами, а росло и усиливалось.

– Ах, если бы я была мальчиком! – часто говорила она.

С этих пор ее прозвали Фрикеттой по имени героя романа «Под Южным Крестом» парижанина Фрике, или Буле.

Превратившись в хорошенькую девушку, Фрикетта перестала жалеть, что она не мальчик; но в головке ее зародился смелый план.

Училась она усердно, так что это даже стало отражаться на ее здоровье. Глядя на ее побледневшее личико, отец говорил ей:

– Ты слишком много зубришь, Фрикетта. Ты заболеешь.

– Да нет же, папа! – отвечала девушка. – От работы не болеют. Доказательство – ты сам.

– Да и к чему это? Какая надобность тебе изводиться над книгами?

– Я хочу выдержать на аттестат зрелости.

– Что-о?.. Да ты в ученые метишь?

– Да. Я хочу быть докторшей.

– Медицины?

– Да, отец, медицины.

– Ну, что ж... Давай Бог. Ты, пожалуй, на это способна.

В глубине души отец был очень рад этому.

Итак, Фрикетта училась. В Париже стоит только захотеть – выучиться всему можно и для всякого это доступно: все научные и учебные пособия под рукой, и, чтобы пользоваться ими, не надо много денег.

И Фрикетта воспользовалась этими привилегиями парижского жителя. Она записалась экстерном в лицей Виктора Гюго, где своими успехами изумляла учителей. Без всякого труда выдержала она экзамен и, получив аттестат, записалась на медицинский факультет.

Старый рабочий невольно гордился дочерью.

Если б только он знал, в чем дело!

Все эти проделки – и аттестат зрелости и медицина – были не целью, а лишь средством...

Средством удовлетворить ненасытную страсть к путешествиям и приключениям.

Молодая девушка после долгих размышлений пришла к тому вполне справедливому заключению, что для путеше-

ствия необходимы деньги... много денег.

Если же денег нет, а желание рыскать по белу свету есть, то нужно позаботиться о приобретении денежных средств.

Мужчина может получить поручение более или менее научного характера, добиться помощи и поддержки от министерства. В крайнем случае его может отправить в экспедицию какая-нибудь торговая фирма. Наконец, он может наняться матросом, кочегаром.

Главное – забраться, что называется, к черту на кулички.

Но то, что возможно и доступно энергичному и решительному мужчине, немыслимо для молодой девушки.

Поэтому мадемуазель Фрикетта рассудила:

«Когда я добуду себе какое-нибудь звание, например, докторши, когда я к этому званию присоединю солидный научный багаж, тогда главные затруднения – нравственные и материальные – устранятся сами собою. Если я буду женщиной-врачом, то на меня уже нельзя будет смотреть как на авантюристку. Звание врача будет мне всюду пропуском и охраной. С другой стороны, я не невеждою проеду по неизвестным странам... Итак, будем ждать случая».

Случай представился... и так неожиданно, что сама Фрикетта удивилась.

Один из профессоров факультета сильно заинтересовался ею, будучи поражен ее умом и способностями. Молодая девушка откровенно выложила перед ним все свои планы и надежды.

Профессор был очень дружен с редактором-издателем одной большой парижской газеты.

Тогда предвиделась война между Китаем и Японией и требовались корреспонденты в места военных действий.

– Да ведь у меня есть для вас подходящий человек! – воскликнул профессор. – Это молодая девушка... энергичная и решительная. Притом умная, образованная, безупречной нравственности...

– Молодая девушка – и вдруг военный корреспондент!.. Да вы смеетесь, мой друг...

– Нисколько. Что требуется, в сущности, от корреспондента? Умение смотреть, наблюдать и способность хорошо передавать результаты своих наблюдений – не так ли? Ведь, надеюсь, вы от него не потребуете военных знаний?

– Разумеется, нет.

– Мадемуазель Фрикетта лучше всякого другого будет составлять для вас корреспонденции, которые ведь, в сущности, сводятся лишь к большим репортерским отчетам. Кроме того, ее услуги обойдутся вам гораздо дешевле...

Заговорить с предпринимателем о дешевизне – значит заиграть на его слабой струне.

Редактор-издатель стал слушать внимательнее и спросил:

– Кто же такая мадемуазель Фрикетта?

Профессор рассказал. Его друг начал подаваться.

– Но как же мы прикомандируем ее к штабу японской армии? Не могу же я серьезно облечь ее званием военного кор-

респондента. Нас на смех поднимут.

– Прикомандируйте ее к Красному Кресту в качестве сестры милосердия.

– Великолепная мысль!

– И легко осуществимая. У меня есть много знакомых японских медиков, моих бывших учеников. По моей рекомендации они окажут мадемуазель Фрикетте радушный прием.

– Прекрасно. На этом и порешим.

Таким образом молодая девушка отправилась на Дальний Восток.

Вначале были, однако, затруднения. Родители ни за что не соглашались отпустить Фрикетту; но молодая девушка всеми силами, всеми правдами и неправдами добилась назначения. Сборы были недолгие. Фрикетта знала, что для далеких путешествий нужно брать с собой как можно меньше багажа. Поэтому она взяла с собой только два небольших чемодана с самым необходимым количеством белья и вещей.

На все потребовалась лишь неделя времени. Редакция газеты снабдила свою молоденькую корреспондентку аккредитивами; Лионская железная дорога выдала ей бесплатный билет до Марсея; пароходное общество «Messageries Maritimes» предоставило ей место на «Эрнест Самонс» и т. д. Одним словом, молодая девушка могла доехать до Йокогамы, почти не раскрывая кошелек.

Прощание с семьей было грустное. Поезд помчался...

Выйдя из Парижа в девять часов утра, он прибыл в Марсель в десять часов вечера. Отдохнув двое суток в гостинице, Фрикетта села на великолепный пароход «Эрнест Самонс» и в три часа дня 25 июня 1894 года покинула берега Франции.

Порт-Саид, Суэц, Аден, Бомбей, Коломбо, Сингапур, Сайгон, Гон-Конг, Шанхай, Кобе, Йокогама...

Фрикетта не помнила себя от восторга, прислушиваясь к столь знакомым ей (из книг) экзотическим названиям. Ей порою не верилось, что это – не сон, а действительность.

Она высадилась 22 июля в Йокогаме, пробыв в плавании ровно тридцать семь суток. С парохода она спорхнула свежая, веселая и проворная, как воробей.

Остальное легко угадать.

Французское посольство сделало для Фрикетты все, что только было возможно, по рекомендации газеты. Военные врачи оказали ей самый радушный прием, а японское военное министерство сейчас же прикомандировало ее к походному госпиталю.

Спустя три недели Фрикетта села в Хиросиме вместе с японской армией на транспортное судно и высадилась в корейском порте Фузане, где сосредоточивались войска.

С первыми шагами Фрикетты на войне читатель уже познакомился.

Глава IV

Душа китайца. – Товарищ в плену. – Детская преданность. – Часовой. – Хитрость Фрикетты. – Бегство. – Тревога. – Преследование. – Рок. – В волнах.

Лживые, мстительные, коварные, а главное свирепые, китайцы всегда опасные враги, хотя в открытом бою их нечего особенно бояться. Один против одного они буквально ничего не стоят. Страшны они лишь полным отсутствием даже намека на великодушие к побежденному врагу. После битвы они хладнокровно добивают раненых, надругаются над убитыми и бессовестно тиранят пленных, – и все это с утонченной жестокостью.

Ничто их не смущает и не волнует. Можно подумать, что в жилах этих людей течет не кровь, а желчь.

Таким образом, Фрикетта, попав к ним в плен, подверглась очень большой опасности.

Первым делом ее обыскали, обшарив все ее карманы. К несчастью, у нее оказалась записная книжка, в которой она делала заметки для корреспонденций. Бывший начальник Черных Флагов объявил эту книжку вещественным доказательством шпионажа и проговорил своим гнусавым голосом, обращаясь к пленнице:

– Ты – шпионка.

Фрикетта принялась протестовать.

– Это неправда! Я ненавижу войну, между кем бы она ни велась! Я – женщина, я явилась сюда для ухода за ранеными и больными.

Офицер улыбнулся своей злобной, гадкой улыбкой, больше похожей на гримасу, и сказал:

– Ты – француженка, ты – наш враг, ты умрешь.

Она опять хотела возразить, но офицер повернулся к ней спиной и отдал по-китайски какое-то приказание.

Два солдата схватили ее, отнесли в соломенную хижину и бросили там на пол, точно пакет. К дверям приставили часового, а для большей безопасности в углу хижины поставили зажженный факел.

В ту минуту, когда Фрикетта падала на пол, в хижине раздался жалобный крик. Фрикетта оглянулась кругом и при свете факела увидела рядом с собой маленького мальчика, худого и истощенного, к которому тотчас же почувствовала жалость.

Вся одежда мальчугана состояла из грязного лоскутка, обмотанного вокруг талии. Фрикетта приподняла свои связанные руки и тихонько погладила несчастное существо.

– Бедняжка! – сочувственно проговорила она.

Мальчик сначала посмотрел на нее хмуро и недоверчиво, но потом выражение лица его смягчилось, на губах появилась широкая улыбка до ушей; он инстинктивно схватил приласкавшую его руку и поцеловал ее, пробормотав несколько непонятных слов.

– Боже мой! – воскликнула Фрикетта. – Можно ли быть таким безобразным и в то же время таким симпатичным!

Услышав этот голос, мальчик еще шире улыбнулся. Ему пришла в голову удачная мысль. Веревки, которыми были связаны руки пленницы, были очень крепки, но мальчик обладал преострыми зубами. И вот он принялся грызть веревку. Меньше чем через пять минут Фрикетта получила возможность вполне свободно действовать руками.

«Да он не дурак! – подумала Фрикетта. – Очень ловко».

Уверенные, что пленнице не убежать, китайцы оставили ей сумочку. Из нее Фрикетта вытащила ланцет и перерезала веревки на ногах у себя и у мальчика.

Оба были свободны. Мальчик, блестя глазенками, прижался к ней. Она стала ему говорить тихо и быстро, дополняя и поясняя слова жестами. Мальчик слушал и, видимо, понимал.

В лагере постепенно затихли все звуки. Усталые от похода и битвы китайцы спали как убитые. Только часовые перекликались кое-где.

«Надо бежать во что бы то ни стало, – решила Фрикетта, – иначе завтра эти обезьяны меня расстреляют».

Она встала и подошла к двери, которая была широко открыта. Ее остановил громкий храп часового.

– Я о нем и забыла! – проговорила она. – Как же с этим быть?

Утомленный часовой спал стоя. Мальчик выполз из хи-

жины и лежа стал смотреть снизу вверх на солдата. Тот засыпал все крепче и крепче, постепенно оседая на землю и обхватив руками ружье.

Мальчик вернулся в хижину и мимикой объяснил Фрикетте, в каком положении находится часовой.

– Понимаю! – сказала она. – Это значит – он спит. Надо воспользоваться случаем.

Она вышла из хижины, но часовой вдруг приподнял голову и забормотал. Фрикетта быстро вернулась в хижину и сердито проговорила:

– Этакой несносный!.. А между тем я все же не решусь его убить. Я даже понять не могу, как это можно убить человека, хотя бы для сохранения собственной жизни... Как же мне теперь быть? Что делать?..

Мальчик смотрел на нее во все глаза и тоже что-то обдумывал. Вдруг он встал, направился к факелу, горевшему в углу хижины, и потушил его. В хижине сделалось совершенно темно.

«Превосходная мысль! – сообразила Фрикетта, ударив себя по лбу. – И у меня тоже мысль... Часовой не хочет заснуть. В таком случае мы усыпим его».

Она опять порылась у себя в сумочке и достала оттуда флакон с хлороформом; откупорив его, она в темноте осторожно вышла из хижины и подкралась к солдату. Тихо и ловко приставила она к его носу флакон. Солдат дышал тяжело,

как все усталые люди, и потому сразу сильно потянул в себя носом усыпительный запах хлороформа.

Фрикетта, радуясь успеху, продолжала держать склянку у носа часового. Еще несколько мгновений – и часовой заснул, как чурбан.

Фрикетта спрятала флакон обратно в сумку и вернулась в хижину, где ее ждал мальчик, он улыбнулся, готовый всюду следовать за нею.

Ночь была темная. Лишь кое-где на небе блестели звезды.

Фрикетта ориентировалась с грехом пополам и направилась на юг, где, по ее соображению, находилась японская армия. Мальчик пошел с нею. Он шел медленно и осторожно, пробираясь среди крепко спящих солдат. Фрикетта уже надеялась, что ей удастся пройти благополучно через весь лагерь, но вдруг беглецы совершенно неожиданно наткнулись на кучку солдат, варивших себе рис. Беглецов заметили при свете жаровни. Солдаты вскочили и крикнули им, чтобы они остановились. Фрикетта крепко сжала руку своего маленького спутника и припустилась бежать. Китайцы схватили ружья. Пули засвистали со всех сторон. Крики становились все громче и громче. Испуганный мальчик еле брел. Фрикетта схватила его на руки, собрав свои последние силы. Крики и выстрелы приближались.

В эту минуту молодая девушка увидела перед собой небольшую полянку в лесу. Перебежав ее, она кинулась в густую чащу. За чащей оказалась широкая темная река, пре-

градившая беглянке путь.

– Лучше смерть, чем опять этот плен! – решила энергичная девушка.

Прижав к себе мальчика, она кинулась в волны.

Глава V

Mens sana in corpore sano¹. – Плавание. – Спасены! – Ли и Лили. – Ли завтракает, а Фрикетта голодает. – Крокодиленок a la coque.

Что наша воспитательная система очень далека от совершенства, с этим, я думаю, согласен будет всякий. Физическая сторона находится у нас в полном пренебрежении, и только одни военно-учебные заведения составляют исключение. В последнее время, впрочем, современные педагоги понемногу стали браться за разум и вводят, по мере возможности, различные физические упражнения в школах, без чего, в сущности, правильное воспитание немислимо, так как от воспитания требуется приведение в равновесие всех духовных и физических сил воспитанника.

Результаты этих новых педагогических веяний уже начинают сказываться. Не теряя свойственной им полу грации, воспитанницы преуспевают в разных видах спорта. Такова была и наша Фрикетта. Вот почему она и сумела быстрой ланью промчаться мимо китайцев и решилась даже броситься

¹ Mens sana in corpore sano – в здоровом теле здоровый дух. Вот принцип, которым начала постепенно проникаться современная педагогика, к сожалению, так долго его игнорировавшая. Но лучше поздно, чем никогда. Гимнастика, танцы, фехтование, верховая езда, плавание, прогулки и игры на свежем воздухе постепенно вводятся в наших учебных заведениях – и не только мужских, но и женских.

в реку да еще с восьмилетним мальчиком.

Очувтившись в воде, она первым делом нырнула на самое дно и заметила:

– Да здесь глубоко!

Схватив под левую мышку голову полубесчувственного мальчика, она правой принялась энергично грести. Мальчик уже не барахтался, а это только и нужно было Фрикетте.

Таким образом она проплыла саженой пятнадцать, но вот выбилась из сил окончательно и начала опускаться на дно. Вдруг нога ее встретила что-то твердое. То было песчаное дно... Берег был близко... Шатаясь, прошла она несколько шагов, схватилась за траву и вышла на сушу, не выпуская из рук маленького корейца.

Минут пять она переводила дух, не в состоянии ничего больше предпринять. Промокла она до последней нитки и стучала зубами от холода.

Маленький кореец постепенно приходил в себя и громко чихал.

– Ну, господин мальчик, – шутливо сказала ему Фрикетта, – мы спасены.

Он что-то пролепетал в ответ, привстав на своих слабых ногах, и потянул Фрикетту за платье, как бы говоря: «Пойдем».

– Что ж, я готова. Ты здешний, показывай дорогу.

Ребенок все тянул ее за мокрую юбку. Фрикетта пошла за ним, ступая по топкому болоту. К счастью, они не встретили

неприятеля.

Вскоре к усталости и холоду присоединились мучения голода. Мальчик заметно ослабевал. Фрикетта тоже не могла похвастаться свежестью сил, так как перед битвой лишь успела наскоро закусить.

Так проблуждали они всю ночь. Когда взошло солнце, они увидели, что кружились все это время на одном месте: река была тут же, только метрах в пятистах, не более.

Фрикетта засмеялась. Мальчик тоже засмеялся.

Ей пришло в голову спросить:

– Послушай, как тебя зовут?

Он стал повторять ее слова, разумеется, коверкая их.

– Да ведь это вовсе не урок французского языка с моей стороны, ты не думай... Ах, как бы ему это объяснить?

И, указывая на себя пальцем, она сказала:

– Фрикетта.

Когда она произнесла это слово раза три, сопровождая его тем же жестом, мальчик понял и повторил:

– Фалликетта.

– Не Фалликетта, а Фрикетта.

– Фалликетта.

– Довольно!.. Ты мне уши дерешь... Очевидно, господа китайцы никак не могут произнести звук «р».

Указав пальцем в мальчика, Фрикетта сделала головой вопросительный знак.

Мальчик понял и ответил:

– Ли.

– Так тебя зовут Ли!.. Прекрасно!.. Жаль, что я не догадалась сказать тебе свое уменьшительное имя – Лили. Ты бы не коверкал его по крайней мере.

Мальчик опять засмеялся и сказал:

– Фалликетта... Лили!

– Да ты у меня премиленький!.. Вижу, что мы в конце концов сговоримся. Прекрасно. Зови меня Лили. Так мы и будем с тобой – Ли и Лили.

Она заметила, что ее Ли вдруг стал озабоченно оглядывать почву, всю покрытую песком и илом, на котором заметны были когтистые следы какого-то странного зверя.

«Что за противные следы! – подумала Фриккетта. – Что бы это за зверь был?»

На песке возвышались там и сям небольшие бугорки, которые Ли принялся раскапывать руками. Вскоре он вытащил несколько огромных яиц величиной каждое с двойной кулак. Одно из них он кокнул о камень и жадными губами сейчас же присосался к образовавшемуся отверстию.

– Классический способ есть сырые яйца! – сказала Фриккетта. – Но свежи ли они? У меня к ним какое-то недоверие.

Ли, показав подруге, как надо справляться с яйцами, взял другое яйцо и любезно подал его ей, предварительно кокнув его.

Фриккетта взяла, понюхала и, почувствовав отвратительный запах сернистого водорода, бросила яйцо прочь, вос-

кликнув:

– Да оно насиженное!.. Зародыш почти развился!.. Фи, какая гадость!

От падения яйцо разбилось совсем. Молодая девушка с отвращением увидела в нем копошащегося... крокодиленка.

Ли не разделял подобного отвращения. Он схватил зародыш, открыл рот и проглотил его с видимым наслаждением, подобно тому, как мы глотаем красных креветок.

Фрикетта насмешливо смотрела на мальчика и думала:

«Странная, однако, гастрономия у этих господ восточников! Гнезда ласточек, личинки бабочек, жареные собаки, гнилые яйца!.. Нет, наша кухня лучше».

Лучше ли? Права ли Фрикетта? А наша дичь с запашком, а наши вонючие сыры – рокфор, лимбургский и другие? Чем это лучше тухлых яиц?

Как бы то ни было, но Ли позавтракал, а Фрикетта осталась голодной. Мальчик с удовольствием облизывался и жмурил глаза.

Фрикетта достала записную книжку и на ее подмоченных листках написала:

«Моего нового друга зовут Ли. Он завтракает крокодиленком а la соке, а я подтягиваю себе живот. Что-то с нами будет?»

Неожиданный инцидент скоро должен был произойти,

чтобы дать ответ на ее вопрос.

Глава VI

Маленький крокодил. – Пенсне мадемуазель Фрикетты. – Огонь! С меня довольно! – Прерванный завтрак. – Чудовище. – Бегство. – На дереве. – Осада. – Сампан. – Ли – местная «шишка».

Река делала в этом месте довольно крутой изгиб, что способствовало во время наводнений осадке белого речного песка, который теперь образовал на берегу довольно большую отмель. Насытившемуся Ли было досадно, что его подруга отказалась от неприхотливых, но сытных блюд. Его доброе сердце подсказывало ему, что Лили голодна, и он выбивался из сил, придумывая, чем бы ее накормить.

Его черные, сверкавшие, как закаленная сталь, глаза зорко озирались во все стороны, оглядывая отмель.

Вдруг он радостно крикнул и подпрыгнул. Затем начал бегать, как будто на нем загорелись лохмотья, обернутые вокруг его талии.

Фрикетта с изумлением смотрела на мальчугана.

Известно, что крокодилы, подобно всем ящерицам, большим и малым, вылупливаются из яиц. Собираясь нести яйца, самка выкапывает в песке несколько неглубоких ямок и кладет в них от двадцати пяти до тридцати яиц.

Закрыв углубления песком, она предоставляет всю заботу о будущем поколении солнцу. Жара и песок играют роль

искусственного инкубатора, и маленькие крокодилы вылупляются, по словам одних естествоиспытателей, на двадцать первый день, по словам других – на сорок первый².

Хитрый мальчишка разыскивал кучи яиц и преимущественно останавливался у тех, которые казались ему положенными раньше.

Перед одной из таких кучек он остановился окончательно и задумался, расставив ноги и упершись ладонями в колени.

Песок тихо двигался, будто под верхним слоем шевелились живые существа.

Скоро из кучки выползло что-то вроде маленькой ящерицы, сантиметров пятнадцать в длину, с большой головой; в первую минуту животное как будто еще не пришло в себя, но затем, пошевелив хвостом, головой и лапами, оно быстро побежало по направлению к реке.

С проворством обезьяны, ловящей пчел и съедающей их, Ли подхватил маленького крокодила и положил его на землю, перевернув брюшком кверху.

Это положение особенно неудобно для земноводного, так как переменить позу оно не может без посторонней помощи.

– Да это маленький крокодил! – воскликнула Фрикетта. – Тут целый выводок!

Действительно, вслед за первым из ямки выполз второй и вскоре также лежал неподвижно, схваченный мальчуганом.

² Очень может быть, что те и другие правы. В странах экваториальных срок, вероятно, короче, чем в странах, где лучи солнца менее жгучи. – Прим. автора.

Третьего и четвертого крокодила постигла та же участь. Наконец, их набралась целая партия.

– Уж не думаешь ли ты кормить меня ящерицами? – спросила Фрикетта, чрезвычайно заинтересованная.

При виде этих судорожно двигавшихся хвостов и лап Ли продолжал смеяться своей широкой, как у буддийского идола, улыбкой. Видя, что и это лакомство не прельщает его по-другу, он подбежал к бамбуковому кусту, собрал охапку сухих палок, и, указывая жестом то на бамбук, то на крокодилов, казалось, хотел сказать:

«Вот мясо; вот дрова; разведи костер, изжарь мясо и ешь!.. Ну же, скорей, мне тяжело видеть тебя голодной!»

В душе Фрикетта как будто слегка колебалась. От голода или любопытства, но ее отвращение уменьшилось.

«Притом ведь это еще совсем маленькие крокодиленки, – думала она, – право же, не совсем обыкновенное блюдо; сам Фрике, великий Фрике, мой учитель, не пробовал его... Да, но где добыть огня?»

Фрикетта вспомнила, что у нее с собой был трут как кровоостанавливающее средство, которое должно непременно находиться во всякой дорожной аптечке.

Но у нее не было ни кремня, ни огнива, ни какого-либо другого стального инструмента.

– Да, право, жаль, – повторила она задумчиво. – Хотелось бы выйти из этого затруднения.

Вдруг она воскликнула:

– Ах, нашла! А мое пенсне.

Подобно большинству людей, которым приходилось очень много читать и работать, у Фрикетты зрение было слабое. Пенсне всегда находилось в кармашке ее корсажа, и она никогда с ним не расставалась.

Вынув пенсне из футляра, она не раскрыла его, а подставила стекла, как они лежали одно над другим, под отвесные лучи солнца.

Другой рукой она держала кусок трута, то приближая, то отдаляя его, стараясь найти фокус.

Фрикетта не отрывала глаз от маленького светящегося круга. Мало-помалу показалась струйка дыма с легким запахом гари. Затем запах дыма стал сильнее: трут загорелся.

– Победа! – воскликнула Фрикетта. – Я добыла огонь!..

И Ли, изумленный, кричал также на своем ломаном языке:

– Победа!.. Победа!

Фрикетта бросила трут на сухой бамбук и стала раздувать огонь. Бамбук вспыхнул, и веселое пламя взвилось в воздух.

Ли схватил маленьких крокодилов и бросил их с полдюжины в огонь. Они скоро испеклись, и в воздухе распространился запах жареного мяса.

– В конце концов, кушанье, должно быть, не хуже всякого другого, – сказала Фрикетта. – У этих бедных новорожденных вместо костей хрящи... Их можно очистить, как банан, и съесть сразу. Фрике находил, что так приготовленные

маленькие черепахи очень вкусны, и съедал их без остатка. Попробуем!

Кончиками пальцев она взяла одного маленького крокодила, съездившегося от жарения и похожего на тех высохших гиппопотамов, которых можно видеть в музеях.

Молодая девушка собиралась покориться необходимости и попробовать странное блюдо, как вдруг отчаянный крик Ли заставил ее вздрогнуть.

Она вскочила, уронив жареного крокодиленка, и увидела, что мальчуган убегает со всех ног, делая ей знак следовать за собой.

Машинально Фрикетта повернула голову, чтобы увидеть причину волнения мальчугана, и сама вскрикнула от ужаса. Почти рядом с Фрикеттой, всего метрах в двух, раздался звук, похожий на рев быка. Громадный крокодил, с которого еще стекала вода, дотащился до этого места и, стоя на растопыренных лапах, жадным взглядом смотрел на девушку, собираясь схватить ее.

Ли первый заметил чудовище и бежал. Ей невозможно было это сделать – настолько пресмыкающееся было близко. Она не успела бы сделать и десяти шагов, как эти громадные зубы схватили бы ее, растерзали и в минуту измололи...

Видя смертельную опасность, в которой находилась его подруга, Ли опять приблизился, не переставая кричать; но крики его приводили животное еще в большую ярость.

Крокодил был метров шесть в длину. Его фиолетовая, на-

лившаяся кровью пасть, не менее метра ширины, то открывалась, то закрывалась, шелкая, как ножницы. Одного удара хвоста было бы достаточно, чтобы сразу убить самого сильного человека.

Бледная, но решительная Фрикетта не потеряла присутствия духа. Она выхватила из горящего костра самые длинные бамбуковые палки, собрала их в пучок, образовавший как бы пылающий факел, и смело сунула его в самую глубину широко открытой пасти чудовища.

Челюсти сомкнулись со стуком крышки чемодана.

Послышалось шипение горящего мяса и вслед за ним мычание.

Обожженное, задыхающееся животное отскочило одним прыжком назад, схватившись когтями за пасть, царапая ее и стараясь вырвать горящий тростник.

Молодая девушка достигла своей цели. Избавившись от первой опасности этим смелым маневром, она теперь бежала прочь что было духу, сопровождаемая мальчуганом, покачивавшимся со смеху над ловкой выдумкой.

– Да, хорошо тебе смеяться! – с комическим негодованием обратилась к нему Фрикетта. – Нечего сказать, прелестная страна! Настоящий зверинец!

Опомнившись от испуга и не чувствуя уже такой боли, как в первую минуту, крокодил снова погнался за беглецами.

Ли увлек свою подругу к реке, и не без основания, как увидим, хотя на первый взгляд это направление казалось Фри-

кете неправильным. Она боялась, чтобы чудовище не перерезало им путь отступления в равнину. Так и случилось. Однако у Ли были свои планы. Берег порос густыми деревьями, с ветвями, опускавшимися до самой воды.

Видя, что земноводное быстро приближается, Ли схватился за ветку и вмиг, с быстротой обезьяны, очутился наверху. Фрикетта последовала за ним с чрезвычайной легкостью. Теперь она весело смеялась, зная, что крокодила уже нечего бояться.

Крокодил подполз к самому дереву и обходил его с решительным видом.

Он то открывал, то опять закрывал свои большие бычьи глаза, бил по воздуху хвостом, щелкал челюстями.

Видя, что ему не добраться до Ли и Фрикетты, спокойно усевшихся на ветке, крокодил растянулся на земле и стал спокойно караулить.

– Он осаждает нас! – совершенно основательно заметила Фрикетта. – Чем все это кончится?.. Каково упрямство при такой злости! Я думала, что крокодилы не нападают на людей...

Действительно, обыкновенно большие земноводные нападают на людей очень редко, но во время кладки яиц самка очень внимательно наблюдает сначала за яйцами, потом за молодым потомством, защищая его от многочисленных врагов, немилосердно истребляющих и яйца, и выводки. Вообще она очень хорошая мать.

Поступок Ли с несколькими малютками возбудил против него и его подруги негодование чадолюбивой мамыши.

Между тем осада затягивалась, и Фрикетта с ужасом думала, что должна, наконец, настать минута, когда во что бы то ни стало придется слезать.

Ли, казалось, совершенно успокоился. Он в полном блаженстве переваривал полдюжины съеденных им яиц, сохраняя невозмутимость буддийского идола.

После двух часов ожидания, показавшихся целой вечностью, они увидели плывшую вниз по течению большую крытую барку, на туземном языке «сампан».

Целые семьи вместе с полным скотным двором рождаются, живут и умирают на этих плавучих домах.

Ли резко свистнул и тоном человека, привыкшего распоряжаться, велел экипажу подъехать.

Люди повиновались и причалили к дереву, на котором скрывались молодая девушка и мальчуган.

Крокодил начал ворчать и яростно бегать вокруг ствола. Фрикетта не могла придумать, как им попасть в эту лодку, подоспевшую так кстати.

Ли подал пример. Он скользнул на сук, свесившийся над водой до самой крыши сампана; Фрикетта последовала его примеру и прыгнула на прочную крышу лодки.

В отношении людей к мальчику проявлялась более чем почтительность, – это было настоящее благоговение.

Мужчины и женщины опускались на колени, целовали его

руки и ноги и всячески выражали ему свою крайнюю почти-тельность.

Ли относился ко всему совершенно хладнокровно, будто всю свою жизнь исполнял роль идола, и своим дребезжащим голоском отдавал приказания, которые немедленно исполнялись.

Эти приказания касались, главным образом, его подруги, которой Ли не забыл. В один миг со всех концов лодки молодой девушке натащили целую грудку всяких угощений, так что ими можно было бы целую неделю кормить человек двадцать.

И мадемуазель Фрикетта, насытившись и повеселев, режюмировала положение вещей одною из острот, которые у нее всегда находились в запасе.

– Мосье Ли, – обратилась она к мальчугану, – вы, кажется, одна из «шишек» здешней местности?.. Очень приятно!

Глава VII

В дороге. – Ли воздают божеские почести. – Два корейских племени. – Жители. – Впечатления. – Мандарины и синие пуговицы. – В паланкине. – Самый неудобный из всех экипажей. – Путешествие в ящике. – В Сеуле. – Дворец. – Царский сын.

С того часа, как Фрикетта попала на корейскую барку, для нее началось спокойное существование прибрежных рыбаков, спокойно вверяющих себя тихому течению реки.

Но как интересна была жизнь этих простых людей, принявших к себе ее и ее смешного друга Ли.

Этот сампан представлял собой целый мирок, богатый местными красками и самыми интересными странностями.

Люди, животные, одежда, обычаи, пища – ничто не походило на то, что Фрикетта видела раньше, и все возбуждало ее любопытство.

Она постоянно высматривала все своим пронизательным взглядом, затем открывала записную книжку и заносила в нее несколько кратких заметок, где обыкновенно точно и образно передавала полученные впечатления.

Эти разносторонние заметки, всегда списанные с натуры, давали Фрикетте возможность составлять остроумные и живые журнальные статьи, имевшие такой успех.

Вот некоторые из таких заметок, относящихся к сампану:

«... Ли, единственной одеждой которого служила собственная кожа и кусок бумажной материи, получил полный костюм, состоящий из длинного полотняного халата, очень простого, но чистого. Это платье не сделало его красивее, но придало ему более порядочный вид.

Все поклоняются ему. Это очень интересует меня, и мне очень хотелось бы узнать, кем может быть Ли.

Население сампана состоит из четырех мужчин, четырех женщин и пятнадцати или двадцати ребят... наверное не знаю.

Между мужчинами меня особенно поразило необыкновенное разнообразие типов. У двух физиономия носит отпечаток некрасивого, на наш взгляд, монгольского типа: курносый нос, приплюснутый у корня и раздутый в ноздрях; косо расположенные глаза; выдающиеся скулы; громадный рот; толстые губы; желтая кожа; светлая борода, торчащая как щетка...

Одним словом, вполне китайцы!

Другие имеют по чертам лица и цвету кожи физиономию вполне европейскую. Они носят длинную густую бороду, и это обстоятельство, вместе с белой кожей, правильным носом и глазами, расположенными как у нас, заставляет думать, что жители здешней местности принадлежат к двум различным расам.

Что касается здешних «дам», то их нельзя назвать красивыми. Вид у них испуганный и утомленный чрезмерной ран-

ней работой. Все они чисто китайского типа, и между ними нет того резкого различия, которое поразило меня у мужчин.

После всех волнений это путешествие по реке кажется мне восхитительным. К несчастью только, на сампане, этом корейском ковчеге, очень тесно, и животные уж слишком ручные.

Ко мне относятся с величайшим почтением, и все стараются угодить мне. И это внимание относится больше к ученой, к писательнице, чем к женщине. Видя, что я то и дело пишу, эти добряки смотрят на меня как на какое-то особенное существо, принадлежащее к высшей расе.

Все здесь умеют читать и писать, и на сампане есть книги, которые просматриваются с интересом. Поэтому и к людям, причастным, подобно мне, к литературе, все эти взрослые дети относятся с большим уважением.

Предполагают, что у себя в отечестве я должна быть мандарином... или, скорее, мандариншей...

Мы питаемся хорошо; рис и свежая рыба подаются ежедневно. Рис, сваренный на пару, превосходен, а рыба очень вкусна.

Хозяина сампана зовут Тцепг, – имя, похожее на звук гонга или чиханье. У него есть два ручные баклана, которые ловят ему рыбу.

Днем мы тихонько плывем по реке; ночью сампан причаливает к берегу, и мы спим сном блаженных людей.

Сюда не доходит шум войны, и всюду царствует полная

тишина. Долго ли так продлится?

Меня учат корейским словам, но, по-видимому, произношение мое так ужасно, что все хохочут до слез.

Я, в свою очередь, покатываюсь со смеху, когда обитатели сампана называют меня по-китайски: Фаликетта.

Мимоходом сделаю одно замечание: мужчины не носят, подобно китайцам, длинных, плетенных как шнурки кос. Они поднимают волосы на макушку и связывают в узел, который сдерживается сеткой из очень тонких бамбуковых ниток, похожих на конский волос. Это просто безобразно.

Дети носят косы и очень гордятся ими. Ужасно смешно! Так и хочется потянуть их за этот шнурочек, который висит до пят. Шляпы необъятной величины. Они делаются из бамбуковых ниток, но сплетены так, что не дают защиты ни от солнца, ни от дождя. Их прямо надевают на узел из волос, и лента под подбородком удерживает их.

Вчера был праздник. Все оделись в парадные платья. Мужчины надели длинные белые полотняные халаты и короткие сапоги с загнутыми носками и войлочными подошвами. Очень красивый, кокетливый яркий костюм женщин и детей состоит из юбки и коротенькой кофточки с рукавами.

Ли, по-видимому, принадлежащий к более высокой касте, получил очень роскошный шелковый костюм. Он единственный из всех так разодет, и это подтверждает мои предположения о его происхождении.

Прическа наших дам очень оригинальна и грациозна. Она

состоит из двух кос, обмотанных вокруг головы в виде тюрбана. Косы подколоты далеко высовывающимися булавками с эмалью, что придает прическе живописность».

Плавание, которым так восхищалась мадемуазель Фрикетта, продолжалось более двух недель. Сампан двигался гораздо медленнее трансатлантического парохода. Но сама эта медленность имела прелесть для молодой девушки, которая каждую минуту радовалась принятому ею решению оставить спокойную городскую жизнь и искать приключений за тысячи верст.

Наконец, в одно прекрасное утро сампан остановился перед обширным селением, которое Тценг назвал Фа-Чжю. Это была последняя остановка.

Едва барка пристала, как хозяин ее поспешил к дому губернатора.

Пока велись переговоры, Фрикетта сошла на землю и с любопытством осматривала домики, ютившиеся на берегу реки. Здесь она испытала разочарование: издали эти домики со своими соломенными крышами имели живописный вид, вблизи же они казались отвратительными лачугами, где европейцы не захотели бы поместить и своего скота.

Грубо обтесанные и воткнутые в землю древесные стволы образовали сруб. Неровные стены, слепленные кое-как из глины, смешанной с рубленой соломой, местами потрескались и давали свободный доступ ветру, дождю и солнцу.

Внутри господствовали отталкивающая неопрятность и теснота, в которой здесь ютились люди и животные.

Молодая девушка заметила, что самые ужасные кожные болезни попадались здесь очень часто.

Продолжать свои наблюдения ей помешал совершенно неожиданный эпизод. Странная процессия вышла из главной улицы и торжественно-медленно направилась к сампану. Заинтересованная Фрикетта вернулась на барку.

Во главе процессии шел Тценг, хозяин барки, служа проводником; за ним – с дюжину милиционеров в стальных шлемах, украшенных красными перьями и вооруженных длинными саблями и громадными фитильными ружьями.

Следом несли три паланкина³. Наконец, офицер с двумя саблями нес закрытый зонт, обозначающий присутствие высокого сановника.

Процессия остановилась, и из первого паланкина вышел старик почтенной наружности, с длинной белой бородой и лицом европейского типа.

При виде Ли, сошедшего на землю, мандарин, одетый в богатые шелковые ткани и в шапочке, украшенной синей пуговкой, преклонил одно колено и почтительно поцеловал руку маленького гнома.

«Что значат все эти поклоны, которые так расточают перед Ли? – думала Фрикетта. – Что он такое – идол?.. цар-

³ Паланкин (португ.) – крытые носилки.

ский сын?.. Приключение делается все более и более интересным».

Старик, стоя на коленях, произнес краткую речь, которую Ли важно выслушал; затем подозвал жестом двух носильщиков, и они поставили паланкин на землю.

Ли, послав дружескую улыбку Фрикетте и ответив несколькими словами старику, вошел в паланкин.

По новому знаку старика приблизились другие два носильщика и жестами пригласили молодую девушку занять место в странном экипаже.

При виде этого ящика, величиной не более собачьей конуры, Фрикетта на минуту поколебалась. Не будучи в силах сдержать улыбку, она думала про себя:

«Но, во всяком случае, содержащее больше содержимого... Там будешь чувствовать себя, как труп в гробу!..»

Видя ее колебание, старый мандарин показал ей пример: он задом влез в отверстие с передней части носилок, сел на корточки и пробормотал несколько непонятных слов, относившихся, само собой разумеется, к Фрикетте.

Но она уже знала, как поступать, и тотчас последовала его примеру.

Улыбнувшись на прощанье жителям сампана, она поместилась в паланкине.

Едва успев принять позу, неудобную для нас, европейцев, она почувствовала, что носильщики подняли ее с земли и побежали крупной рысью.

Этот способ передвижения, употребляемый в Корее за недостатком путей сообщения, а также выючных и упряжных животных, очень неприятен для европейца. Не имея возможности пошевелиться, потянуться, даже почесаться, Фрикетта переносила настоящую пытку. Кроме того, тихое и непрерывное покачивание паланкина вызвало в ней неприятное ощущение, похожее на морскую болезнь.

Такое путешествие продолжалось несколько часов! Время от времени Фрикетта чувствовала сильный толчок, потрясавший с головы до ног все ее внутренности. Это бывало, когда усталый носильщик уступал место своему товарищу.

Тот с невероятной быстротой схватывал, так сказать, на лету концы жердей, не останавливаясь ни на минуту.

При наступлении ночи путешественники остановились в самом удобном доме одного селения, по указанию старого мандарина.

Почет, которым окружен был Ли, все увеличивался, не мальчик не возгордился.

Молодая девушка слышала часто слово «Сеул». Она знала, что так называется столица Кореи, и решила, что поезд их направляется в этот город.

К счастью, расстояние, отделяющее Фа-Чжю от столицы, невелико.

На другой день около полудня маленький отряд увидел стены, образующие на протяжении четырех миль укрепле-

ния Сеула⁴.

Широкие, но немощные, заваленные мусором улицы были запружены толпами жителей в праздничных нарядах. Фрикетта увидела, что солдаты выстроились и пытались отдать честь по-европейски.

Затем раздался оглушительный залп из пушек.

Народ толпился на пути паланкинов и перекрывал проход, несмотря на удары бамбуковых тростей, хлопавших, как по барабанам, по спинам любопытных.

Сделав большой полукруг до южных ворот, они подошли к ограде высотой в десять метров.

Здесь, на пространстве трех квадратных километров, помещался королевский дворец и его службы.

Фрикетта, старый мандарин и вся свита вошли в массивные ворота, охраняемые солдатами в полной парадной форме, и подошли к дворцу китайского стиля, охраняемому двумя гранитными львами, лежащими в позе сфинксов.

Трое путешественников вышли из паланкинов и с наслаждением потянулись, особенно Фрикетта.

К ним подошел кто-то вроде дворецкого и немедленно ввел их в громадный зал, украшенный с восточной роскошью. Плотная толпа роскошно одетых чиновников расступилась, чтобы дать дорогу Ли, который первый подошел к

⁴ Официальное имя этого города – Хан-Янг. Китайцы называют его Уанг-Чинг, а корейцы – Сиеур. Китайцы исказили это название в Сеул, и европейцы приняли их произношение. – Примеч. автора.

человеку, одетому в белое платье и сидевшему на золоченом возвышении вроде трона.

Несмотря на восточную флегматичность, этот человек проявил большую радость при виде мальчугана и, как самый обыкновенный папаша, раскрыл ему свои объятия.

Ли бросился к седому человеку и начал целовать его.

Тогда предположения Фрикетты подтвердились: этот счастливый отец был Ли-Хун, король Кореи, повелитель десяти миллионов подданных, а мальчик Ли – его наследник.

Глава VIII

Тайное общество. – Несколько слов из истории. – Тогаку-тосы. – Соперничество между двумя державами. – Причины китайско-японской войны. – Почему Ли похитили. – Сеул. – Тип миссионера. – Грязь и зараженная атмосфера. – Фрикетта хочет уехать.

Китайско-японская война открыла нам существование могущественной, опасной и почти совершенной военной организации на Крайнем Востоке.

Вначале в Европе эту борьбу считали шуточной войной. – Они будут друг в друга шапками кидать! – шутя выразился один генерал, известный брюзга.

На деле же оказалось, что война велась по всем правилам и готовилась на протяжении четверти столетия. Во главе войск стояли замечательные полководцы. Все это относится к японцам, так как китайцы, неуклонно державшиеся своей вековой рутины, проявили себя с самой плачевной стороны. Не входя в обсуждение подробностей военных операций, не безынтересно было бы узнать причины этой войны, так как с этими причинами связан тяжкий плен, из которого Фрикетта освободила маленького Ли.

Основной и действительной причиной было вековое соперничество между Китаем и Японией, с незапамятных времен оспаривавших друг у друга первенство на Востоке; слу-

чайный же повод, повлекший за собой столкновение двух великих держав, дало существовавшее в Корее тайное общество, члены которого под предлогом патриотизма противились всем реформам.

Это общество называлось Тогакутос. Его члены считали всех иностранцев врагами, всякую уступку – слабостью, всякий прогресс – обманом. И странно, эти корейские патриоты не только не желали освобождения Кореи, но, напротив, настаивали на закреплении ее Китаем.

Около двух тысяч лет тому назад Корее удалось завоевать себе независимость; но японцы, уже давно жадно смотревшие на этот клочок земли, со своей стороны, старались овладеть им. Это послужило началом ожесточенной борьбы, продолжавшейся в течение многих веков.

Благодаря тогакутосам страна была совершенно недоступна иностранцам, так что, всего тридцать лет тому назад, ее вовсе не знали.

В 1866 году французская экспедиция, под начальством адмирала Розе, имела успех только наполовину, так же, как американская экспедиция 1868 года. Страна оставалась закрытою на замок.

В 1875 году японцы дипломатическим образом пробрались в Корею, усыпив на некоторое время бдительность тогакутосов. Их агенты в пять лет сделали больше, чем их войско в двадцать веков.

Они получили разрешение на вход для торговли в гавань

ни Фузана, Чемульпо и Жензана, добились позволения снять карту берегов, что представлялось крайне важным в случае войны.

Так мало-помалу японцы настолько укрепились в стране, что добились даже назначения японских офицеров для обучения войска. Таким образом храбрая и сильная армия очутилась в их власти. Это произошло в 1881 году. В 1884 году этим хитрым дипломатам удалось через своих агентов возбудить среди черни возмущение, имевшее целью освобождение Кореи от китайской зависимости.

Вмешался японский министр и ловко сумел доказать королю, что он должен признать Тиен-тзинский договор. По этому договору, обоюдоострым мечом висевшему над Кореей, Китай обязывался посылать свои войска на полуостров не иначе, как известив микадо, который, в таком случае, имел право послать туда такое же количество и своих солдат.

Король согласился и подписал.

Возмущение, возбужденное исключительно с целью добиться этого согласия, улеглось тотчас же по присылке трех тысяч солдат, наполовину японцев, наполовину китайцев.

Дверь была теперь широко раскрыта.

Видя эту медленную и непрестанную работу японского нашествия, тогакутосы взволновались и решили вмешаться. Большинство их принадлежало к привилегированным условиям, высшим сановникам, дворянам, крупным землевладельцам – и они пустили в ход своих агентов, которым

хорошо платили.

Это могущественное, богатое и хорошо организованное общество не отступало ни перед какими средствами, ни перед какими крайними мерами. Поджоги, похищения, убийства во всех видах были их обычным орудием.

Они противопоставили японскому влиянию китайское и нашли хорошо подготовленную почву, так как симпатии корейцев были на стороне китайцев, которые были более удобными повелителями, чем японцы со своим безграничным честолюбием и особенно своим отношением к корейцам как к низшей расе.

Так продолжалось до апреля 1894 года. Считая успех обеспеченным, тогакутосы, под предлогом взяточничества со стороны чиновников, взбунтовали население северной части полуострова. Представителей короля прогнали с занимаемых ими мест. Тогда Ли-Хун вмешался со своим войском.

Возмущение корейцев приняло такие размеры, что королевские войска не в состоянии были подавить его. В отчаянии Ли-Хун официально обратился к Китаю. В точности исполняя Тиен-тзинский договор, Китай немедленно сообщил о просьбе Ли-Хуна микадо.

Таким образом китайцы и японцы очутились лицом к лицу на корейской земле, и в первое время отношения между ними были самые вежливые.

Однако согласие продолжалось недолго, так как скоро обеим державам пришла мысль разыграть относительно Ко-

реи роль третьего вора в басне о двух ворах, укравших осла.

Китайцы втихомолку высадили 2000 человек, думая заставить японцев распряхнуться. У японцев было уже наготове 5000 человек; они высадили их в Чемульпо и поспешно заняли ими Сеул.

Китайцы отвечали посылкой нового войска.

Приняв этот поступок за выражение враждебности, микадо воспользовался им для объявления войны.

Военные действия начались взрывом большого транспортного китайского судна «Коушинг», причем ехавшие на нем тысяча двести солдат потонули.

Затем в продолжение шести недель, до большого сражения, на котором присутствовала мадемуазель Фрикетта, происходили незначительные стычки, вызванные концентрацией войск.

Тогакутосы, зная, что победа японцев навеки уничтожит их влияние в Корее, всеми силами старались поддерживать китайцев, своих естественных союзников.

С этой целью и с тем, чтобы оказать на короля Ли-Хуна окончательное влияние, они похитили его наследника, маленького Ли.

Ребенка украли из дворца ночью, несмотря на окружающую его стражу, а может быть именно с ее помощью. В комнате, где он жил, на стене оказался приколотый кинжалом исписанный лист бумаги.

«Король, сын твой в руках китайцев, которые сохраняют его заложником. От тебя будет зависеть, останется ли он в живых или умрет. Прикажи всем твоим подданным восстать, стань деятельным помощником китайцев, прогони японцев, и сын твой будет жить. Иначе ему грозит неминуемая смерть».

Китайцы увезли маленького принца и обращались с ним бесчеловечно до дня его встречи с Фрикеттой.

Остальное известно читателю.

Как король Кореи и еще более как отец, Ли-Хун с восторгом принял Фрикетту и с первой же минуты выражал ей бесконечную благодарность.

Он богато одарил также Тценга, владельца барки, привезшего его сына, и старого мандарина, окончательно вернувшего мальчика отцу.

Тценг получил богатые подарки, значительную сумму денег и освобождение от всех податей. Мандарин был возведен в высший класс. К несчастью, ни тому, ни другому не пришлось долго пользоваться королевскими милостями.

Тогакутосы, рассерженные этой первой неудачей, решили отомстить и стереть с лица земли всех тех, кто содействовал освобождению маленького Ли, а его самого уничтожить при первой возможности.

Угроза была тем ужаснее, что общество обладало почти безграничными средствами, чтобы привести ее в исполнение, что оно действовало втайне и что его члены, никому не

известные, принадлежали ко всем слоям общества.

Между тем Фрикетта, не зная об угрожающей ей опасности, с своей обычной живостью все высматривала, всюду заглядывала, была в движении целый день.

Случай свел Фрикетту с одним человеком, прекрасно говорившим по-французски, и он служил ей переводчиком. То был старый француз-миссионер, уже двадцать лет живший в Корее, а перед тем побывавший и в Китае и в Японии. Он сроднился с этим маленьким уголком Кореи, где вековое равнодушие буддистов терпело его, и жил спокойно среди небольшой группы туземцев, которых он обратил в христианство и которые привязались к нему.

При первой встрече Фрикетта приняла его за китайца по его костюму мандарина, в котором он, по-видимому, чувствовал себя совершенно свободно и который очень шел ему, по волосам на верхней губе, которые он отрастил себе по-китайски, в виде длинных, жидких усов, а также по остроконечной бородке. Длинная коса, спускавшаяся до пят, и большие роговые очки дополняли этот классический костюм.

Ошибка молодой девушки заставила рассмеяться старика, и он отвечал ей на чистом французском языке, от которого ее сердце востепенулось.

– Я старый француз, уроженец берегов Луары. Я священник и зовут меня отец Шарпантье; китайцы же не могут произнести мое имя и переделали его в Сальпатье.

– А меня из Фрикетты превратили в Фаликетту.

Старик и девушка сразу подружились. Побезденный с первого слова веселостью Фрикетты, он знакомил ее с корейскими обычаями, вводил ее в домашнюю жизнь этого обособленного народа, неизвестного даже на Востоке.

Наблюдательная и выносливая Фрикетта обходила с миссионером все уголки и закоулки Сеула, восхищаясь своими неожиданными открытиями.

Заглянем опять в записную книжку молодой девушки.

«Сеул в самом деле удивительный город. Да город ли это? Конечно, если смотреть на число его жителей, которое достигает двухсот тысяч... Но дома!.. Какие ужасные лачуги!.. Это жалкие мазанки из битой глины, крытые соломой, и крохотные, как жилища карликов. Большинство из них не имеют и трех метров в высоту. Когда из них выходит целая семья мужчин, женщин и детей, невольно сравнишь их с курами, высъпавшими из слишком тесного курятника.

Эти мазанки разбросаны вдоль вонючих переулков, заваленных всевозможными нечистотами! Чего тут только нет! И все это валяется в таком количестве, что часто нельзя шагу ступить... а добрые корейцы копошатся на своих улицах, как черви в навозной куче. И надо признаться, что вследствие этого общаться с ними не особенно приятно.

Как подумаешь, что еще в прошлом году я жаловалась на парижские запахи! А тот воздух, которым мне приходилось иногда дышать и во время

занятий, и в госпитале, и в анатомическом театре, ничто в сравнении с ароматом, стоящим на улицах Сеула.

Отец Шарпантье привык к нему и, кажется, уже не замечает его. Счастливец!

Несколько королевских дворцов содержатся немного лучше, но тот же запах и там встречается на каждом шагу. Приходится ступать осторожно, будто исполняя «танец между яйцами».

Отец моего маленького друга Ли познакомился с некоторыми плодами цивилизации. Его, как большого ребенка, тешили телефон и фонограф. Но он ничего в них не понял и скоро испортил эти таинственные игрушки. Точно мальчика, которому непременно надо знать, что находится внутри.

Нет, я не могла бы жить в такой стране.

Наступили сильные холода; зима в этой стране, лежащей на одной широте с Неаполем, холодная. Жители теснятся в своих мазанках и согреваются оригинальным способом. Под полом каждой мазанки в подвале устроено нечто вроде печки, которую набивают всевозможным горючим материалом, в том числе и уличным сором. Дым выходит через трубу, выходящую на улицу на высоте метра над землей. Когда холодно, все эти трубы дымят немилосердно и застилают улицу густым облаком вонючего дыма, который ест глаза, раздражает горло, возбуждает тошноту, мешает видеть и бывает причиной падения.

Зима становится все холоднее. Холод собачий, а я

такая зябкая! Однако нет худа без добра: от сильных морозов замерзли канавы и грязь, а всякие нечистоты превратились в камень. Как будто произошла всеобщая дезинфекция, и это уже немало.

Но все же, несмотря на дружбу моего маленького Ли, несмотря на заботы, которыми меня окружает его отец, корейский король, несмотря на дружбу старого миссионера, мне хотелось бы уехать и вернуться в армию.

Когда это будет?»

Глава IX

Планы отъезда. – Чудеса Фрикетты. – Мыло и вода. – Опять тогакутосы. – Ужасная казнь. – Сеул объят ужасом. – Первые жертвы. – Неудавшееся бегство. – Возвращение. – Исчезла!

Ползимы протекло без особенных происшествий. Фрикетта, крайне чувствительная к холоду, совсем закупорилась во дворце, предоставленном великодушно Ли-Хуном в ее полное распоряжение. Да, ни больше, ни меньше, как целый дворец.

«Я живу среди роскоши, – весело писала Фрикетта родителям, – но остаюсь к этому почти равнодушна. Устроилась я здесь недурно и даже довольно удобно, переделав многое по-своему. Но я страдаю от холода; по-моему, можно вынести какую угодно жару, только не мороз. При первой возможности я отсюда уеду».

Как! Уже? Что же делать, у Фрикетты крайне подвижной характер, и бездействие ее тяготит. Ее намерение уехать чрезвычайно взволновало весь двор Ли-Хуна, где ее все так любили. Маленький Ли в отчаянии крепко уцепился за платье своей дорогой Фрикетты и горько плакал. Его отец, король, выразил свое горе более шумным образом. Миссионер, чтобы скрыть свое волнение, очень громко высморкался и отер украдкой слезу. Потом он тихо прибавил:

– Вы были ангелом-хранителем этих несчастных! Что они станут делать без вас?

– Ах, не преувеличивайте мои ничтожные заслуги.

– Дитя мое, ваши медицинские познания дали вам возможность оказать помощь тысячам. Ужасные кожные болезни, до вас неизлечимые, теперь исчезли совершенно.

Фрикетта разразилась громким смехом, который странно звучал среди всеобщего отчаяния.

– Да, конечно, – продолжал смущенный миссионер, – вы творили настоящие чудеса.

Фрикетта засмеялась еще громче. Маленький Ли тоже сочувственно прыснул, а Ли-Хун разразился смехом, который раздвинул в ширину его круглую, как луна, физиономию.

– Да, ведь вы можете делать такие же чудеса, коли захотите, сотнями, тысячами!..

– Я не доктор.

– Не нужно быть ученым, чтобы понять, что важнейшая болезнь здесь – это нечистоплотность, грязь, доходящая до крайних пределов. Хотите знать мои лекарства? Вот они: Aqua fontis в достаточном количестве и Sapo simplex⁵ по мере надобности...

– Но, дитя мое...

– Потом возьмите хорошую щетку и трите или заставляйте кого-нибудь тереть пораженное место кожи. Вот видите, ничего кроме чистой воды и обыкновенного мыла... Вот и

⁵ Простое мыло. – То же.

вся моя наука... объяснение моих чудес... тайна моего лечения...

Был уже конец января, и японские войска, продолжая войну, так удачно начатую, одерживали победу за победой. После ряда выигранных сражений они осаждали теперь Порт-Артур, перенеся таким образом арену действий из Кореи, откуда они вытеснили китайское войско, в самый Китай.

В ярости, видя такой успех японцев, тогакутосы опять заволновались и стали готовить новый, неожиданный удар. Они смертельно возненавидели всех иностранцев, которых считали причиной своих неудач, в особенности же Фрикетту, влияние которой на короля увеличивалось с каждым днем. Они не могли простить молодой девушке, что она спасла наследника престола, вырвала из рук китайцев заложника. Тогакутосы решились не щадить ничего и одним ударом, по-китайски, сразить короля, маленького Ли, Фрикетту, отца Шарпантье и всех иностранцев, близких королю. Но они действовали с крайней осторожностью.

Удар разразился неожиданно, в ту минуту, когда все совершенно забыли о заговорщиках и их подпольных кознях.

Все свои военные силы японцы сосредоточили теперь для осады Порт-Артура; из Сеула был также отозван гарнизон, постоянно находившийся там с тех пор, как обнаружилось существование враждебной партии.

На следующий же день после ухода японского гарнизона взорам всех представилось ужасное зрелище. У самого входа

во дворец перед фигурами лежащих львов стоят две высокие мачты, выкрашенные в красный цвет, с развевающимся широким флагом на верхушках.

К каждой из этих мачт на высоте приблизительно двух метров от земли были привязаны два трупа. Один из них был уже старик, другой же человек в полном расцвете сил. Первый, одетый в роскошное одеяние, принадлежал, очевидно, к высшей аристократии, второй же был из простолюдинов.

Часовые ничего не видели и не слышали. Кругом не было никаких следов – их замело маленьким снежком, выпавшим за ночь.

Сейчас же забили тревогу и побежали известить о случившемся короля. Ли-Хун появился, дрожа всем телом и бледный как смерть.

Начали отвязывать трупы, но ноги, перерезанные веревками, упали с глухим шумом на снег; потом вывалились внутренности, которые поддерживала длинная тряпка... Никто больше не решался прикоснуться к этим ужасным останкам, разваливающимся на части.

– Снимайте, снимайте! – закричал король сдавленным голосом, не попадая зуб на зуб.

Два сердца, вырванные из двух грудей, были привязаны к мачте, и кинжал странной формы пронизывал их и клочок бумаги. Его подали королю, прочитавшему следующие ужасные слова: «Вот такая смерть ожидает всех иностранцев и

врагов Китая».

Руки, как и ноги, были перерезаны и отвалились, едва к ним прикоснулись. Только головы были крепко прибиты к мачтам гвоздем, вбитым в рот.

Эти головы принадлежали лодочнику Тценгу, принявшему Фрикетту и Ли на свой сампан, и старому мандарину, привезшему их в Сеул.

Король поспешно вернулся во дворец, прошептав тихим голосом: «Я погиб... они меня убьют».

Он осмотрел окна, двери, пробежал по своим секретным покоем, и наконец упал на циновку, рыдая как дитя.

Старый миссионер, узнав от одного из своих верных друзей об ужасном происшествии, сейчас же побежал к Фрикетте и рассказал ей обо всем случившемся. И содрогнувшись при мысли, какой опасности подвергается молодая девушка, прибавил взволнованно:

– Положение дел очень, очень нехорошее!

– Что же мне делать?

– Немедленно уехать...

– Но каким образом?

– Возьмите паланкин в Чемульпо... вы будете там на следующий день...

– Конечно. Но откуда достать носильщиков?

– Я берусь добыть вам носильщиков и конвой.

– Благодарю вас от всего сердца.

– Я займусь этим делом немедленно.

Оба они вышли. Молодая девушка отправилась во дворец, чтобы проститься с королем и Ли. Но монарх в своем безумном ужасе не желал никого видеть. Он не велел пускать в свои частные апартаменты никого: ни своих приближенных, ни любимцев, ни даже членов своего семейства.

Фрикетта встретила Ли, окруженного его собственными телохранителями, набранными из мальчиков, из которых старшему не было еще четырнадцати лет, но вооруженными и одетыми как настоящие воины.

Маленький наследник престола умел произносить несколько слов по-французски, Фрикетта же знала немного по-китайски. И, мешая оба языка и сопровождая свои слова энергичными жестами, оба прекрасно понимали друг друга. Узнав, что его дорогая Фрикетта собирается покинуть Корею, бедный мальчик начал горько плакать. Его телохранители, видя его плачущим и стонущим, принялись тоже жалобно стонать и плакать.

После своего бегства Ли, благодаря укрепляющему образу жизни и гигиене, предписанной Фрикеттой, превратился в маленького китайца, чистенького, гладенького, толстенького, не особенно красивого, но представительного. Разумное питание, вода и мыло, растирания мягкой щеткой сделали чудеса. Поэтому все восхищались видом наследника престола и восхваляли молодую мандариншу, прибывшую с Запада. Напрасно старалась Фрикетта доказать ему, какой опасности она подвергалась, оставаясь здесь дольше. Он только

кричал на все «нет», произнося его твердо, с ударением по-китайски.

– Нэт!.. Нэт!.. Нэт!..

– Убирайся ты со своим нэтом!..

– А я не хочу!..

– Да пойми же ты... не то мне будет здесь капут!..

Говоря это, она провела рукой как ножом по горлу.

Мальчик покачал головой в виде отрицания и воскликнул своим китайским голосом с режущими ухо ударениями:

– Нэт!.. Нэт!.. Фаликетте не будет капут!..

– А я говорю, что да... Эти ужасные тогакутосы наверное меня убьют. Понимаешь? Они ненавидят меня... нас всех... И как это отец Шарпантье, такой любитель плохих каламбуров, не догадался сказать, что наше положение «хуже худого».

Этот поток слов немного успокоил горечь Ли, а смех, сопровождавший ее шутку, окончательно его утешил.

Фрикетта обняла его и, сильно взволнованная, поцеловала.

– Голубчик, – сказала она со слезами на глазах, – не старайся меня удерживать. Видишь ли, мне необходимо уехать отсюда... Но мне очень жаль расставаться с тобой, ведь я тебя люблю от всего сердца... Мы, женщины, способны всем своим существом привязываться к тем, кто страдает, а ты был так несчастлив!.. В нашей нежности соединяется любовь старшей сестры к брату и матери к сыну... Я знаю, что и ты

меня любишь, ты, у которого нет ни матери, ни сестры... Ты останешься самым лучшим, самым дорогим воспоминанием моего первого приключения. Прощай, голубчик!..

Мальчик, конечно, ничего не понял из всех этих слов, произнесенных вполголоса и очень быстро, с волнением, которое молодая девушка не старалась подавить. Но ласковый голос Фрикетты, ее поцелуи, объятия его немного успокоили. Он поцеловал ее в последний раз и вернулся к своим телохранителям, в то время как его подруга уходила, вытирая слезы.

Фрикетта вернулась к себе и быстро принялась за приготовления к отъезду, твердо решив уехать по-английски, избегнув новых сцен при прощаньи.

В три часа явился миссионер в сопровождении десяти, ноильщиков, с двумя паланкинами, и пятнадцати солдат из числа самых надежных.

– Ну, пора в путь, дитя мое, – сказал он поспешно.

– Я готова, – отвечала Фрикетта, – и благодарю вас от всего сердца за...

– Не будем говорить об этом, – прервал ее старик, – счастливы, что могу оказать вам услугу.

– У вас два паланкина? – спросила Фрикетта.

– Я вас провожу до Чемульпо.

– Как вы добры!

– Не говорите так, прошу вас!.. Садитесь скорее, скорее... времени терять нельзя.

Оба уселись; носильщики подхватили паланкины, и маленький отряд направился беглым шагом к Южным воротам.

Фрикетта никогда не боялась явной опасности, но справедливо опасалась подпольных козней, смерти, угрожающей из-за угла. Поэтому понятно, что она облегченно вздохнула, когда паланкины приблизились к воротам.

– Слава Богу, я спасена, – воскликнула она радостно, думая, что теперь никто больше не может помешать ей.

Бедная Фрикетта! Далеко от чаши до уст, от ворот до дороги!

Кортеж остановился. Скороход, шедший впереди, объявил, что ворота заперты по приказанию короля, и дежурный офицер ни за что не соглашается отворить их.

Миссионер вышел из своего паланкина и вступил в разговоры; Фрикетта в отчаянии присоединилась к его просьбам. Она уговаривала, умоляла, угрожала, но все бесполезно. У офицера был на все один ответ:

– Я рискую жизнью, если отопру ворота. Не захотите же вы, чтобы мне отрубили голову.

Король, в своем безумном ужасе, вообразил, что обезопасит себя, если запрется в городе, как частный житель запирается у себя в доме, закрывая двери и окна.

Несчастный, полумертвый от страха, он думал лишь о внешних врагах и совершенно забывал, что среди двухсоттысячного населения Сеула, вероятно, находятся главные вожаки заговора и их наиболее отважные сообщники.

Беглецы грустно вернулись в город – миссионер в свой маленький домик, выстроенный в форме пагоды, а Фрикетта во дворец, где ее встретили слуги.

Между тем наступила ночь. Фрикетта, которой тогакуто-сы внушали безотчетный страх, последовала примеру короля и заперлась у себя на ключ.

«В конце концов страшная ночь скоро пройдет... до завтра недолго, и тогда мне удастся выпросить у Ли-Хуна пропуск».

На заре следующего утра весь город был в смятении. Люди бегали взад и вперед с озабоченными лицами, громко перекликаясь. Всюду собирались кучки народа, толковали и снова расходились.

Зловещие слухи распространялись с обычной быстротой плохих вестей. Говорили, что король убит.

Миссионер, узнав о ходивших слухах, немедленно отправился во дворец.

Дворец был окружен непроницаемой толпой, и миссионер напрасно пытался проникнуть в роскошное жилище, куда всегда имел доступ.

Его не пустили.

Обеспокоенный, он направился к Фрикетте и застал весь дом в волнении. Он спросил, где молодая девушка, и с испугом узнал, что она исчезла.

– Бедная! – твердил он. – Она исчезла!.. Я знаю ее врагов... Неужели она приехала сюда для того, чтобы подверг-

нуться ужасным пыткам, которыми они терзают свои жертвы!.. Боже, пощади ее! Дай мне силы спасти ее, если еще не поздно...

Глава X

В тюрьме. – Сторож. – Смертный приговор, произнесенный на ломаном латинском языке. – Яд, веревка или кинжал. – Гипнотизм. – Переодевание. – Побег. – В тронном зале. – Зонт короля. – В Чемульпо.

Несмотря на все двери, задвижки, запоры и ставни, Фрикетта все-таки не была спокойна. Прислуга, хотя ее и было очень много, не внушала ей особенного доверия.

Из всех людей, жители Востока наименее ценят благодеяния. Можно даже сказать, что в большинстве случаев тот, которому желтый человек чем-нибудь обязан, может быть почти уверен встретить в ответ одну неблагодарность.

Итак, молодая девушка совершенно не ожидала найти поддержку между своими случайными слугами, которые с трудом понимали ее, служили ей как нельзя хуже и, может быть, в глубине души ненавидели ее, как пришлицу с Запада.

Однако она с прекрасным аппетитом девятнадцатилетней барышни съела обед, состряпанный ее туземным поваром, полагая, что ей нужно приобрести или, по крайней мере, сохранить свои силы для неизвестного будущего.

Очень нервная по природе, она должна была рассчитывать на бессонную ночь после всего того, что ее так встревожило.

Каково же было ее удивление, когда сразу после обеда она почувствовала, что ее охватывает какая-то странная, непреодолимая сонливость.

Мне, должно быть, дали чего-нибудь усыпительного, подумала она, оглядывая большую комнату, из которой устроила себе спальню, и тут же упала совсем одетая на кучу циновок, завернулась машинально в шелковое одеяло и почти сейчас же уснула.

Через некоторое время, продолжительность которого невозможно было определить, она проснулась. Голова была тяжелой, во рту горело, и тело все было как будто налито свинцом. В этом состоянии молодая девушка не узнала знакомых предметов, украшавших ее комнату.

Горящая лампа освещала мрачные стены, лишённые тех ярких обоев, которые так любят жители Востока.

Фрикетта подумала: «Я в бреду! Ужасные сцены подействовали на мой рассудок!»

Она стала двигаться, потягиваться и даже ущипнула себя, чтобы убедиться, что она не спит, потом вдруг вскрикнула от удивления и ужаса.

Около нее был кто-то, тут, совсем близко.

То был мужчина в странном и живописном костюме королевского воина: в железной каске в виде повязки, над которой поднималась красная конская грива, кольчуге, облегавшей стан, руки и шею, наколенниках, тоже из железа, закан-

чивающихся высокими гамашами.

Этот человек, вооруженный саблей, кинжалом и копьем, холодно смотрел на нее своими маленькими черными, ко-со расположенными глазками, сверкавшими зловещим блеском.

Фрикетта была в плену.

Она мгновенно поняла ужасную истину, и холодный пот выступил на ее теле.

Ее похитили из ее комнаты во время этого искусственно вызванного сна; ее отнесли в это подземелье, запертое со всех сторон, и теперь она была одна, без защиты, во власти врага, беспощадную жестокость которого она слишком хорошо знала.

Одно слово сорвалось у нее с губ:

– Тогакутосы! Я погибла...

При этом слове у солдата мелькнула гримаса, которая должна была изображать улыбку, придавшая его лицу выражение хищного зверя, почуявшего добычу.

Фрикетта посмотрела на него более внимательно, и ей показалось, что она узнает в нем одного из офицеров личной гвардии короля, одного из тех, кому Ли-Хун оказывал наибольшее доверие.

Видя, что она совсем проснулась, человек, до тех пор неподвижно сидевший на бамбуковой табуретке, встал, сделал несколько шагов и рукояткой своего копья три раза равномерно ударил в дверь.

Потом он снова сел и замер в одной позе, как статуя.

Через несколько минут дверь отворилась, и Фрикетта увидела незнакомца в длинной темной одежде, который вошел, неся поднос.

«Вот как, – подумала она, немного успокоенная, – они хотят дать мне есть! Может быть, мне ничего не сделают плохого и я отделаюсь одним страхом».

Вошедший поставил свой поднос на маленький столик и жестом указал на него Фрикетте. На подносе стоял сосуд, полный какой-то жидкости светло-желтого цвета, лежал кинжал и тонкий красный шелковый шнурочек, который извивался как коралловая змея.

Фрикетта ничего не понимала.

Незнакомец сказал ей несколько слов, которые заставили ее содрогнуться от ужаса и негодования.

Он говорил по-латыни!.. Да, но на той исковерканной латыни, на которой католические миссионеры преподают в своих школах французский катехизис.

– *Puella damnata a fratribus morietur* (осужденная своими братьями девушка умрет).

– О, негодяй!.. Презренный... предатель! – проговорила возмущенная Фрикетта.

Пришедший продолжал своим беззвучным, точно фонограф, голосом:

– *Mors ejus erit voluntaria... utet aut veneno, aut cultro, aut laqueo* (смерть ее будет добровольная... она может употре-

бить яд, кинжал или петлю).

– Вот как! – воскликнула Фрикетта. – Мне предоставляют самой выбрать вид смерти! Увидим...

Довольный, что его поняли, необыкновенный латинист ждал в ответ слова согласия; Фрикетта же высказала ему прямо свое негодование на такой же кухонной латыни.

– Это ты, христианин, окрещенный миссионером... ты, пользовавшийся его доверием и обманывавший нас своею набожностью? Я хорошо знаю тебя, негодяй, тебя, предавшего, как Иуда, и учителя и Господа!.. Ты хуже тех злодеев, которые пользуются тобой.

На это горячее восклицание негодяй иронически засмеялся и возразил:

– Прежде всего я принадлежу к тогакутосам! Что мне за дело до Бога западных варваров, мне, сохранившему в глубине души веру своих отцов. Я сделал вид, что принял твою веру, только для того чтобы обмануть вас всех, проклятых чужестранцев!.. Однако, девушка, пора и умирать!.. Выбери средство и знай, что час твой настал, ничто не может спасти тебя.

– А если я не хочу?

– Ну так ты погибнешь от голода в этой тюрьме, дверь которой никогда не откроется перед тобой.

С этими словами он вышел и крепко запер за собой тяжелую дверь, оставив бедную Фрикетту наедине с ее сторожем, безмолвным существом, пристально смотревшим на нее сво-

ими глазами змеи.

Собственно говоря, она была взбешена может быть даже более, чем испугана.

Сначала ей пришла мысль схватить кинжал, броситься на солдата и всадить ему клинок в горло... Да, это было бы хорошо, но что потом?.. Кроме того, человек он был, по-видимому, сильный, и кольчуга делала его почти неуязвимым. С другой стороны, если он и умрет, то каким образом выйти, не попав в руки стражи, которая ее тотчас изрубит?..

Между тем она чувствовала на себе этот пристальный, тяжелый до болезненности взгляд.

Она хотела противодействовать и спросила себя:

– Что вообще делает здесь этот истукан? Может быть, ему поручено воспрепятствовать всякой попытке бегства с моей стороны?.. Должен ли он в назначенный момент меня прихлопнуть, чтоб подумали, что я добровольно рассталась с жизнью?.. Ну, посмотрим! У меня есть оружие, и я не дам резать себя, как цыпленка.

Медленно подняла она свои ресницы, до тех пор опущенные, и устремила пронзительный взгляд на корейского солдата.

Воин не опустил и не отвел глаз, но продолжал спокойно смотреть на нее с угрюмой неподвижностью жабы.

Фрикетта сказала себе:

– Может быть, он намеревается загипнотизировать меня? Это было бы интересно.

Так прошло несколько долгих минут. Фрикетта собрала всю свою волю и энергию и магнетизировала его. Проникая до глубины зрачков солдата, она говорила себе:

– Ну, мой милый, ошибаешься же ты, если думаешь меня смутить... Я смотрела на тигра не моргнув!..

От усталости ли или от нравственного воздействия, он два или три раза подряд закрыл глаза, и лицо его сморщилось.

Если бы не серьезность обстоятельств, Фрикетта сделала бы ему рожки и расхохоталась.

«Боже, какой он урод!» – подумала она, не спуская с него глаз.

Страшно долгим показалось ей время; она уже спрашивала себя, чем кончится этот странный поединок, когда черный взгляд воина дрогнул и, казалось, помутился.

«Неужели он спит?» – подумала Фрикетта.

На всякий случай она взяла лампу и приблизила ее к лицу своего сторожа.

Он оставался неподвижным, как бронзовая статуя, устремив глаза в пространство, не видя ничего и не слыша.

Фрикетта весело рассмеялась и воскликнула:

– Вот это мы, варвары, называем гипнозом!

Она поставила на место лампу и продолжала с своей обычной живостью: – Этот страшный воин не знал, что я сильна в гипнозе, и что там, в Париже, я занималась разработкой этого маленького таланта. Он спит и будет спать, сколько мне угодно.

Она дотронулась до его глаз, закрыла веки и слегка нажала глазное яблоко, чтобы сделать еще крепче этот странный сон.

Освободившись от своего сторожа, Фрикетта решила, что ей нельзя терять времени, надо во что бы то ни стало бежать.

Она пробовала стены ручкой кинжала: везде был слышен глухой звук, показывавший, что нигде за плотной кладкой камня не скрывается пустота.

Оставалась дверь.

– Ну, так значит я пройду в дверь! – проговорила девушка, в голове которой в одну секунду созрел самый смелый проект. – Да... да... это как раз так! Боже, как это будет смешно и какое приключение прибавлю я к своей маленькой коллекции!..

Она снова приблизилась к воину, потрогала его, щипнула, чтобы убедиться, что его бесчувствие было полное, и с бьющимся сердцем, несмотря на всю свою смелость, сняла с него каску.

Она надела ее на себя, расплетя предварительно свои длинные волосы и спустив их на лицо, по форме корейских солдат.

Сделав это, она сняла кольчугу, проворно надела ее на себя, всунула ноги в остроконечные сапоги, пристегнула саблю и в одно мгновение преобразилась в офицера королевской гвардии.

– Ну, вот и готово! – воскликнула она. Теперь надо выйти.

Однако я рассеянная!.. чуть не забыла самого главного!

Сильной рукой подняла она человека, положила его на циновку, одним движением заткнула ему рот, взяла копьё и решительно постучала в дверь рукояткой.

Прошло несколько минут.

– Придут ли? – спрашивала себя Фрикетта с замиранием сердца.

Она снова постучала и стала адски шуметь.

Вскоре дверь приоткрылась, и человек, говоривший на коверканной латыни, предатель, вошел.

Не успел он открыть рот, чтобы, без сомнения, спросить, умерла ли молодая девушка, как Фрикетта ударила его со всего размаха пикой по голове. Раздался звук, похожий на звук удара по пустой тыкве, и человек, оглушенный, без крика, без стопа, опустился на колени.

– Угостила его! – воскликнула мужественная Фрикетта. – Ничего, не умрет, хотя, по всей справедливости, я имела бы право покончить с ним...

Пользуясь временным обмороком своего врага, молодая девушка связала его по ногам и рукам шелковым шнурочком и затем, подражая походке с развальцем, которая считается особенным шиком у корейских офицеров, вышла из тюрьмы.

Самое главное было сделано. Фрикетта вошла в темный коридор, освещенный факелами, поднялась на лестницу и мимо пяти или шести человек, по-видимому, стоявших на

страже, вышла через полуотворенную дверь в большой пустой зал.

В глубине зала под балдахином, на возвышении, к которому вели пять ступеней, стоял трон, богато позолоченный и украшенный красными лаковыми рисунками. Над тронном возвышался громадный красный шелковый зонтик – эмблема королевской власти.

Фрикетта уже несколько оправилась и сообразила:

– Да, это тронная зала... Я, стало быть, во дворце своего друга-короля.

Вооруженные часовые стояли у всех входов и выходов. Но никто из них не мог узнать Фрикетты в ее костюме гвардейского офицера, тем более, что волосы почти скрывали ее лицо. Фрикетта, очутившись на свободе, не стала терять времени на решение вопроса, каким образом все произошло, не стала вспоминать о грозившей ей опасности, но сказала себе только:

– Надо постараться уйти отсюда поскорее да подальше!

У нее вдруг блеснула совершенно неожиданная, странная, но очень практическая мысль. Постоянно зарождавшиеся в ее уме гениальные выдумки явно указывали, что Фрикетта самой природой была назначена для приключений.

В Корее эмблема власти – зонтик. Незначительному чиновнику дается маленький зонтик, достигающий затем мало-помалу размеров обыкновенного зонтика. Чем сан становится выше, тем более увеличивается зонтик, и тем большим

почетом пользуется его обладатель. Зонтик короля громадных размеров и напоминает те зонты, под которыми укрываются мелкие торговцы на ярмарках.

Фрикетта знала это и решила воспользоваться обстоятельством. Бесцеремонно она взошла на возвышение перед тронном, сняла зонтик короля, сложила, положила на плечо и гордо, держа пику наперевес, подошла к дверям.

При виде королевского знака стража сделала «на-караул» и отдала честь, будто шел сам король. Фрикетта невозмутимо вышла. Стража последовала за ней. Один из больших королевских паланкинов с двумя десятками носильщиков всегда находился на дворе.

Так как зонтик сам не умел ходить, то Фрикетта поместила его в паланкин и, естественно, сама села рядом.

– Куда же теперь направиться? – спрашивала себя молодая девушка. – Конечно, к отцу Шарпантье.

Она сказала начальнику стражи китайское имя миссионера, и кортеж быстро направился к городу.

Миссионер, смертельно встревоженный исчезновением Фрикетты, только что вернулся и намеревался снова отправиться на розыски, когда королевский кортеж с зонтом впереди остановился у двери миссионерского дома.

– Здравствуйте! Видите, все обстоит благополучно... А неправда ли, ловко я придумала?

Невозможно описать изумления миссионера.

– Мадемуазель Фрикетта!.. Это вы... вы живы и в таком

костюме... Господи, как я за вас беспокоился... Слава Богу, вы спаслись!

Тронутая этим выражением приязни, Фрикетта пожимала руки старика, рассказывая ему в коротких словах все.

Он прервал ее.

– Бегите, дитя мое, бегите, не теряя ни одной минуты. Спасайтесь в Чемульпо... Только там вы будете в безопасности.

– Я увезу вас с собой.

– Нет, я останусь... У меня здесь духовные дети, которых я не могу бросить.

– Даже того Иуду, который предал вас и чуть было меня не отправил на тот свет?

– Я ему прощаю.

– Но они убьют вас!

– Ну, Бог даст, нет.

– Еще одно слово: что король?

– Его намеревались убить сегодня ночью, но он догадался положить в свою постель другого, одетого в его платье. Беднягу задушили вместо короля.

– А мой маленький друг Ли?

– Здрав и невредим.

– Поцелуйте его от меня.

– Хорошо!.. Только спешите, бегите, пока ваша хитрость не обнаружилась.

Старик и молодая девушка обменялись последним руко-

пожатием, и Фрикетта вернулась в своем военном костюме в паланкин. Она велела нести себя к Южным воротам. Запрещение выходить из города еще не было отменено и соблюдалось строго: никто не мог выйти из Сеула. Но королевский знак помог Фрикетте преодолеть все трудности.

Конечно, король без зонта могуществен, но зонт без короля не менее того.

Итак, Фрикетта, благодаря драгоценному значку, пользовалась всевозможными преимуществами.

Она приказывала чиновникам, распоряжалась солдатами, требовала себе носильщиков. И всюду на ее пути народ преклонял колени.

Таким образом без дальнейших приключений и чрезвычайно быстро она добралась до Чемульпо, который находился во власти японцев. Она была спасена.

Глава XI

Изумление. – Опять зонтик. – Назначение фетиша. – Перед Порт-Артуром. – Битва. – Новые успехи японцев. – Капитуляция. – Газеты из Франции. – Война на Мадагаскаре. – Телеграмма. – Отъезд.

Прибытие мадемуазель Фрикетты в подобном костюме не прошло незамеченным и обратило на себя внимание некоторых японцев. Сначала ее приняли за настоящего офицера, а присутствие зонтика заставляло предполагать, что она прислана с каким-нибудь поручением от Ли-Хуна. Так как низшие офицеры не знали по-французски, то ее отвели к генералу, отправлявшемуся на военном корабле в Порт-Артур.

Генерал говорил свободно по-французски, так как пробыл два года вольнослушателем в военной Сен-Сирской школе. Здесь недоразумение объяснилось. Узнав, кто была молодая девушка, генерал очень любезно предложил ей свои услуги и спросил, чем может быть ей полезен.

– Мне хотелось бы отправиться в Порт-Артур и снова приняться за свои занятия фельдшерицы и корреспондентки.

– Это нетрудно исполнить. Корабль отходит завтра с войсками; я буду очень рад принять вас пассажиркой.

– Благодарю от души. А пока позвольте мне поискать в городе костюм, более соответствующий моей национальности, моему занятию и полу.

– Это как вам будет угодно, – улыбаясь, отвечал генерал. – Я только напомним вам, что в Чемульпо много всякого сброду; вы – моя гостья, поэтому я отвечаю за вашу безопасность и дам вам конвой из нескольких солдат.

Очень довольная этим приемом, Фрикетта поблагодарила, откланялась и отправилась за покупками все еще с знаменитым зонтом, который уже начал надоедать ей.

А между тем ему суждено было еще раз оказать ей услугу. Видя, что Фрикетту сопровождает конвой из японских солдат, купцы делали кислую мину и не торопились показывать свои товары. Но появление зонта производило магическое действие. В одну минуту магазины открывались, и проворные руки перевертывали вверх дном витрины и полки.

Появились груды белья, полились волны кружев, раскрылись тюки обуви, и перед молодой девушкой образовалась целая выставка китайских платьев с оригинальными грациозными рисунками.

Не имея времени рыться в этом богатстве, Фрикетта велела уложить все самое необходимое в сундучок из пахучего, негниющего камфорного дерева, где никогда не заводится моль.

Затем она хотела расплатиться, но – о удивление! – купцы с бесконечными любезностями и выразительными жестами отказывались от золота, серебра, меди – от всего. Фрикетта поняла: с восточной бесцеремонностью король смотрит на все, что нравится ему, как на свою собственность. Требовать

уплаты считается оскорблением его величества, которое влечет за собой смертную казнь.

Между тем молодую девушку все более и более смущала эмблема королевской власти, ставшая теперь бесполезной. Фрикетта подумала было вернуть зонтик королю, но в конце концов решила оставить его у себя.

Она обернула его в шелковую бумагу, тщательно уложила в нарочно выбранный по его величине ящик и отправила на борт корабля вместе со своим сундуком из камфорного дерева.

Генерал очень любезно отдал в ее распоряжение офицерскую каюту, где она могла, наконец, снять свое военное одеяние и одеться в женское платье. Здесь опять зонтик стеснил ее. На военных судах место отводится скупо. Кюота, немногим больше телефонной будочки, была так заставлена, что в ней нельзя было пошевелинуться.

– И куда мне девать этот проклятый зонтик! – воскликнула Фрикетта, потеряв терпение.

Подумав минуту, она весело ударила себя по лбу и начала смеяться:

– Придумала!.. Придумала!.. Богатая мысль!

Она попросила дать ей кисть с тушью и написала большими буквами на крышке ящика:

Господину редактору журнала

«Journal des voyages»

Париж

Потом, взяв лист белой бумаги, она начертила кистью следующие слова:

«Милостивый государь, господин редактор!

Посылаю вам зонт корейского короля, вещь не совсем обыкновенную, попавшуюся мне в руки во время путешествия. Мне кажется, он будет очень красив, как декорация, в конторе вашего журнала.

Готовая к услугам Фрикетта».

Затем она спросила у генерала, возьмет ли на себя японское почтовое ведомство пересылку во Францию письма и посылки⁶.

– Конечно, – отвечал генерал. – Каждую неделю от нас почта ходит в Японию, а оттуда пароходы перевозят ее в Европу.

Успокоенная, Фрикетта окончательно устроилась и стала

⁶ К сожалению, эта посылка не дошла по назначению. – Примеч. автора.

терпеливо ждать отъезда.

На рассвете следующего дня крейсер снялся с якоря и менее чем через восемнадцать часов достиг Порт-Артура.

Сказать, что крейсер достиг Порт-Артура, значит выразиться не совсем точно, так как в то время город был во власти китайцев и к нему не было доступа ни с какой стороны.

Весь он был окружен фортами, редутами, блиндажами, откуда постоянно стреляли из пушек. Облака порохового дыма носились над искусными сооружениями, как и над морем, откуда доносилась громкая канонада.

Было 31 января. Японцы одержали новую победу. Железное кольцо, охватывавшее несчастный город, суживалось все больше и больше.

На следующий день артиллерийская дуэль началась в два часа утра и окончилась в девять разрушением половины китайских батарей и фортов. Флот принял деятельное участие в атаке, и Фрикетта с борта крейсера могла следить за всем.

Пока фельдшерица уступила место репортерше. Во флоте не оказалось ни одного раненого или убитого, и сражение скорее походило на военный маневр.

Было заключено трехдневное перемирие, и затем, 3 февраля, борьба снова возобновилась с неслыханным ожесточением. Японцы бомбардировали город и суда, стоявшие на рейде. Напрасно китайцы затопили в проливе джонки, чтобы преградить доступ японским броненосцам. Флот спустил

шлюпки, команда которых устранила все препятствия.

Фрикетте хотелось поехать с этими моряками, так страшно шедшими на приступ, но женщине не место было среди этих отчаянных воинов. Фрикетта поняла и покори-лась.

В этот день стоял пятнадцатиградусный мороз, и в душе Фрикетта, пожалуй, была довольна, что ей пришлось остаться в хорошо прогретой паром каюте.

4 февраля японский флот и батареи начали бомбардиро-вать китайский флот и заперли его в гавани. Ночью японцы проникли в этот порт и подложили торпеды под три крейсера, одно транспортное судно и один броненосец.

7 числа последние укрепления были взяты японцами. В тот же день одиннадцать китайских миноносцев сделали отчаянную попытку среди белого дня прорваться через пролив. Только трем удалось спастись, остальные, выброшенные на берег, были взяты пехотой.

Это был конец! 9 – 11 числа остатки китайского флота, по которому была открыта ожесточенная канонада, пошли ко дну. Порт-Артур, лишенный всяких средств к защите с суши и с моря, сдался 12 февраля. Надо сказать, к чести китайцев, что адмирал Тинг и корабельные капитаны предпочли самоубийство позору поражения.

В то время как сухопутные войска продолжали смелое, безостановочное наступление, флот целую неделю простоял перед Порт-Артуром.

21 февраля пришла европейская почта. Можно себе представить, с какой жадностью Фрикетта набросилась на газеты, принесшие ей новости из Франции. Уже три месяца она оттуда ничего не получала. Одна маленькая заметка в «Последних новостях» одного из номеров «Temps» заставила ее вскочить.

ФРАНЦИЯ ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ МАДАГАСКАРУ.

Фрикетта отыскивала следующий номер и в лихорадочном возбуждении прочла подробное объявление войны. Фрикетта читала и останавливалась, вся поглощенная мыслью о скором открытии военных действий.

Оказалось, номер газеты вышел два с половиной месяца тому назад.

«Итак, нашим солдатикам опять предстоит сражаться... Снова будут жертвы... снова польются материнские слезы... снова будут страдать и погибать молодые люди. Зато с другой стороны слава... Мадагаскар! Лишь бы это не был второй Тонкин – могила для наших солдат!»

Фрикетта читала номер за номером.

– Стало быть, война уже началась! – вдруг воскликнула она.

«Ночью 13 декабря войска высадились в

Таматаве. Бомбардировка... Высадка. Трехцветное знамя развевается над фортом».

– Что же я-то, Фрикетта, француженка, патриотка, сижу здесь и смотрю, как желтокожие истребляют друг друга!.. Там я могла бы быть очень полезна... Надо ехать и как можно скорее – сейчас же.

Не теряя времени, она попросила узнать, может ли генерал принять ее немедленно по важному делу. Пять минут спустя она была у доблестного офицера, имя которого теперь знаменито во всем мире.

Генерал с двумя секретарями разбирал пачку газет. Серьезный, почти торжественный вид Фрикетты поразил его.

– Генерал, – сказала она без всякого вступления, – можете ли вы ко всем одолжениям, которые вы уже оказали мне, прибавить еще одно?

– Я сделаю все, что в моей власти.

– Позвольте мне поехать с первой okazji в Японию.

– Вы покидаете нас?

– У меня есть на то серьезные мотивы... Вы знаете, я горячая патриотка. Мне надо как можно скорее вернуться во Францию.

– Понимаю... война на Мадагаскаре?.. Я разделяю ваше мнение: ваша родина нуждается теперь в дельных, преданных людях. Отправляйтесь. Как ни грустно нам расставаться с вами, но мы поможем вам.

– Благодарю вас; я всегда буду с признательностью пом-

нить ваше одолжение.

– Мы должны быть благодарны вам за услуги, оказанные нашим раненым... Но время не терпит... я по вашим глазам вижу, как вам хочется уехать. Через два дня транспорт больных и раненых отправляется в Хиросиму... Я сейчас распоряжусь, чтоб вам на борту оставили самое лучшее место.

– Еще раз благодарю... А как вы думаете, можно мне будет без риска сойти на землю?

– Право, не знаю; побежденные еще сильно возбуждены... Можно узнать причину вашего желания?

– Мне хотелось бы дать телеграмму своим. Ведь между Порт-Артуром и Европой есть телеграфное сообщение?

– Да, есть даже несколько линий, но самое надежное и быстрое сообщение идет через Владивосток и Сибирь. Напишите телеграмму здесь, и вам нечего беспокоиться: я сам отправлю ее.

Очарованная такой любезностью, молодая девушка взяла лист бумаги и быстро написала:

«Здорова. Уезжаю из Японии на Мадагаскар. Целую всех.

Фрикетта

Роберу. Предместье Сент-Антуан, № X. Париж».

Верный своему обещанию, японский генерал отправил Фрикетту 23 февраля в Хиросиму, куда она прибыла 27.

В тот же вечер Фрикетта села на поезд, который и доставил ее в Кобе, а потом в Киото. После двенадцатичасовой

остановки она уже летела прямо в Йокогаму, где и была через двадцать часов.

О времени отхода пароходов Фрикетта узнала только в комфортабельной гостинице, где остановилась. Она с радостью узнала, что пароход общества «Messagerie Maritime» «Эрнест Симон» уходит 8 марта, следовательно, ей нужно было подождать всего одну неделю.

Наконец, после лихорадочного ожидания, доходившего почти до отчаяния, настало 8 марта. Легко взбежала Фрикетта по лестнице великолепного корабля, и сильно забились ее сердце при виде развевающегося французского флага. Да, этот корабль был для нее уголком ее далекой родины. И когда раздался пушечный выстрел, сигнал отхода, молодая француженка зарыдала, чувствуя в себе непреодолимую потребность посвятить всю свою жизнь служению великой родине.

Часть 2

Глава I

Перед высадкой. – Что сулит будущее? – Не всегда легко делать добро. – Странное и грустное зрелище. – Наперекор здравому смыслу. – Мадам Гаскар и мадам Пюблик-Франсез. – Барка.

Пассажирский пароход «Ирравадди», выйдя из Марсея 10 апреля 1894 года, 1 мая находился у Маджунги.

Он ожидал посещения санитарной комиссии, бот с которой под желтым флагом уже отчалил от верфи.

Стоя на корме парохода, три женщины разговаривали, смотря с любопытством и некоторой грустью на бухту, берег, белые домики и кусты, которые заволакивал серый дым.

Две из них, в наряде монахинь, принадлежали к числу тех скромных тружениц, которые покидают родину с горячей верой в сердце и несут страждущим надежду, облегчение, жизнь.

На третьей был удобный, довольно изящный дорожный костюм, а голову защищала каска, какие носят в колониях, из-под нее выглядывало молодое хорошенькое личико.

– Повторяю вам еще раз, – говорила старшая из монахинь мягким голосом, – то, что вы задумали, будет нелегко вы-

полнить; вы встретите массу затруднений.

– Но вспомните, сестра, – возражала весело девушка, – я имела дело и с тигром, и с кайманом, и с китайцами, и с огнем, и с водой, и тогакутосами... Не для того же я примчалась из Порт-Артура в Джибути, где проскучала целых две недели, чтобы позорно вернуться во Францию. Здесь много людей нуждаются в помощи, а ваш пример внушает желание жертвовать собой.

– Я не сомневаюсь в вашем мужестве и искреннем желании, мадемуазель Фрикетта, но здесь вы не в Корее.

– К счастью! Этот трехцветный флаг пробуждает воспоминание о родине и заставляет меня дрожать от радости, что я скоро могу ступить на землю, принадлежащую Франции.

– И вы не спрашиваете, как вас там примут?

– Как того заслуживает самая скромная, но вместе с тем преданная дочь Франции.

– Мне не хотелось бы охлаждать ваш энтузиазм, но я почти вдвое старше вас и обладаю большей опытностью. Вы мне симпатичны... Я скажу вам правду. Никто не имеет права бросаться в самую схватку, работать, не боясь огня и заразы, если это право не будет признано за ним правительственным органом во Франции. Страна в осадном положении, и в ней действуют исключительно военные правила. Дадут ли вам место согласно с вашим желанием?

– Мои притязания невелики.

– Но будут ли и они удовлетворены? Во всяком случае,

помните одно: вы всегда встретите у нас радушный прием и поддержку.

Тронутая такой добротой, молодая девушка отвечала:

– Я благодарю вас за сочувствие, за доброе слово, за ваше радушное приглашение. Когда я почувствую, что устала гоняться за нуждающимися в помощи, что силы оставляют меня, я приду к вам просить покровительства. Пока до свидания. Храни вас Господь!

– Благослови вас Боже!

Свидетельство о том, что на борте нет заразных болезней, было выдано, и «Ирравадди» мог посадить своих пассажиров. В числе прочих и мадемуазель Фрикетта готовилась покинуть пароход.

Она спустилась к себе в каюту и взяла ручной багаж. Затем, простившись с капитаном, который дал ей письмо к одному из местных негоциантов, она храбро сошла с лестницы, думая про себя: «Кажется, не так-то легко попасть на землю. Ничего, авось проберусь!»

И она действительно пробралась и успела попасть в одну из лодок, наполненных военными. Фрикетту приняли за жену одного из офицеров или чиновников и отвели ей лучшее место.

Сидя среди наваленных тюков, ящиков, свертков, она подъехала к берегу, где не знала как ступить в сутолоке негров, белых, погонщиков мулов, носильщиков и солдат, кричавших, бегавших, суетившихся, толкавшихся направо и

налево...

На земле в невообразимом беспорядке были свалены самые разные предметы: ящики с сухарями рядом с кулями овса, куски сала возле одеял, соль, консервы, мука рядом со сбруей, рис, сахар, кофе под подковами и лопатами и так далее.

Все это образовало целые горы, которые обваливались, попадали под ноги людям, мулам, под колеса транспортных повозок, которые Фрикетта видела в первый раз.

Сухари высыпались из ящиков, овес – из кулей.

Сахар смешался с салом, соль – с кофе...

Фрикетта, видевшая образцовый порядок снабжения провиантом японской армии, не могла прийти в себя от удивления, делая сопоставление, вовсе не лестное для ее национального самолюбия.

Наконец она выбралась из этого лабиринта, переступив через гору овса, в который ее нога ушла по щиколотки, и отправилась в город.

Первая неудача: негоцианта, которому ее рекомендовал капитан «Ирравадди», не было в городе: он уехал на целый месяц!

Его конторщик тем не менее предложил Фрикетте помещение и стол: в колониях гостеприимство одинаково обязательно и для богатых, и для бедных.

Отсутствие хозяина было неприятно для Фрикетты, так как своим кредитом и положением он мог бы быть ей очень

полезен.

Она поблагодарила конторщика и устроилась в отведенном ей помещении, а потом, взяв зонтик, отправилась побродить по городу и оглядеться.

Она пошла по так называемой «дороге» к знаменитому лагерю «манговых деревьев», находившемуся в шестистах метров от Маджунги. Дорога была загромождена знаменитыми транспортными повозками Лефевра, уходившими по ступице в песок и завязавшими в нем.

Она с грустью и иронией смотрела на эти повозки, при союжении которых руководствовались исключительно добрыми намерениями.

Что это собственно – лодки или повозки? И то, и другое – уверял строитель. Ни то, ни другое – утверждал опыт и здравый рассудок. Да эти повозки не прокатятся без остановки и пятидесяти сантиметров. Следовательно, сначала надо проложить дороги...

Но, увы! – ее удивление и негодование продолжались.

Не прошло и трех недель со времени прибытия экспедиционного корпуса, а уже была масса больных.

Она видела несчастных, бледных, согнувшихся, вяло бродивших солдат, которые уже сделались жертвами лихорадки. Усталость, солнце, вредные туманы – все это делало свое дело.

Госпитали наполнялись молодыми, едва сформировавшимися людьми, неспособными противостоять климату, и ко-

торых к тому же заставляли выполнять непосильные работы.

«Кто станет копать землю, откопает лихорадку», – говорит пословица, которая может быть применена ко всем тропическим странам. А землю все копали, вопреки всякому благоразумию. Да и как быть, ведь надо же было проложить дорогу для карет Лефебра. Ведь администрация запаслась ими в количестве пяти тысяч.

Но ходить было почти невозможно по этой проложенной дороге, песчаной и изрытой. Фрикетта взяла немного вправо и двигалась среди жидкого кустарника.

Жара была страшная, и молодая девушка, несмотря на всю свою привычку, обливалась потом. Солдаты, согнувшись под тяжелыми мешками, с трудом вытаскивали ноги из песка. Лица у всех были мокрые от пота.

«Но зачем же, – негодовала Фрикетта, – заставляют их работать днем, в самую жару. Да это сумасшествие!»

Время от времени кто-нибудь из них тяжело падал на песок. Двое товарищей убирали его с дороги, клали в кустарник и оставляли там, пока его не взваливали на носилки.

Тогда Фрикетта приближалась к солдату, которого поразил солнечный удар, расстегивала его куртку, растирала его, давала ему нюхать соль и защищала его своим зонтиком от солнечных лучей. Слезы выступали у нее от жалости и гнева, и, возмущенная, она шептала:

– О бедные французские матери! Вы до двадцати лет берегли ваших сыновей как зеницу ока, если б вы их видели

теперь!

Солдат благодарно улыбался при виде девушки, которая с такой любовью исполняла долг милосердия.

Наконец Фрикетта достигла лагеря «манговых деревьев». Там находилось около трех тысяч человек, и только некоторые из них могли устроиться под навесами, большинство же оставались под палящими лучами солнца.

В это время Фрикетта заметила лошадей, подбиравших с аппетитом овес под соломенным навесом. Она посмотрела на людей, задыхавшихся на песке, и на лошадей, блаженствовавших в тени, и воскликнула:

– Как жаль, что на людей не распространяются правила общества покровительства животным!

Она обогнула лагерь, не желая туда проникать, но через десять минут остановилась, услышав за деревьями звук головосов. Она подошла поближе, послушала и не могла не расхотаться.

Кто-то объяснял гортанным, хриплым голосом с неподражаемым арабским акцентом:

– Хочешь я тебе объясню, что такое война. Две женщины, мадам Гаскар⁷ и мадам Пюблик-Франсез⁸, повздорили между собой, и вот мадам Пюблик сказала своим солдатам: «Дайте-ка пинка мадам Гаскар!» Вот вам и война. И эта война погубит меня, Барку!

⁷ Вместо – Мадагарскар. – Примеч. автора.

⁸ Вместо – Republique Francaise. – То же.

При последних словах Фрикетта перестала смеяться. Она приблизилась к группе, состоявшей из двух кули⁹ и одного конвойного. Первые два сидели на корточках, третий лежал, куря папиросу.

При виде молодой девушки он отдал честь и бросил папиросу.

– Тебя зовут Барка? – спросила она.

– Да.

– Ты болен?

– Да, рана на ноге... лошак вырвал кусок мяса... не могу пошевелиться... я скоро умру...

– Почему ты не пошел к доктору?

– Я ходил, но он хотел отрезать ногу.

– Покажи-ка.

Он поднял свои широкие полотняные штаны до половины бедра и показал ужасную гангренозную рану темно-фиолетового цвета, кишашую червями. От нее шел отвратительный запах.

– Хочешь, я попробую тебя вылечить?

– А ты не будешь резать?

– Нет.

– Барка очень благодарит тебя.

Развернув свой сверток, Фрикетта вынула оттуда щипцы и твердой рукой, с замечательной ловкостью и бесконечной осторожностью, вытащила всю массу червей. Увидев кружку

⁹ Кули – чернорабочий.

с водой, Фрикетта прибавила туда несколько капель карболовой кислоты и вымыла рану; потом сделала простую перевязку, крепко закрепив ее несколько раз бинтом.

– Если хочешь, Барка, то завтра я приду опять тебя перевязать.

– Благодарю, сестра.

– Я не сестра.

– Так ты значит тебиа (женщина-врач)?

– Да.

– Хорошо, хорошо.

– Значит, до завтра.

Вернувшись домой, Фрикетта с аппетитом поужинала, выспалась и поднялась с зарей.

Отодвинув циновку, которая служила ей занавесью и защитой от москитов, она увидела чье-то длинное, тощее тело, вытянувшееся под навесом.

Это был Барка, который, добравшись до жилища Фрикетты при помощи двух самодельных костылей, теперь в ожидании спал крепким сном.

Глава II

Хороший солдат всегда найдет, чем прокормиться. – Затруднения в главном штабе. – Еще пациент. – Фрикетта обзаводится хозяйством. – Окончательный отказ. – Отъезд.

Барки сон был чуткий, как у настоящего дикаря. Раскрыв глаза и узнав молодую девушку, он сел и отдал честь по-военному.

– Здравствуй, сида.

– Здравствуй, Барка. Что ты тут делаешь?

– Не хотел, чтобы ты шла туда, и пришел сам.

Фрикетта спустилась с крыльца, завязался разговор. Барка рассказал, кто он.

– Служил я в стрелках... был хороший солдат. Ординарцем у полковника был... меня отпустили; хороший аттестат дали и мундир оставили.

– А теперь что ты делаешь?

– Служил при обозе... отказали, потому что ранен; калека на службу не годен.

Это был высокий мужчина лет сорока, с орлиными чертами лица, блестящими глазами и острыми зубами, худой и смуглый, но сильный, энергичный и решительный.

Фрикетта сказала ему, какое впечатление он на нее произвел, и спросила:

– Чем ты станешь жить?

Он засмеялся и отвечал просто:

– Хороший солдат не пропадет... Барка найдет кофе, сухарей и глоток водки.

– Глоток водки? А закон пророка?

– Пророк остался в Алжире со своим законом.

– А, вот что... Ну, не теряй мужества, Барка.

Раненый поклонился и снова растянулся под верандой.

Фрикетта вернулась к себе, переоделась и ровно в девять часов отправилась в штаб.

Она передала дежурному свою карточку:

Мадемуазель ФРИКЕТТА.

Уполномоченная комитета французских дам.

Корреспондентка газеты «Globe».

После долгого утомительного ожидания ее принял простой писарь, маленький, сухенький, суетливый человечек, спросивший у Фрикетты, что ей надо.

– Я прошу позволить мне следовать за действующей армией в качестве добровольной фельдшерицы и корреспондентки различных газет и журналов.

Маленький человечек поправил пенсне, сделал вид, что на минуту задумался, и отвечал с важным видом:

– У вас есть разрешение?

– Да ведь именно за ним я и пришла сюда.

– Я спрашиваю о разрешении от министра.

– Я приехала из Японии или, вернее, из Кореи, где присутствовала при нескольких стычках и имела случай приме-

нить свои медицинские познания.

– Вы женщина-врач?

– Нет, просто фельдшерица, – отвечала Фрикетта, которой начинал надоедать этот сухой, подробный, почти дерзкий допрос.

– Вы могли бы повидаться с заведующим санитарным отрядом и справиться у него, не нуждается ли он в помощниках.

«Это очень мило», – подумала молодая девушка, видевшая накануне, до чего госпитали уже переполнены больными и сколько страдающих не находит в них места.

Она отвечала храбро:

– Хорошо, справлюсь. А в качестве корреспондентки могу я следовать за армией?

– Невозможно!

– Но ведь дозволено же это корреспондентам разных газет. Есть даже один художник.

– Эти господа получили специальное разрешение от министра. Это дает им официальное положение среди нас и право на паек для них лично, для их прислуги и их лошадей.

– Но мне кажется, главнокомандующий может принимать кого хочет в свою армию, и его представитель, начальник штаба, имеет то же право.

– Есть правила, ограничивающие это право.

– Я повिдаюсь с главнокомандующим.

– Он в санитарной колонии Носси-Комба.

– А начальник штаба?

– Он в Моровайе...

– В таком случае...

– В настоящую минуту мы не можем ничего сделать для вас, сударыня.

– В таком случае я обойдусь без официальных лиц. Я сама позабочусь о себе и стану рассказывать то, что увижу, и буду помогать тем, кто страдает, а в них недостатка не будет. Надеюсь, что мне дозволено будет на свой риск и свою ответственность следовать за армией. Не обязанная никому ничем, я сохраню полную независимость.

– Но ваша безопасность... продовольствие... средства передвижения?.. А если вы заболете?

– Очень вам благодарна за вашу заботу обо мне, – отвечает Фрикетта иронически, – но я решила следовать за армией. Честь имею кланяться!

Фрикетта вернулась домой взбешенная.

«Хорошее начало, нечего сказать, – подумала она. – Сестра милосердия была права; видно, она хорошо знакома с официальным миром!»

У Фрикетты явилась было мысль телеграфировать в Париж, прося разрешения, с которым так носился писарь; но она вспомнила, что телеграф находится в ведении того же штаба, и ее телеграмму могут не принять или задержать на целые месяцы.

Затем она подумала, что мобилизация непременно заты-

нется и ее положение со временем может измениться.

– Всегда дождется тот, кто умеет ждать, – говорила она, шагая из угла в угол по своей комнате. – Подожду!

Несколько дней прошло без всяких инцидентов.

Фрикетта узнала, что войска без труда взяли укрепление Моровайе, и она, как патриотка, радовалась этому первому успеху.

Но если пули не опустошали ряды французских солдат, то нельзя сказать того же о климате. Солдаты, по большей части слишком молодые, гибли от солнца, лихорадки, от усталости и истощения. Число выбывших из строя увеличивалось с каждым днем, и роты таяли.

Между тем пациент Фрикетты, Барка, начал поправляться. Ужасная рана, нанесенная мулом, начинала заживать; но надо отдать должное молодой девушке, она приложила всю свою опытность, все свое старание в уходе за больным.

Он важно расхаживал на костылях, питался тем, что ему тайком, ночью, приносили товарищи, и относился к тэбии (женщине-врачу) с благодарностью, переходившей в обожаение.

Через десять дней он исчез на целые сутки. Молодая девушка, уже привыкшая к нему, думала с грустью:

«Следовало бы ему дожждаться полного выздоровления».

На следующее утро она увидела его верхом на странном, невиданном животном. Представьте себе большого быка или, скорее, остов быка, покрытый вытертой, высохшей,

продырявленной, как решето, кожей. У него был только один рог, другой оказался сломанным у самого основания; ноги были все в крови, желтоватые глаза еле смотрели.

Фрикетта сразу узнала зебу, похожего на европейского быка, с той разницей, что у зебу на спине громадный горб, придающий животному странный вид.

Горб того зебу, на котором приехал Барка, висел, как пустая волынка.

Несмотря на это ужасное состояние, взгляд у животного был кроткий и добрый.

Когда первое удивление прошло, Фрикетта воскликнула:
– Барка, на что тебе понадобилось это бедное животное?

Барка слез не торопясь, поклонился и отвечал, что из этого зебу выйдет прекрасная выючная скотина, лучше мула и лучше лошади, он повезет провиант и все вещи «тэбии».

– Только, – заключил кабил, – тебе надо его перевязать и вылечить.

– Да я же не ветеринар.

– Ты же вылечила Барку.

На такое категорическое заявление Фрикетта не нашлась, что возразить.

Зебу не только умирал от истощения, лопатки его представляли одну сплошную рану. Фрикетта начала чистить ее.

Дело было долгое, трудное. На него ушло около часа, и когда все гнойники были вычищены, Фрикетта сама обливалась потом.

Она обмыла рану карболовым раствором и ничем ее не прикрыла, уверенная, что выздоровление пойдет само собой.

Барка с восторгом смотрел на бедное животное, которое принялось лизать руки Фрикетты.

Кабил одобрительно качал головой и говорил своим гортанным голосом:

– Будет тебе хороший слуга.

Затем он рассказал, каким образом ему досталось это животное. Чувствуя себя почти здоровым, Барка отправился ночью навестить своих товарищей, обозных. Не обошлось без выпивки. Перед тем обозные прогнали от себя одного зебу, уже не способного к службе и слишком худого и больного, чтобы его можно было съесть. Побродив немного, животное чутьем нашло след одного обозного, друга Барки, и появилось внезапно среди пирующих.

Сметливый Барка подумал, что тэбия может вылечить зебу и впоследствии воспользоваться его услугами.

Он подманил несчастного зебу сухарями, которые тот с жадностью съел, и, сев на него верхом, вернулся в город.

Когда Фрикетта кончила осмотр быка, кабил привязал его к веранде, а сам поместился возле него в своем любимом тенистом местечке.

Все это он делал просто, естественно, нисколько не стесняясь, что заставляло служащих замечать:

– Странные знакомые у этой мадемуазель Фрикетты!

При наступлении ночи Барка уводил своего зебу на берег моря, где оставлял его среди разбросанного провианта и бык наедался до отвала рисом, ячменем и овсом. Утром кабил приводил его назад с раздутым брюхом и опять привязывал у веранды.

Фрикетта обмывала раны животного, ласкала его и с каждым днем замечала очевидное улучшение. Она назвала его Горбуном, и он уже начинал откликаться на эту кличку. Он заметно поправился: взгляд его оживился, бока округлились от мяса и жира, кожа лоснилась, и горб уже не свешивался, как колпак на ухо нормандского парня.

И Барка и бык были почти здоровы, и Фрикетта гордилась своим успехом.

К несчастью, в штабе дела не подвигались. Маленький человек и его сослуживцы не могли простить Фрикетте ее мужественную решимость откинуть старые предрассудки.

– Женщина в армии!.. Какая несообразность!.. Да еще если женщина заявляет претензию занимать высшие должности... Это просто смеху подобно!

Но так как у молодой парижанки могли быть знакомства и связи в главном штабе, то навели справки, с тем чтобы воспользоваться ее услугами... может быть, впоследствии... если они понадобятся.

Кроме того, мадемуазель Фрикетта заявила, что она причастна к прессе, а, как известно, для многих людей боязнь гласности является очень сдерживающим влиянием...

Но Фрикетте надоело долго ждать; она простилась со служащими в канцелярии, где ее так гостеприимно приняли, и в одно прекрасное утро исчезла вместе со своим кабиллом и зебу.

Глава III

Барка запасается провиантом. – Ординарец. – Багаж. – Мешок Барки. – Дорога. – Первая остановка. – В лагере Амбохитромби. – Радужный прием. – Мелкие подарки выздоравливающим. – Букет. – В путь!

Обыкновенно привязываются к людям не после услуг, полученных от них, а после оказанных им одолжений. Но если Фрикетта служила подтверждением второй части афоризма, Барка опровергал первую его часть.

С самого начала он проявлял к «тэбии» безграничную благодарность, превратившую его в раба Фрикетты. Старый африканский солдат неутомимо отыскивал все, что могло быть приятно или полезно молодой девушке.

Привязанность делает людей изобретательными. Барка ловко выведал кое-что у дежурных солдат в штабе и узнал, что его благодетельнице отказывают в разрешении сопровождать действующую армию.

Недолго размышляя, кабил сказал себе:

– Я обязан жизнью тэбии, и моя жизнь принадлежит ей. Чтобы доказать ей свою благодарность, я, Барка, старый алжирский служака, выдавший виды, проведу ее всюду... хоть в самое пекло... и дальше, если понадобится... А для этого, прежде всего, следует вылечиться.

В одно прекрасное утро Барка без всяких предисловий

спросил у Фрикетты:

– Скажи, сида, когда выздоровею, возьмешь меня в денщики?

– Ты предложил мне это, не подумав хорошенько. Мне скорее нужна была бы горничная.

Барка живо возразил:

– Когда я служил ординарцем у полковника, я служил ему хорошо... и у полковницы ординарцем был: чистил башмаки, натирал пол, вытряхивал юбки, накидки, водил детей гулять, стряпал, когда кухарка уходила...

В глазах его светилась такая мольба, что Фрикетта сдалась и объявила со своей обычной решительностью:

– Согласна, беру тебя к себе в денщики.

– Хорошо делаешь, сида... будешь мною довольна... увидишь!

Счастливым тем, что он окончательно поступил на службу к Фрикетте и поглощенный мыслью сделаться её проводником, слугою и покровителем, Барка прежде всего позаботился о средстве передвижения для своей госпожи и нашел зебу, который превратился в прекрасное вьючное животное. Потом кабил, ничего никому не говоря, принялся за заготовку провианта. Каждую ночь, выводя зебу на берег моря «пасться», он без церемонии выбирал из наваленных в беспорядке предметов те, которые казались ему подходящими, клал их в мешок, взваливал на спину зебу и привозил свою добычу под веранду.

Таким образом у него образовался целый склад, где было всего понемногу. Фрикетта дала ему денег, чтобы он купил себе предметы первой необходимости, и спрашивала его иногда:

– Сколько ты заплатил за это?

– Недорого.

– А за это?

– И за это дал совсем дешево.

Он «нашел» также топорик, парусину для палатки, ведро, котелок, целый набор походной кухни – в том числе кофейную мельницу, несколько оловянных тарелок и так далее.

Затем Барка уже действительно купил двухстволку, саблю, похожую на мексиканскую секиру, удобную для прокладывания дороги в чаще; для зебу он приобрел седло, а для себя с Фрикеттой – два небольших офицерских погребца.

Все приобретенные вещи Барка уложил так, чтобы они занимали как можно меньше места. Старый солдат, привыкший к передвижениям, умел уложить огромное количество вещей в крошечном помещении, и притом так, что они были у него всегда под рукой.

Мешок его внутри был набит до невозможности, а снаружи блестело, как луна, перетянутое ремнем большое блюдо. Сверху была привязана аккуратно свернутая парусина для палатки; две пики, прикрепленные с двух сторон, поддерживали аккуратно сложенные одеяла и запасное платье. На самом же верху красовались котелок, весь полный различной

мелочи, чайник и еще разная посуда.

Все это громоздилось одно над другим, но держалось крепко.

Зебу, навьюченный большими и малыми вещами, походил на осла странствующего старьевщика. Виднелись только голова да хвост, все остальное скрывалось за массой вьюков, над которыми возвышалась мадемуазель Фрикетта, удобно восседавшая в седле.

Сначала Фрикетта опасалась, что Барка не в состоянии будет идти с такой тяжестью, но кабил громко расхохотался и стал поспешно ходить гимнастическим шагом.

– При необходимости я и тебя бы еще нес! – заметил он в заключение.

Успокоенная насчет выносливости своего проводника, Фрикетта слегка тронула ремень, продетый в ноздри зебу:

– Ну, горбун, в путь-дорогу.

Зебу закачал головой, тряхнул горбом и медленно тронулся.

Мадемуазель Фрикетта могла отправиться в Моровайо по реке и морю, дороге более удобной и короткой, чем сухопутная. Но в таком случае пришлось бы оставить зебу, этого доброго горбуна, которого Фрикетта уже успела полюбить.

Кроме того, Барка хорошо знал сухопутную дорогу, так как не раз хаживал по ней, и считал для себя вопросом чести провести по ней свою тебию без приключений.

Наше трио, выйдя из европейского квартала Маджунги,

миновало несколько хижин туземцев, прошло мимо «лагеря мангов» и вступило в местность, поросшую редким кустарником.

Горбун шел бодро, мерно покачивая Фрикетту на своем горбу, а Барка, согнувшись под своим мешком, шагал рядом, с ружьем на перевязи, с палкой в руке, насвистывая марш.

Обогнув холм Рова, они удалились от гавани, направляясь к северо-востоку, и скоро увидели прекрасные манговые и хлопчатниковые деревья Мадагаскара.

По дороге попало несколько арабских могил – простых четырехугольников, сложенных из камня, с невысокими башенками на углах. Барка отдал по военному честь этим усыпальницам.

Фрикетта видела издали город с его белыми домиками, живописно выглядывавшими из зеленых деревьев, а дальше безбрежный голубой океан, сливавшийся с небом.

Вид был, действительно, прелестный, и молодая девушка осталась очень довольна первым переходом.

Барка, не сентиментальный от природы, указал Фрикетте на необозримую зеленую равнину, на окраине которой сверкало устье Бетси-бока.

После короткого отдыха путники продолжали идти по каменистой дороге, перерезанной известковыми скалами.

Через три часа дорога привела в опустевшее селение, состоявшее из десятка полуразвалившихся хижин, обитатели которых бежали.

– Это – Ампаршингидро, – сказал Барка. – Мы остановимся здесь и закусим.

Фрикетта легко прыгнула на землю; Барка отстегнул свой мешок и первым делом накопил своей саблей травы для горбуна.

Пообедав сухарем и куском тушеного мяса и отдохнув еще часок, компания весело отправилась в путь. Четыре часа спустя путешественники прибыли в Амбохитромби, где предполагалась более продолжительная остановка.

Барка, совершенно окрепший после болезни, был бодр, как будто и не совершил подобного перехода, горбун держал себя так, как будто его водили погулять; но Фрикетта изнемогала от усталости.

Амбохитромби – нечто вроде укрепленного лагеря, обширный прямоугольник длиной более пятисот метров, окруженный со всех сторон глубокими рвами. Он был занят выздоравливающими, оставленными под надзором офицера.

Вид Фрикетты, едущей на быке и охраняемой её живописным стражем, вызвал всеобщее изумление.

Бледные, истощенные солдаты медленно подходили, выражая жестами изумление и детское любопытство.

Барка с апломбом старого служаки, обращаясь к новобранцам, сказал громко и отрывисто:

– Мы хотим видеть начальника.

Офицер подошел к Фрикетте и с вежливым поклоном предложил свои услуги.

Молодая девушка объяснила ему, кто она такая, и в конце заявила, что в качестве уполномоченной от комитета французских дам она привезла кое-какие лакомства выздоравливающим.

Еще в Сингапуре ей пришла в голову мысль известить по телеграфу комитет о своем отъезде в Мадагаскар и просить об официальном назначении ее уполномоченной.

Она также просила отправить ей с первым пароходом,ходящим в Джибути, вещи, которые она могла бы раздавать выздоравливающим от имени французских дам.

Члены комитета выразили свое согласие, и посылка была отправлена на «Ирравадди» – том самом пароходе, на котором Фрикетта приехала из Джибути в Маджунгу.

В первой наскоро собранной посылке вещей было немного. Но в скором времени Фрикетта ожидала груз более значительный, который, как она надеялась, ей удастся отправить с войском до того пункта, где она сама будет находиться.

Несмотря на усталость, молодая девушка не захотела отложить раздачу, при известии о которой исхудалые лица засветились радостью. Существование этих бедных солдатиков, не вынесших убийственного мадагаскарского климата, было совсем не веселое. Как далеко остались позади все эти овации, официальные речи, букеты и восторженные крики, которыми провожали отъезжающих!

Теперь во Франции уже начинали убеждаться, что кампания не будет простой военной прогулкой; и если численность

неприятеля незначительна, то климат гораздо страшнее даже большой, хорошо дисциплинированной и прекрасно вооруженной армии.

На месте опасения были еще больше, когда увидели, как ряды таяли с каждым днем под влиянием солнца и лихорадочных миазмов, хотя не произошло ни одной битвы и не обнаружилось еще эпидемии или какой-либо острой болезни.

Этим молодым людям, истощенным физически и упавшим духом, Фрикетта являлась олицетворением Франции, к которой все стремились, уже потеряв надежду когда-нибудь увидеть ее, и все с радостью хватались за маленькие подарки, которые девушка стала приветливо раздавать. Эти подарки состояли из хорошего табака, книжек папиросной бумаги, лепешек с лимонным соком, шоколада и разных лакомств, различных безделушек.

– Кстати, – внезапно спросила Фрикетта, – у вас есть хина? Вы принимаете каждый день и без лихорадки... предохранительную дозу?

– Нет, мы не совсем благоразумны и забываем эту предосторожность... очень уже невкусно это лекарство.

– Что делать, зато полезно. Хина – главное лекарство против господствующих здесь болезней, и употребление ее делает чудеса. Господин офицер, обещайте мне, что сами будете принимать и своих солдат заставите глотать спасительное средство. Прошу вас от своего имени и приказываю от имени далеких матерей, сестер, жен... Согласны?

– Даю вам слово, – отвечал тронутый офицер.

– Я надеюсь на вас.

Между тем Барка развьючил зебу, сложил багаж под навесом, вычистил животное, развел огонь и принялся за кухонные приготовления с быстротой, восхитившей солдат.

Офицер предоставил в распоряжение Фрикетты довольно удобный шалаш, и Барка устроил там постель для молодой девушки. Постель эта была незатейлива, но чрезвычайно удобна. Она состояла из простого одеяла, пропитанного каучуком с одной стороны и снабженного на всех четырех углах карманчиками, подбитыми парусиной. В землю вколачивают четыре колышка и на каждый из них надевают по кармашку. Получается натянутая рама, на которой можно удобно лежать, не боясь сырой земли. Такая постель проста, легка и занимает места не больше дорожного плаща.

Фрикетта с аппетитом съела вареного риса с тушеной говядиной, выпила чашку кофе, показавшегося ей превосходным, поласкала своего зебу, пожелала покойной ночи Барке, растянулась на своей раме и уснула как ребенок.

Она проспала около десяти часов и проснулась, когда было уже совершенно светло. Зебу оказался уже навьюченным и оседланным; кофе дымился в стаканчиках, а рис белел как снег в большой чашке.

Фрикетта вмиг оделась, поспешно позавтракала и собралась немедленно отправиться в путь. На дороге выстроились все выздоравливающие, собравшиеся, чтобы проститься с

ней.

Молодой матрос, почти ребенок, немногим старше Фрикетты, вышел вперед с большим букетом, который подал ей, говоря:

– Позвольте предложить вам эти цветы от имени моих товарищей в знак нашей глубокой и искренней благодарности. Вы явились к нам как ангел утешения и надежды. Благодарим вас от имени наших матерей, сестер и всех, кого мы любим.

Фрикетта взяла букет и отвечала голосом, дрожавшим от волнения:

– Господа, я сделала очень простую вещь и не заслуживаю ваших похвал. Я не больше как уполномоченная комитета французских дам, которые не забывают вас. Им вы должны быть благодарны. Я только простая француженка, страстно любящая свое отечество. До свидания, желаю вам поскорее увидеть свою родину.

Солдатики сняли фуражки. Фрикетта еще раз ласково улыбнулась, сделала рукой прощальный знак и выехала из лагеря.

Глава IV

Отдых. – Переправа через реку. – Находчивость Барки. – Повозки Лефебра. – Моровайо. – Дом мадемуазель Фрикеты. – Печальное положение французских солдат. – Сломанная нога. – Успешное лечение. – Визит военного врача. – Сестра милосердия.

Дорога, начиная от Амбохитромби, идет по открытой местности, поросшей кустами, и приводит к маленькому селению Амбатикали. В нем было с десятков хижин, также покинутых обитателями при вступлении французов. Фрикетта доехала до него в два часа. Отдохнув с полчаса, путники отправились по дороге в Мэварано, куда прибыли через полтора часа.

В Мэварано встретилось несколько туземцев. Видя, что никто не обижает их, они остались, быть может для того, чтобы шпионить. Когда Фрикетта попросила у них молока и свежих припасов, они отказали. Барка взял в одну руку свою палку, в другую несколько блестящих безделушек и сделал палкой такой внушительный жест, что Фрикетте немедленно подали все необходимое.

После двухчасовой остановки маленький караван направился в Миадану, куда прибыл после утомительного четырехчасового перехода. Это было селение в шестьдесят домов; дорога к нему ведет по обширной равнине, где в изоби-

лии растут прекрасные мадагаскарские латании, придающие пейзажу такой своеобразный вид.

Барка разбил палатку довольно далеко от селения, и Фрикетта, еще более утомленная, чем накануне, наскоро поужинав, уснула крепким сном, не раздумывая о том, что она одна среди – дикарей и вполне во власти людей, не знающих никаких нравственных законов.

До Моровайо оставалось не больше двенадцати километров, и Фрикетта надеялась отдохнуть там денек-другой.

– Как, уже отдохнуть! – воскликнет читатель.

Да, отдохнуть: подобные переезды по открытой равнине, под палящими лучами солнца, необыкновенно трудны и утомительны.

Европеец, привыкший переезжать огромные пространства по железной дороге или в удобном экипаже по хорошему пути, почти не в состоянии представить себе, как труден может быть переезд в пятнадцать-двадцать километров. При невыносимой жаре пот вас истощает, жажда мучит, насекомые не дают покоя.

Дорога еле-еле намечена; она идет то под гору, то извиляется между скал, пропастей, илистых ручьев и колючего кустарника; животное, на котором вы едете, постоянно спотыкается, скользит, падает и с трудом подвигается вперед. Прибавьте к этому неудобное положение путешественника, сидящего на вьючном седле и принужденного каждую минуту заботиться о сохранении равновесия.

На Мадагаскаре, правда, существует еще способ передвижения более оригинальный и менее утомительный. Путешественник садится в кресло, двое сильных мужчин, профессиональных носильщиков, берутся за жерди, кладут их на плечи и пускаются бегом. Это почти тот же паланкин. Но найти такой экипаж не всегда возможно, и он стоит дорого.

Таким образом мадемуазель Фрикетте пришлось пока довольствоваться своим зебу, терпеливым горбуном, олицетворением кротости и выносливости.

Часа через полтора после выступления из Миаданы путешественники подошли к реке, через которую надо было перебраться. Река эта, под названием Андранолава, была метров двенадцать в ширину при двух с половиной метрах глубины. В обычное время на реке можно найти пирогу, которая за маленькое вознаграждение перевезет пассажиров с одного берега на другой; но местные лодочники также бежали перед французскими войсками, и Фрикетта, ее денщик и зебу очутились таким образом в весьма затруднительном положении.

Сделали остановку; молодая девушка сошла на землю, между тем как Барка принялся раздумывать. Он не потратил на это много времени: скоро в уме его сложился оригинальный и практический план.

Неподалеку лежали на берегу несколько повозок Лефебра, брошенных обозными, так как главную тяжесть при перевозке составляли сами эти повозки.

Кабил обратил свое внимание на одну из повозок, стояв-

шую ближе всего к реке и беспомощно вытянувшую к небу свои оглобли, будто умоляющие о пощаде руки.

Зная, что эти повозки можно употреблять как лодки, Барка снял оси с колесами и получил таким образом решетчатый ящик с металлическим дном. Потом вытащил из мешка клубок бечевки и привязал один конец к ящику. Затем кабил спустил в воду металлический ящик и убедился, что он довольно устойчиво держится на воде. После этого, держа в зубах конец веревки, он переплыл через реку и закричал Фрикетте.

– Сиди, становись в ящик!

Фрикетта поняла и повиновалась. Когда она стала в импровизированной лодке, Барка начал тянуть за бечевку. Через две минуты молодая девушка была уже на другом берегу.

Зебу намеревался последовать за ними, не обращая внимания на свой выюк, но Барка, крикнув на него, поспешно поплыл назад. Сложив часть вещей на паром, он снова пустился вплавь, и так повторил два раза, пока не перевез всех вещей.

Последняя переправа совершилась в обществе верного зебу, который, радуясь неожиданному случаю, выкупался как следует. Набарахтавшись досыта, он вышел из воды, отряхнулся и начал валяться у ног Фрикетты и Барки.

– Хорошо, горбун, хорошо! – говорил, смеясь, кабил, с которого тоже вода стекала ручьями.

После непродолжительного переезда перед путниками от-

крылся вид на Моровайо.

– Да это город!.. Настоящий город! – воскликнула Фрикетта.

Прибытие мадемуазель Фрикетты в Моровайо не прошло незамеченным. Солдаты тотчас угадали в ней покровительницу, друга.

Моровайо – один из самых оживленных городов на западном берегу Мадагаскара. В нем насчитывается до четырех тысяч жителей – почти столько же, сколько в Маджунге. Город протянулся с юго-востока на северо-запад широкой аллеей, по обеим сторонам которой расположены дома.

Есть каменные палаты, построенные богатыми индусскими и арабскими купцами, попадаются мазанки из лозы и глины, занятые туземцами, и, наконец, скромные тростниковые хижины, где ютятся многочисленные рабы – малгаши и негры.

Во время приезда Фрикетты город и его окрестности были переполнены французскими войсками, медленно двигавшимися на юг к Тананариве – месту своего назначения, куда им суждено было прибыть Бог весть когда и Бог знает после, каких испытаний.

Вопреки всяким ожиданиям Фрикетта нашла себе квартиру – простую хижину в конце аллеи, недалеко от ручейка, называемого Тсимахаяс. Этой находкой молодая девушка была обязана своему проводнику. Тот заявил, что он лично не нуждается ни в какой кровле, кроме небесного свода.

Зебу остался вполне доволен своим местом возле столба, где он мог валяться сколько душе угодно.

Итак, мадемуазель Фрикетта поселилась на некоторое время в Моровайо.

Как и повсюду на этой проклятой земле, в городе было много больных. Люди крепкие и совершенно здоровые после некоторого пребывания в стране начинали чувствовать недомогание, упадок сил, аппетит пропадал, появлялся изнурительный пот, быстрая худоба и смертельная бледность. В таком состоянии всякая случайная болезнь, сама по себе не опасная, становилась смертельной.

Сердце Фрикетты обливалось кровью при виде этих ослабевших, исхудалых, апатичных людей, похожих на привидения.

Правильной врачебной помощи почти не было. В лекарствах чувствовался такой недостаток, что медикам приходилось обращаться за помощью в аптеки судов, стоявших на рейде, и даже у ветеринаров брать лекарства, предназначенные для мулов. Было над чем призадуматься, и Фрикетта послала по этому поводу статью в свою газету. Но она не могла ограничиться словами и принялась за дело с энергией и самоотвержением.

Однажды она верхом на своем зебу отправилась в сопровождении Барки километров за двадцать.

Один молодой солдатик упал так неудачно, что сломал себе ногу. Беднягу собирались взвалить на повозку и отвезти

в Моровайо.

Фрикетта предложила свои услуги. С помощью капрала и Барки, годного на все руки, она живо изготовила простой и остроумный аппарат. Бинтами ей послужили жилки пальмовых листьев, компрессами – прессованные листья, нитками – древесные волокна.

Затем со свойственной ей решительностью она спросила себя:

– Не попытаться ли вправить ногу?

Она со своими помощниками сделала операцию вполне удачно. Раненый почувствовал облегчение и рассыпался в благодарностях.

Фрикетта быстро наложила повязку и, очень довольная своим успехом, пожелала сопровождать солдата до города, где оставила его только у дверей госпиталя.

Главный доктор, осмотрев больного, был поражен остроумием повязки и еще больше результатом операции.

– Да это превосходно!.. Тут нечего и делать.

Он захотел увидеть Фрикетту, справился, где она живет, и отправился к ней с визитом.

Барка, покуривавший трубочку, увидев офицера, опрометью бросился в дом, крича:

– Сидя!.. Сам главный изволит идти.

Фрикетта, конечно, удивилась, но не растерялась. Она вежливо и с достоинством приняла гостя, рассказала ему свою историю и выразила желание быть полезной.

Доктор слушал с изумлением и восторгом этот рассказ. Видя, какую пользу могла бы принести эта энергичная девушка, да еще с такими знаниями, сказал:

– К моему великому сожалению, я не могу предложить вам должность, соответствующую вашим заслугам.

– Но во всяком случае у вас найдется для меня дело?

– Да, я вас приму под свою личную ответственность.

– Возьмите меня сиделкой, большего я не прошу!

– Эта обязанность трудная, по временам отталкивающая... Многие находят ее унижительной.

– Величие цели облагораживает ее... К тому же мы, женщины, не находим дело унижительным, когда можем служить ближним. Я слыхала, что во время войны знатные дамы и женщины из народа стояли рядом у изголовья больных.

– Да, это могу подтвердить и я, поседевший на службе. И вы уже доказали, что достойны своих предшественниц. Когда вам будет угодно вступить в должность?

– Чем скорее, тем лучше... Завтра... Сегодня вечером.

– Итак, завтра. Вам, конечно, будет выдаваться паек, а что касается жалованья...

– К счастью, я не нуждаюсь в деньгах... При случае репортерша кормит фельдшерицу.

– У вас на все готов ответ, – заметил доктор, восхищенный таким веселым нравом девушки.

Фрикетта сказала:

– Я оставлю за собой хижину, где сложу свой багаж и по-

мешу денщика, а также мою скотинку.

– Вы говорите, денщика?

– Да, кабила, которого я приютила и вылечила... и зебу, которого выходила. Это были мои первые два пациента.

– Прекрасно... Итак, до завтра... Очень счастлив, что обстоятельства дали мне возможность познакомиться с вами и оценить вас.

– А мне позвольте поблагодарить вас за честь, которую вы оказываете мне своим доверием.

Доктор откланялся, между тем как Барка, прижавшись к наружной стене, вытаращив глаза и вытянувшись, как палка, отдал ему честь по-военному.

Когда врач скрылся из виду, кабил поделился со своей покровительницей следующим выводом:

– Ты лучшая тебя, чем все доктора армии.

– Почему ты так думаешь?

– Они все режут... вечно потрошат.

– Этот, может быть, не режет...

– Ну вот!.. У того, который хотел мне отрезать ногу, было только две нашивки... у этого четыре... стало быть и резать он должен в четыре раза больше.

Глава V

В госпитале. – Ангел-утешитель. – Отъезд. – Конвой. – Дорога в Амбато. – Капрал. – Встреча со знакомым. – Опять повозки Лефевра. – Остановка. – Прибытие. – Что еще?

Со следующего утра Фрикетта начала исполнять свои обязанности при военном госпитале в Моровайо.

Здесь находилось более трехсот больных; служебный персонал был малочисленным. Рассчитывали на простую военную прогулку, а на самом деле французские солдаты встретили в климате страшного врага.

Сиделки совершенно выбивались из сил и сами заболели. Доктора показывали пример самоотверженного служения ближним и не жалели ни времени, ни трудов. Больные ухаживали друг за другом.

Появление Фрикетты повлияло прежде всего на душевное состояние больных. Она явилась с помощью и утешением от имени французских женщин, доказывая тем, что там, на далекой родине, не забыли этих бедолаг.

У Фрикетты для каждого находилось ободрительное и утешительное слово. Она пыталась возбудить ослабевшую волю, говоря о чести знамени, о родине, о долге, о семье, и большею частью успевала победить смертельную апатию – характерный признак заболеваний в тропических странах.

Постоянно на ногах, внимательная ко всякому стону, ко

всякому вздоху, молодая девушка обходила палаты, подходя легким неслышным шагом, исполняя умно и ловко докторские предписания.

Ничто не утомляло, не выводило ее из терпения. Больные, в свою очередь, относились к мадемуазель Фрикетте с уважением, переходившим в обожание.

Как необыкновенно догадлива была новая сестра милосердия в своих заботах! Если она видела, например, что один солдат страдает сильнее других тоской по родине, она немедленно начинала говорить с ним о его семье, превращалась в добровольного секретаря и писала к родственникам успокоительное письмо.

Другой, неисправимый курильщик, сгорал нетерпением закурить, но не смел нарушить правила. Фрикетта приносила табаку, бумаги, спичек, помогала неловко свернуть папиросу и убегала, говоря: «Смотри же, только одну-единственную!»

Один, почти мальчик, страшно боялся смерти и поделился своим страхом с Фрикеттой. Она, приняв притворно-веселый вид, уверяла больного, что он совершенно здоров.

Фрикетта, казалось, никогда не отдыхала, не спала, не ела. Одним словом, она превратилась в ангела-хранителя этого госпиталя.

Доктора искренне восхищались ею и не скупилась на похвалы, постоянно уговаривая ее беречь свои силы. Но она никого не слушалась и не давала себе отдыха, оставаясь по-прежнему веселой и улыбающейся.

Так прошел целый месяц. Работы еще прибавилось, так как по мере увеличения числа войск, двигавшихся внутрь страны, росло и число больных.

Однажды утром главный доктор госпиталя попросил Фрикетту к себе и сказал ей грустным тоном:

– Мадемуазель Фрикетта, нам надо расстаться.

Фрикетта побледнела и проговорила:

– Что случилось?.. А мои бедные больные? Чем я могла провиниться?

Доктор прервал ее:

– У вас будут, к несчастью, другие, и еще более серьезные.

– Как это?

– Наши войска в двадцати пяти милях отсюда, в Мэватанане – укреплении, недавно занятом ими.

– Понимаю... Есть убитые... раненые?

– Нет, это сильное укрепление было занято без единого выстрела, раненых у нас нет.

– Прекрасно!

– Но несмотря на это у нас тысяча двести больных. В полку, лишившемся, как вам известно, своего полковника, половина солдат выбыла из строя. В Амбато, на половине пути в Мэватанану, устроен временный госпиталь, и в нем недостает медицинского персонала. Мой сослуживец сообщает мне, что положение дел ужасное, и просит меня о помощи. Вот почему, несмотря на все мое нежелание расстаться с вами, я думаю послать вас туда.

– Вам пришла прекрасная мысль! – воскликнула Фрикетта, и глаза ее засветились.

– Вы обладаете физической выносливостью и нравственной стойкостью, которым могли бы позавидовать многие мужчины. Поэтому я поступаю с вами как с женщиной – по военному.

– Благодарю вас.

– Вы отправитесь сегодня же и остановитесь в Амбато, где вас ждет встреча, какой вы достойны.

У Фрикетты не хватило духу идти прощаться со своими больными. Она попросила доктора сказать им, что уезжает по приказанию, и больше не заходила в палаты, боясь рыдать.

Для своего путешествия она выбрала дорогу сухим путем, более длинную и утомительную, но зато более живописную и интересную для туристки.

Барка, очень довольный предстоящим передвижением, оседлал горбуна, совершенно выздоровевшего и разжиревшего до неузнаваемости.

Молодая девушка была счастлива. Получив официальное назначение сестрой милосердия в действующей армии, она достигла того, к чему стремилась.

Теперь за ней было признано право жертвовать собою ради несчастных, число которых день ото дня увеличивалось.

Главный доктор, кроме того, снабдил ее аттестатом, где в самых лестных выражениях отзывался о ее самоотвержении,

уме и знаниях. Он выхлопотал для нее повозку, мула, проводника и шестерых конвойных под начальством капрала.

Конвой состоял из молодых людей, вернувшихся из санитарной колонии в Носси-Комба и стремившихся принять участие в борьбе.

Отряд выступил ранним утром. Переправившись на пароме через Моровайо, он вышел на обширную равнину, засеянную рисом. В дождливое время путь по этой равнине очень затруднителен. К счастью, время года было сухое. Но существовали другие затруднения. На полях стояло много луж, вынуждавших отряд отклоняться от прямого пути. В других местах путь преграждали широкие трещины в земле.

Люди и животные еще кое-как выкарабкивались, но несчастные повозки Лефебра являлись настоящей мукой. Это был мертвый груз, который приходилось тащить, толкать, нести на себе!

Барка, видевший все в розовом свете, уверял, что дальше дорога будет превосходной.

При других обстоятельствах Фрикетта просто бросила бы неудобный экипаж, но она велела конвойным сложить туда их мешки и ни за что не согласилась бы снова взвалить на солдатиков эту тяжесть. Они же, веселые, как школьники, вырвавшиеся на свободу, пели и поднимали на смех злополучную повозку. Капрал, молоденький, разбитной малый, с выговором парижанина, сочинял на эту тему куплеты, слушая которые, Фрикетта помирала со смеху. Она выразила

свое одобрение импровизатору, он же, несколько смущенный комплиментом, в котором слышалась легкая ирония, отвечал:

– Вы очень добры, мадемуазель Фрикетта. Каждый делает, что может.

– Вы знаете меня?

– Скорее узнаю теперь... по фамилии на багаже. Мы с вами земляки, оба родились в одном и том же предместье.

– Не может быть!

– Совершенно верно. Отец мой – часовщик на углу... знаете – против госпиталя св. Антония... Пэпен, добряк Пэпен, как его называл Рифлар.

– Ах, в самом деле!.. Какая странная встреча! Вы, вероятно, волонтер.

– Конечно. Я служил в двухсотом и попросился сюда... захотелось проехаться.

Новая авария повозки прервала этот разговор. Пришлось впрячь мула, приподнять кузов, и только через полчаса удалось ее вывезти из грязи, где она завязла.

Наконец, у Андрусты, куда прибыли около одиннадцати часов, началась хорошая дорога, которую уже давно обещал Барка. Андруста – жалкая деревушка из нескольких десятков полуразвалившихся хижин, покинутых жителями, но занятых маленьким караулом из французских солдат. Они жили здесь на военном положении, удерживая за французами позицию и охраняя дорогу от весьма возможного нападения

вернувшихся говасов.

Капрал Пэпен, стремившийся отличиться и получить нашивки сержанта, не хотел останавливаться здесь; Фрикетта же, чувствуя себя утомленной после пятичасовой тряски, колебалась. Солдаты тоже высказались за отдых.

Таким образом решено было сделать привал. Фрикетта обошла всех больных, находившихся в Андрусте, прописала кое-какие лекарства, перевязала несколько ран и раздавала некоторые подарки, которые были приняты с благодарностью.

На следующее утро отряд снова весело двинулся в путь. Дорога шла по травянистой равнине, где из ровной почвы, по которой повозка катилась как по утрамбованной дороге, поднимались высокие латании.

Скоро отряд достиг Махатомбоки, переправившись через которую, уже пошел прямо к Амбато, куда и прибыл часа через полтора.

Амбато вовсе не похож на город; это беспорядочно разбросанные двадцать пять хижин на берегу Бетсибока. Здесь был устроен временный лазарет для больных, оставляемых двигавшейся вперед действующей армией. Этот лазарет, снабженный всем необходимым, был рассчитан на триста человек. Теперь их было пятьсот, и смертность была ужасная.

Не медля ни минуты, Фрикетта явилась к дежурному офицеру, получившему уже известие о ее прибытии и ожидавшему ее.

Фрикетта думала в тот же день приняться за работу, но доктор сообщил ей новость, которая нарушила все ее планы и совершенно изменила условия ее пребывания на Мадагаскаре.

Глава VI

По реке. – В Сюбербиевилле. – Бедные больные! – Все поголовно заражены. – Благодарность. – Барка поступает в больничные служители. – Наргилэ. – 14 июля. – Умиравший.

– Стало быть, я должна отправиться немедленно? – спросила Фрикетта у главного доктора.

– Да.

– Следовательно, вы уже не нуждаетесь в моих услугах?

– Напротив; но здесь мы, по крайней мере, устроились, у нас есть помещение, кое-какое белье, лекарства и доктора... Там же, в Меватанане или, скорее, в Сюбербиевилле, нет ничего... а скопление больных неслыханное; все надо вновь устраивать... решительно все! А люди, между тем, мрут.

– Это ужасно!

– Хуже, чем вы можете себе представить... Впрочем, сами увидите. Там больше тысячи больных, и на всех только четыре доктора и шесть служителей.

– В таком случае я отправлюсь немедленно.

– Канонерка «Усердный» перевезет вас и самый необходимый вам багаж в Меватанану; остальные же вещи вам доставят после. До свидания, и тысячу раз благодарю вас от имени всех нас и от имени больных.

Простившись с доктором, опечаленная Фрикетта пошла к

Барке, ожидавшему ее с горбуном. Она рассказала ему все и приказала идти в Меватанану или Сюбербиевилль.

– Хорошо... хорошо, – сказал кабил, – я знаю всю страну, как свой карман, и найду тебя... О горбуне позабочусь... и о себе тоже.

– Хорошо; полагаюсь на тебя. До свидания!

– До свидания, сида... хорошего пути!

Мадемуазель Фрикетту, снабженную официальным свидетельством, приняли на канонерке очень радушно.

На рассвете следующего дня она прибыла в Манганоро и оттуда продолжала уже свой путь по суше до Сюбербиевилля, куда приехала через двое суток после отъезда из Амбато.

Сюбербиевилль – это местечко, возникшее возле золотых россыпей, принадлежащих одному богатому французу, Сюбербие, поселившемуся на Мадагаскаре, и, как говорят, не чуждому причин, вызвавших объявление войны.

Главный доктор госпиталя в Амбато ничего не преувеличил. Там царствовала полнейшая неурядица, и санитарное состояние было ужасное.

Для несчастных больных наскоро устроили помещение, но какое помещение! Они лежали там вповалку в ожидании первой помощи, которой при всем желании слишком малочисленный медицинский персонал не мог оказать им.

Фрикетта спешила туда, где страдания были наиболее сильны, отчаяние наиболее велико. На импровизированных койках, расположенных в несколько этажей, лежали несчаст-

ные больные в страшной грязи. Паразиты покрывали кабилов, не переменявших платья с самого отъезда из Алжира. Большинство, пораженное дизентерией, лежало среди нечистот, издававших страшное зловоние.

В сопровождении людей, изъявивших желание помогать ей и носивших за ней сосуды с карболовым раствором, Фрикетта перебегала от одной койки к другой, обмывала раны, обмывала и обчищала исхудавших больных.

Какая отталкивающая и неблагодарная работа! Сколько надо было силы воли, чтобы преодолеть отвращение!

Но зато какая радость доставить этим несчастным первую помощь в виде чистоты, которой так жаждет каждый больной и которая часто является средством, помогающим исцелению.

Такая помощь, подаваемая молодой девушкой с тонким профилем и нежным цветом лица, всегда забывавшей себя ради них, вызывала умиление у этих полудиких людей. На грубых, зверских черных лицах появлялась улыбка, переходившая в рыдание; непокорные слезы навертывались на глаза, которые никогда не плакали, и медленно стекали по морщинистым щекам, как капли росы по кускам лавы.

Эти люди – все магометане, у которых женщина не пользуется никаким уважением, не могли прийти в себя от удивления при виде такой грации и молодости, соединенных с такой энергией, таким знанием и самопожертвованием.

Фрикетта стала в их глазах существом особенным, выс-

шим, добрым гением, одно присутствие которого производило чудеса. Она делала с больными, что хотела: вселяла в них бодрость одним взглядом или улыбкой, оживляла их волю, что часто у больных, упавших духом, влечет за собой неожиданное выздоровление.

Порядок и чистота мало-помалу наводились, оживала надежда. Менее слабые больные предлагали свои услуги Фрикетте для ухода за товарищами.

Барка, совершив путешествие сухим путем, нашел Фрикетту. На все руки мастер, старый солдат превратился в добровольного фельдшера и ухаживал за больными.

Иногда при этом происходили комические сцены.

Хотя инструмент, излюбленный мольеровскими докторами, уже значительно усовершенствован, но употребление его осталось все то же, и Барка достиг в его применении замечательной ловкости. Инструмент с гибкой трубкой и костяным наконечником казался ему очень похожим на наррилэ. Он так и называл его.

– Эй, товарищ, выкури трубочку! – обращался Барка к больному, которому было предписано это средство.

Товарищ сопротивлялся, не понимая, в чем дело.

Барка убеждал, настаивал и, наконец, торжествовал.

– Доктор приказал... тебя велит... Ну, кури наррилэ.

Все смеялись, и веселый хохот прокатывался по койкам, заставляя на минуту забыть неумолимую болезнь.

Удивительно то, что в этой зараженной среде Фрикетта

была постоянно здорова. Она ела на ходу, почти не спала и при этом не чувствовала ни болезни, ни слабости.

Как часто женщины, нежный вид которых, по-видимому, делает их неспособными к перенесению таких трудов, оказываются гораздо выносливее мужчин при исполнении подобных неблагодарных обязанностей! Их энергия как бы обновляется при соприкосновении со страданием, их вера находит новую пищу в лишениях, и самоотречение еще больше возвышает их душу. И подобного самоотвержения хватает не на один час или один день, но на месяцы, на годы, на целую жизнь!

До самого национального праздника 14 июля жизнь Фрикеты в Сюбербиевилле прошла без всяких выдающихся событий. В этот день войскам была выдана тройная порция и был дан полный отдых. Вечером в городе было устроено шествие с факелами и разноцветными фонариками.

После нескольких часов веселье улеглось, но страдание не знало отдыха. Звук шагов мула заставил вздрогнуть Фрикету, сидевшую на складном стуле. Она хорошо знала этот мерный шаг, возвещавший прибытие больного.

«Еще! – думала она. – Когда же Господь сжалится над нами!»

Двое служителей тотчас вышли и сняли с седла умирающего.

При виде молодой девушки грустная улыбка появилась на бледном исхудалом лице. Он поднял руку к козырьку и про-

говорил еле слышно:

– Здравствуйте... Это я, Пэпен... капрал... или скорее мой скелет... И не сержант я, а должно быть, кандидат на тот свет.

Мадемуазель Фрикетта с одинаковой заботой относилась ко всем своим больным. Она никому не отдавала предпочтения – несчастье равняло всех в ее глазах. Но когда она увидела капрала, ее будто ножом кольнуло в сердце. Для нее маленький капрал не был обыкновенным больным: это был товарищ, друг, земляк. Они вместе ходили в школу, иногда вместе гуляли. Семейства их поддерживали знакомство: отцы обменивались своими мечтами о славе, которую принесет война, матери – своими опасениями.

Мимолетная встреча молодых людей была радостной и трогательной.

Молодой, веселый, решительный солдат не похож был на тех, которые оставляют свои кости в чужой земле. Он казался одним из тех счастливцев, которые с насмешкой смотрят на болезнь и смерть и возвращаются отовсюду.

И вдруг теперь он оказался умирающим. Три дня тому назад он заболел дизентерией в острой форме, осложнившейся лихорадкой.

Теперь он мучился от ужасных болей, терзавших его внутренности, как раскаленным железом, и заставлявших его исхудалое лицо искажаться судорогой.

Он кусал простыню, чтобы не крикнуть, и бросал на де-

вушку отчаянные, умоляющие взоры, будто хотел сказать ей: «Спасите меня!»»

В ожидании доктора, которого она поспешно вызвала, Фрикетта дала больному сильную дозу опия. Затем она внимательно исследовала его.

Глава VII

Ужасная болезнь. – Отчаянные усилия. – Обманчивая надежда. – Страшные минуты. – Духовник. – Последняя воля. – Агония. – К знамени!.. Здесь!..

Совершенно изменившаяся физиономия солдатика выражала полный упадок сил и безнадежность. Сухой, почерневший, весь потрескавшийся язык судорожно подергивался, и на слизистой оболочке рта уже показались гангренозные пятна.

Фрикетта сразу увидела, что его состояние почти безнадежное.

Когда опий не произвел желанного действия, Фрикетта, пользовавшаяся самостоятельностью в выборе средств, решилась применить подкожное впрыскивание морфия. Больной почувствовал облегчение и впал в полузабытье.

Между тем прибыл главный врач. Он внимательно осмотрел больного, одобрил меры, принятые молодой девушкой, и грустно покачал головой. Когда он вышел, Фрикетта последовала за ним.

– Он может спастись только чудом, – отвечал доктор.

Фрикетта глубоко вздохнула и проговорила:

– Бедные родители... Он у них один... какое горе!

Доктор немедленно применил самое эффективное лечение при заболевании дизентерией: каломель, ипекакуану,

строжайшую диету, тщательный присмотр.

Никто не щадил сил для ухода за бедным капралом – одним из самых тяжелых больных.

В первые дни ему стало несколько лучше, бедняга немного ободрился и повеселел. При виде этой веселости у молодой девушки сердце разрывалось на части. Он рассыпался перед ней в благодарностях:

– Какая вы добрая, Фрикетта! Вы ухаживаете за мной как мать... как родная сестра.

– Вы – француз и военный... Вы олицетворяете здесь родину, знамя которой защищаете.

– Да, я понимаю вас и восхищаюсь вами... Если я вылежусь, буду обязан только вам.

– Без сомнения, вы выздоровеете.

– А что скажут старики, когда я вернусь в наш домишко?.. Мамаша станет на вас молиться. Золотая она женщина. А папа Пепэн... всегда веселый добряк! Как сейчас вижу его, нагнувшегося со своим моноклем в глазу над часами, в которых он отыскивает соринку и при этом корчит гримаску... вот так... – Он мигал глазом, будто придерживая лупу, и смеялся... а по впалым щекам катились слезы.

Фрикетта слушала серьезно, растроганная этими воспоминаниями. Перед ней вставал уголок предместья. Она видела, как проезжали экипажи, трамваи, тяжелые повозки и ручные тележки, видела мелочные лавочки, на вывесках которых читала знакомые имена... кондитера, у которого поку-

пала лакомства на мелочь, получаемую от матери в награду за хорошие успехи, видела журнальный киоск и в нем старуху-продавщицу, дававшую ей просматривать красивые картинки в журналах; наконец, она переносилась в мастерскую, где работает всегда задумчивый отец. Дальше ей представлялась мать, в сотый раз перечитывающая письма из Японии, из Джибути, из Мадагаскара и не отрывающая глаз от ее портрета, окруженного золотыми венками, полученными ею в награду в колледже. Ей казалось, что она слышит отца, который говорит:

– А что делает в эту минуту наша Фрикетта?.. Где-то наша дорогая девочка?

А мать разговаривает с ее портретом, будто с нею самою:

– Дочка моя!.. Дорогая!.. Зачем ты нас бросила?

При этих воспоминаниях навертывались слезы, которые она поспешно вытирала.

Стон умирающего нарушил ее мечты и заставил ее возвратиться к действительности.

Целую неделю больному становилось то лучше, то хуже. Маленький солдатик не хотел умирать и энергично боролся с болезнью. Наступило 28 июля, день его рождения, когда ему должно было исполниться 22 года. Грустный это был день!

Утром у него сделалось такое кровотечение, что бедняга лишился чувств. Фрикетта думала, что все уже кончено. Будь больной во Франции, он мог еще выздороветь, но здесь, при его упадке сил, надежды не оставалось. Капрал пришел

в себя после укола эфира и кофеина, и сам вдруг понял, что ему недолго осталось жить. Он собрал последние силы, пристально взглянул на Фрикетту, нагнувшуюся над его изголовьем, и проговорил уже слабеющим голосом:

– Мадемуазель Фрикетта... прощайте! Когда увидите их... отца... маму... моих дорогих... скажите им, что я умер храбро... Скажите, что моя последняя мысль была о них... Передайте им мои бумаги... мою солдатскую книжку; они увидят, что меня ни разу не оштрафовали: все листки чистые... Похороните меня с медальоном, который у меня на шее: в нем их портреты и портрет той... на которой я должен был жениться... по возвращении... Обещаете вы мне это?

– Клянусь, – отвечала Фрикетта, не видя ничего из-за слез.

– А вас, моего доброго ангела, благодарю за ваши заботы. Священник, проходивший по палате, остановился недалеко от койки маленького капрала. Это был высокий, здоровый мужчина с длинной бородой, ласковый и добрый на вид.

Капрал обратился к нему:

– Здравствуйте, господин кюре... вы не лишний... Мне даже очень хочется... сказать вам пару слов... наедине... Вы позволите, мадемуазель Фрикетта?..

– Я к вашим услугам, – отвечал священник больному, ласково пожимая ему руки.

Фрикетта отошла. Разговор продолжался минут пять, и духовник позвал молодую девушку.

– Конец! – тихо, дрожащим голосом сказал священник.

Фрикетта подошла к койке. Маленький солдат умирал. Видел ли он? Слышал ли? Священник и сиделка, два его последних друга, сдерживаясь, ждали, пока не отлетит его душа. Губы его лепетали слова без связи, но проникнутые одной мыслью.

– Отец... мать... сын ваш уезжает... далеко... навсегда... Париж!.. товарищи!.. О мама!.. милая мама!.. Сжальтесь!.. Как я страдаю... Прощайте все, кто меня любил!

Вдали послышался звук трубы и рожков, игравших марш. Маленький солдатик попытался приподняться. Он громко воскликнул:

– К знамени!.. Здесь!..

Затем он тяжело упал на постель и больше не шевельнулся.

Фрикетта и священник, опустившись на колени, молились, между тем как прочие больные крестились, говоря с уважением и ужасом:

– Еще один!

Окончив молитву, молодая девушка, бледная, как полотно, набожно закрыла глаза мертвому и сказала рыдая:

– Прощай, бедная, дорогая жертва долга... прощай!

С помощью Барки она тотчас же принялась обрывать умершего, взяла его бумаги и оставалась возле него, пока двое носильщиков не пришли за ним, чтобы перенести его в мертвецкую.

Другой умирающий ждал рядом, на земле, пока его положат на освободившуюся койку!

Фрикетта, затаив горе, вытерла слезы и продолжала, помогать остальным страдальцам.

Глава VIII

Похороны. – Процессия. – Венки. – Фрикетта и капитан распоряжаются похоронами. – Последнее прощание. – Необъяснимое распоряжение главнокомандующего. – Французским корреспондентам не дают идти дальше. – Счастливый немец. – Фрикетта собирается уехать.

Фрикетта сказала кабилу:

– Ну, Барка, как хочешь, найди мне досок на гроб. Я не хочу, чтобы капрала похоронили просто в мешке.

– Уж я найду, сида.

– Вот тебе деньги... купишь, где найдешь.

– Хорошо! Хорошо!.. Если не куплю – украду.

Смертность была так велика, что уже давно чувствовался недостаток в досках для гробов. Умерших хоронили, просто завернув в холщовый мешок. Предвиделось, что скоро некому станет рыть могилы!

Фрикетта и после смерти отнеслась с трогательным вниманием к своему скромному другу, заботясь об устройстве ему похорон по существующему обряду. Ей было тяжело представить себе, что его бедное тело положат прямо в землю и, быть может, оно станет добычей диких зверей.

Барка нашел несколько досок, забытых в одном из складов Сюбербие и служивших приспособлением при промывке золота. Он распилил их, обтесал и приспособил для пе-

чального назначения. Тело положили в гроб в присутствии Фрикетты, которая обложила весь гроб внутри густым слоем листьев латании. Затем Барка привинтил крышку и сказал, обтирая пот, градом катившийся с лица:

– Хороший был солдат!.. Хороший француз... Барка очень жалеет...

Похороны должны были состояться на рассвете. В назначенный час у мертвецкой собрались немногочисленные участники печального кортежа: капитан роты, в которой служил умерший, и Фрикетта, представлявшая семью его. Священник в облачении стоял у гроба, а солдат иностранного легиона – серьезный, бородатый гигант – нес кропило и чашу со святой водой.

На гробе лежал мундир капрала, его кепи и сабля-штык. Четверо темнокожих, прежде служивших носильщиками паланкинов, крепких молодцов с рубцами на плечах от шестов, подняли гроб. Полурота солдат в форме под начальством адъютанта должна была отдать последние воинские почести. За гробом четыре солдата несли четыре венка живых цветов: от офицеров роты, от товарищей, от больных и от Фрикетты.

То не были торжественные венки. Руки друзей сплели их из чудных тропических цветов, просто, без затей, в знак последнего выражения искреннего сожаления.

Процессию заключали шедшие за Фрикеттой и капитаном свободные в этот день офицеры в полной форме и делегации от различных частей войск, друзья покойного – все бледные,

истощенные, едва державшиеся на ногах.

Священник медленно и торжественно прочел несколько молитв и сделал знак носильщикам. Те подняли носилки и направились к кладбищу.

Недалеко от госпиталя был выстроен крытый соломой домик с крестом на крыше – скромная часовенка, где священник каждый день служил обедню на деревянном столе, покрытом сукном и служившем алтарем. За несколько дней перед тем ее разрушило вихрем. Поэтому похоронная процессия не остановилась у часовни, но направилась прямо на кладбище, находившееся на ровном, открытом месте.

Хотя Сюбербиевилль сравнительно недавно сделался место стоянки войск, однако могил на кладбище было уже немало! Маленькие холмики были расположены симметрично двумя параллельными рядами среди высохшей травы, и над каждым возвышался деревянный крест, а на нем жестяная дощечка с именем, чином и возрастом похороненного.

Все холмики были еще свежие; дощечки еще не покрылись ржавчиной и цветы некоторых венков еще не завяли. Ясно было, что народу умирало много.

После битвы вид лежащих тел, упавших в позах, в которых они сражались, с выражением отчаяния или страдания на лицах, конечно, представляет тяжелое зрелище; но тут, по крайней мере, в воздухе еще стоит запах пороха, в крови еще сохранился некоторый жар, в душе – остаток гнева. Кладбище же мрачно, страшно, без величия, без слов; в нем

нет ничего, что бы скрашивало безобразие смерти. Холмик над шестью футами земли, крест, имя, забытое на следующий день!

Носильщики ставят гроб на край могилы, где он сейчас исчезнет.

Священник поет, и его голос кажется необыкновенно слаб и сух среди этого простора, где не слышно ни малейшего звука. Рыдания подступают к горлу, слезы льются из глаз. Плачут об умершем, плачут о себе!

Гроб медленно спустили в могилу. Наступил самый тяжелый момент: через минуту тот, кто лежал в гробу, навеки скроется под землей! Все взоры прикованы к этим четырем доскам, заключающим бранные останки несчастного храбреца. Его черты еще раз воскресают с необыкновенною ясностью в памяти окружающих. Им как бы слышится его голос!.. Вспоминаются его привычные жесты!..

Все кончено.

Капитан поднялся и кашлянул, пытаясь скрыть свое волнение. Это был старый служака, поседевший на службе. Он был простым солдатом, знал людей, знал, что такое эти маленькие солдатики, и в глубине души любил их, несмотря на свою ворчливость.

Он не был красноречив, но на этот раз шероховатая оболочка разорвалась, и, обращаясь к присутствующим, он начал:

– Товарищи! Прощаясь с мертвыми останками капрала

Пэпена, я как будто хороню одного из собственных своих детей. Не в первый раз смерть уносит одного из моих молодых, но ни разу еще горесть моя не была так велика, потому что тот, кого мы хороним, был один из лучших. Храбрый, всегда покорный дисциплине, он вместе с тем отличался постоянной веселостью истинного парижанина. Все его сослуживцы будут помнить его участие к страдающим. И именно из-за того, что он ухаживал за больными товарищами, он и сам заразился смертельной болезнью. Прощай же, Пэпен, говорю тебе от имени твоих родных, прощай, наш капрал, — от имени твоих товарищей!

Подошел полковник, бросил горсть песку на гроб и, пожав руку Фрикетте и старому офицеру, медленно удалился. За ним и офицеры, и солдаты бросали в могилу по пригоршне земли.

Когда все присутствовавшие разошлись, Фрикетта вынула цветок из одного венка и положила его в конверт. Помолвившись, она тоже пошла домой, говоря:

— Этот цветок я пошлю его матери.

Грустно вернулась она в госпиталь, но здесь, подавив свое горе, снова мужественно принялась за исполнение своих обязанностей.

Прошло несколько недель. Эвакуация больных совершалась правильно, так же как снабжение госпиталя всем необходимым.

Мадемуазель Фрикетта познакомилась с представителями

французской прессы, и они оказали ей радушный прием.

Наступило 15 августа. Время шло; войска сгорали от нетерпения и между тем таяли от болезней. Главнокомандующему с каждым днем становилось яснее, что невозможно достигнуть Тананаривы со всей армией и обозом до наступления дождей.

Необходимо было поторопиться, чтобы не зазимовать при таких плачевных условиях. Тогда генерал решился на последнее средство: он организовал легкую колонну из самых здоровых людей, и, взяв с собой только самое необходимое, быстрым и решительным маршем направился в столицу острова.

Сборным местом этого отборного войска была назначена Андриба – пункт километрах в восьмидесяти от Сюбербиевилля. Оттуда генерал предполагал в двадцать дней достигнуть Тананаривы, центра экспедиции.

Корреспонденты французских газет, само собой разумеется, предполагали следовать за наступательной колонной, как делали это до сих пор с разрешения военного министра. Они намеревались продолжать свою трудную работу. Каково же было всеобщее разочарование, когда в последнюю минуту они получили письмо, в котором главнокомандующий извещал, что для дальнейшего движения вперед им придется подождать, пока армия не прибудет в Тананариву, когда дороги, по всей вероятности, будут открыты всем путешественникам.

Эта новость поразила людей, имевших полное право ожидать лучшего отношения к себе.

Когда Фрикетта узнала о запрещении корреспондентам следовать за колонной, она рассердилась и протестовала. Затем вдруг, именно по случаю запрещения, ею овладело неудержимое желание сделать то, что не было позволено. Сказалась всегдашняя страсть женщины к противоречию. Препятствия возбуждали ее желание. *Lex irritat pessatum*. Иначе Фрикетта не была бы женщиной. А она была ею до кончика своих розовых ногтей.

Кроме того, по правде сказать, она начинала немного скушать. Она оставалась такой же преданной слугой несчастных, которых становилось все больше и больше, но по своей природе она принадлежала к числу натур, которые не могут оставаться долго на одном месте.

Кроме того, она отлично знала, что у нее нигде не будет недостатка в возможности служить страждущим.

В качестве сестры милосердия она просила о разрешении, в котором было отказано представителям прессы. В своей наивности Фрикетта предполагала, что имеет право надеяться на снисхождение. Однако она ошиблась: ей прислали вежливый отказ.

С этой минуты мысль нарушить запрещение не покидала ее. Фрикетта сказала себе, руководствуясь логикой женщины:

– В конце концов, я могу располагать собою по собствен-

ному усмотрению. Время мое принадлежит мне, и я могу распоряжаться им так же, как своей особой. Итак, я еду!

Барке были отданы соответствующие приказания. Кабил был очень рад снова вступить в свою прежнюю должность и объявить, что приготовления будут делом двух дней.

Барка набрал провизии, набил свой мешок, снова воздвиг башню из багажа, которую предназначал для себя. Выюк растолстевшего и разжиревшего горбуна состоял из провианта, перевязочного материала и полной аптеки.

Фрикетта прибавила к своему костюму хороший револьвер, Барка снова взял свое ружье, и в одно прекрасное утро трио двинулось в путь.

Молодой девушке казалось, что ее денщик несколько небрежно отнесся к провизии. Но старый солдат, привыкнув к военным переходам, отвечал, что по дороге всегда можно достать сухарей и консервов.

Итак, они выступили беззаботно, не подозревая, какие передраги ждут их впереди.

Глава IX

Все идет хорошо. – Одни. – Остановка. – Опасения. – К оружию! – Нападение. – В плену. – Переводчик. – Методист и папист. – Фрикетта расправляется с тем, кто хотел ее ударить. – Барка предпочитает смерть от пули повешению.

Вначале все шло прекрасно. Неприятель, трусливый, плохо организованный, не имеющий хороших начальников и запуганный горстью храбрых солдат, бежал, даже не помышляя о каком бы то ни было сопротивлении. Этим только можно объяснить удачу чрезвычайно смелого замысла генерала Дюшена, которое при других обстоятельствах можно было назвать безумным.

Невольно содрогаешься, вспомнив, что летучая колонна была соединена с главным корпусом только незначительной нитью войска, и неприятель в любую минуту мог отрезать французам линию отступления и напасть на них с тыла.

Мадемуазель Фрикетта и ее спутник подвигались при относительной безопасности. Не торопясь, они достигли поста Тарасоатра. Гарнизон поста был сильный, так как это важный стратегический пункт, и наши путешественники провели ночь в удобных хижинах.

На следующий день, после благополучной переправы через две реки, они вступили в более гористую местность. Дорога шла по скалам, подъем и спуск с которых крайне уто-

мителен.

Кроме того, жара стояла такая страшная, что даже Барка, несмотря на свою необычайную выносливость, изнемогал. Зебу, отвыкший от тяжелой работы и разленившийся в Сюбербиевилле, подвигался с трудом.

Достигнуть в один переход не только Молахи, большого укрепленного селения, охраняемого маленьким гарнизоном, но даже Амбиакети, незначительной деревушки на пути к нему, не представлялось никакой возможности.

Решили сделать привал. Барка однако несколько тревожился. Ему показалось, что задрапированные в белое фигуры прячутся за неровностями почвы, хотя он и не сказал ничего о них тебеи, боясь встревожить ее, быть может, понапрасну.

В первый раз он подумал о своей беспомощности в случае возможного нападения шайки грабителей.

Барка разбил палатку на случай если польет дождь – чего, впрочем, трудно было ожидать, привязал зебу очень коротко, зарядил оба дула своей винтовки, вынул из ножен кинжал и принялся за стряпню.

Закусив с аппетитом и поговорив немного, Фрикетта, изнемогавшая от усталости, улеглась на каучуковой постели. Барка же, взволнованный, не мог сомкнуть глаз. Ему постоянно казалось, что он слышит шуршание травы, какой-то неясный шум, и он не мог уснуть. Добродушный горбун мирно пережевывал свою жвачку.

Среди ночи Барка, утомленный напряженным вниманием, задремал. Сколько времени продолжался этот сон – пять минут, полчаса? Его разбудили страшные крики. По привычке старого солдата, Барка вскочил и закричал во все горло: – К оружию!

Он схватился за ружье, а Фрикетта, выскочив из палатки, в секунду очутилась возле него, держа револьвер в руке.

Действительно, произошло нападение, одно из тех нападений исподтишка, которые часто устраивают говасы, любящие действовать в темноте, когда их много и они думают, что неприятель для них не опасен. Они наступают плотной толпой, которую нетрудно разглядеть ночью. Сколько их? Двадцать, тридцать или больше.

Они устремляются на маленькую группу, которая мужественно ожидает их нападения, с дикими криками.

Барка прицелился и выстрелил раз за разом, будто в стаю ворон. Заряд крупной дроби попал в самую толпу. При вспышке пороха можно было рассмотреть, как несколько темных тел повалилось на землю, отчаянно махая руками.

Фрикетта, не испугавшись, последовала примеру кабила и тоже выстрелила в темную линию, которая через минуту уже окружала их.

Говасы знают, что араб и молодая девушка одни, до соседних постов слишком далеко. Они бросаются вперед.

В револьвере Фрикетты нет больше зарядов, Барка не успевает зарядить ружья. Старый солдат бесстрашно броса-

ется к молодой девушке, защищая ее своим телом. Он схватил ружье за дуло, как палку. При первом ударе приклад разлетелся на куски, но один из черных упал с раздробленным черепом. В руках Барки осталось дуло.

Подобная защита не могла долго продолжаться. Упавшего врага заменили десять других. Один из них схватил Барку за ногу. Барка хотел оттолкнуть черное тело, потерял равновесие и упал. Его сейчас же облепили враги, цепляясь за его платье, за плечи.

Храбрый тюркос очутился в плену. Чувствуя себя не в силах сопротивляться, он в последний раз испустил гортанный крик и тихо проговорил:

– Твой слуга не мог сделать ничего больше... Прости его, сида.

Но и Фрикетта уже была лишена свободы, после отчаянной защиты ногами, руками и ногтями. Теперь ее держали за руки так, что она не могла пошевелинуться, меж тем как говасы обвивали веревкой Барку, отбивавшегося, брыкавшегося и кусавшегося.

Справившись с пленными, неприятель двинулся прочь, унося своих раненых и убитых. Фрикетту посадили на зебу, и четыре говаса пошли рядом с ней. Барку же, которому не доверяли, и не без причины, понесли на носилках.

Все это произошло в несколько минут. Ошеломленной Фрикетте не верилось, что она попала в руки жестоких врагов.

Всю ночь шли по ужасным дорогам. Наконец, прибыли к довольно большому селению, где появление говасов было встречено криками радости.

Фрикетту и Барку заперли в большую хижину, а зебу, сняв с него вьюк, привязали к столбу.

Занимался день. Фрикетта была свободна, то есть не связана. Но этим и ограничивалась ее свобода. Ей было запрещено выходить из хижины, двери которой охраняли свирепые негры. И молодая девушка, несмотря на свою испытанную храбрость, говорила с опасением:

– Что они сделают с нами?

Барка произнес слово, означающее у магометан судьбу:

– Мектуб! – Так суждено.

После этого он погрузился в презрительное молчание и ждал событий.

Всякая попытка к бегству была невозможной, только чудо могло их спасти.

Когда совершенно рассвело, толпа негров наполнила хижину, и один из них, кое-как коверкавший французский язык, грубо обратился с вопросом к пленникам.

Барка пожал плечами и отвернулся. У переводчика на шее висело медное распятие – или в качестве амулета, похищенного у христианина, или знак того, что он сам христианин.

При виде креста у Фрикетты мелькнул луч надежды, и она сказала:

– Ты спрашиваешь, кто я и что делаю в твоей стране. Я

француженка и ухаживаю за больными и ранеными.

Человек перевел фразу и спросил дальше:

– Стало быть, ты наш враг?

– Ты христианин? – спросила молодая девушка, ловко уклоняясь от ответа.

– Да.

– Зачем же ты обижаешь меня, если я одной веры с тобой?

Переводчик вовсе не смутился.

– Ты совсем не той веры, что я, – отвечал он, – я христианин-протестант, ты христианка-папистка, француженка. Тебя надо убить.

Перед таким нелепым мнением Фрикетте только осталось пожать плечами. Этот жест, все презрительное значение которого негодяй понял, привел его в бешенство. Он приблизился к молодой девушке с поднятыми кулаками, крича:

– Проклятая француженка!.. Смеяться вздумала надо мной!.. Подожди!.. Увидишь!

Он хотел ударить Фрикетту по лицу. В ней вспыхнула вся ее энергия. Стены хижины состояли из крепких, жестких прутьев камыша, похожего на бамбук. Фрикетта вырвала одну из этих палок и, даже не думая, что это может стоить ей жизни, полоснула прутом по лицу негодяя.

Говас зарычал от бешенства и боли, но уже не смел ударить.

– Гадина! – проговорила Фрикетта. – Вздумал меня ударить! Вот тебе еще!

Удар за ударом сыпались по лицу негра, на котором выступила кровь. Чернокожий сначала завыл, потом затрясся.

Эта хрупкая и кроткая на вид женщина, по виду неспособная обижать кого бы то ни было, возмущенная насилием, защищалась, как мужчина. Негр похож на китайца: если вы станете уступать ему, он делается дерзким; покажите ему палку, и он становится уступчивым.

Переводчик, получивший такой урок, отступил.

Фрикетта, держа прут в руке, смело смотрела на врагов, а Барка, восхищенный ее поступком, тихо шептал ей:

– Хорошо!.. Хорошо, сида!.. Ты такая храбрая, как моя полковница.

А Фрикетта, все еще взволнованная, говорила:

– Проповедуйте после этого равенство. Хорош этот черный брат!

По приказанию высокого старика, пораженного проказой, – по-видимому, начальника, – переводчик снова обратился к молодой девушке и ее спутнику.

Он сказал, что принадлежит к партизанскому отряду, ведущему войну на свой страх, подстерегающему отставших и больных, чтобы отнять у них имущество, а самих вешать. Старик прибавил с улыбкой, исказившей его лицо:

– И вас завтра повесят на большом манговом дереве... да, повесят вместе с другими... Увидите сегодня дерево и повешенных на нем французов!

Фрикетта содрогнулась при этих ужасных словах. Способ

казни возмущал ее.

– Повесят! Меня!.. Увидим... А ты, Барка, дашь себя повесить?

Кабил указал на свои связанные веревками руки и ничего не сказал, а только фыркнул, как рассерженная кошка.

– Как только мы останемся одни, я разрежу твои веревки, и мы лучше умрем защищаясь, чем дадим себя повесить. Ведь так, Барка!

– Да, сида... Хорошо умереть от пули... скверно быть повешенным.

Глава X

Дерево повешенных. – Ужасный вид. – Барка в последний раз обедает. – Фрикетта намеревается лишиться себя жизни. – Воспоминание. – Удачная мысль. – Призывается на помощь химия. – Станный свет. – Огненная группа. – Бегство.

Несмотря на весь свой страх, Барка и Фрикетта были очень голодны. Говасы, желая сохранить в них силы, чтобы вполне насладиться видом их мучений, дали им поесть.

Им принесли большое блюдо риса с вареной курицей. Фрикетта и ее денщик солидно подкрепились и принялись обсуждать план побега, который казался все более и более невероятным. Но Фрикетта и кабил никогда не отчаивались.

Время бежало быстро, как часы, отделяющие осужденного от роковой минуты. Пленники все думали и не находили выхода. О применении силы нечего было и думать. Малейшая попытка повлекла бы за собой немедленную смерть. Оставалась надежда на хитрость. Но какую хитрость можно было выдумать?

Около полудня, когда солнце палило немилосердно, за пленниками пришли. Человек пятьдесят черных разбойников окружили их и повели.

Фрикетта разрезала веревки Барки. Чернокожие не связали его снова, отлично понимая, что какое бы то ни было сопротивление невозможно.

Во главе толпы шло человек шесть музыкантов, раздиравших уши звуками своих варварских инструментов.

– Не особенно красив наш похоронный марш! – иронически заметила Фрикетта. – Право, для нас лишнее мучение.

Барка, между тем, бормотал:

– Ах, если б здесь был взвод моих старых товарищей.

Оба они шли твердой смелой поступью среди этой свирепой толпы, возбужденной мыслью о предстоящей казни.

Миновав ущелье, они вышли в долину и увидели громадное полусохшее дерево с низким, корявым, безобразным стволом.

Несмотря на все свое мужество, несмотря на всю твердость духа, Фрикетта невольно содрогнулась и побледнела при виде ужасного зрелища.

На высоких ветвях дерева сидели, плотно прижавшись друг к другу, черные разъевшиеся коршуны, с голыми шеями и головами. Их были здесь сотни. Увидав приближавшийся кортеж, они захлопали крыльями, жадно подняли головы, но не тронулись с места. Они ждали новой добычи.

Говасы нахально захохотали, а переводчик, лицо которого исполосовала Фрикетта, вышел вперед и, указывая на дерево, начал говорить иронически:

– Это дерево спасения... Паписты влезают на дерево, а оттуда на небо...

По крайней мере пятьдесят трупов качались на сучьях дерева. На всех были французские мундиры! Некоторые из

умерших, повешенные давно, уже превратились в скелеты.

В воздухе стояла такая вонь, что невозможно было дышать. Фрикетта с трудом сдерживала тошноту. Ее охватила злоба. В первый раз в ее душе, до тех пор доступной только мягким и великодушным движениям, вспыхнуло желание беспощадной мести. Она вспомнила восклицание Барки и подумала: «Да, действительно, хорошо бы, если б тут оказалось человек пятьдесят солдат, и они стали бы косить этих дикарей».

Барка с высоты своего большого роста грозил кулаком:

– Дикари!.. грязные негры... куда вам, трусам, было справиться с солдатами! Слишком вы боитесь французов!.. Вы подбираете мертвых и больных и вешаете, чтоб другие думали, что вы храбры!.. Свиньи... гиеново отродье!

Действительно, предположение кабаила могло оказаться справедливым.

Негодяи, не понимая издевательств кабаила, пели, хохотали, прыгали. Их бесило спокойствие молодой девушки и старого солдата, от которых они ожидали мольбы о пощаде.

– Завтра утром белая женщина и мужчина будут висеть там! – кричал переводчик... – Повешенные за шею... Коршуны выключают им глаза, растерзают... съедят все... а они еще будут живы...

После этого пленных снова отвели в хижину, которую опять окружили двойным рядом вооруженных с головы до ног разбойников.

Когда Фрикетта осталась наедине с Баркой, силы на минуту покинули ее. В конце концов она все-таки была женщиной, почти ребенком. Душившие ее слезы брызнули из глаз и облегчили сердце, сжимавшееся столько времени от ужаса, гнева и отчаяния. Видя слезы своей благодетельницы, Барка начал усиленно ругаться и божиться по-арабски. Он скрежетал зубами, хрустел суставами пальцев, сжимавшихся в бешенстве, и собирался броситься в толпу, окружавшую хижины, ища смерти. Слезы молодой девушки сводили его с ума.

Настала ночь... последняя ночь!

Снова пленникам принесли еду. Барка съел все с аппетитом старого солдата, выдавшего на своем веку виды, и сказал:

– Вот им на зло!.. Не хочу умирать с пустым желудком...

Да притом, кто знает, что нас ждет завтра?

Фрикетта не в состоянии была проглотить ни куска. Она только выпила глоток воды, вымыла покрасневшие глаза и, когда мрак сделался непроницаемым, снова начала строить безумные планы бегства. И опять с грустью думала: «О нет!.. Все, только не такая отвратительная смерть... Лучше наложить на себя руки...»

Невольно при этом мрачном решении губы молодой девушки сложились в грустную улыбку:

– Я, как сказочный Грибуль: он бросился в воду, боясь, что его вымочит дождь... Я, чтобы избежать последнего мучения... Отчего, право, и не решиться!.. Вдохнуть в себя поглубже хлороформа... или принять хорошую дозу опиума –

надежные яды, когда хорошо знаешь дозу!

Она вспомнила о кабиле и спросила тихо:

– Барка, тебе хотелось бы умереть?

– Как можно позднее, сида, – отвечал он откровенно.

– Я вполне понимаю тебя... Но чтобы избежать ужасной смерти, которую нам готовят эти негодяи... не пошел бы ты навстречу смерти, которая избавила бы тебя от мучений?

– Я сделаю все, что ты хочешь.

– Мне кажется, что нам остается только одно...

– Убить себя?

– Да, отравиться.

– Ты дашь хорошее снадобье?

– Да... оно убьет нас тихо, без страданий.

– Ты – мое начальство; приказывай, я буду слушаться.

– Ты примешь яд из моих рук.

– Да... ты велишь Барке умереть... Барка старый солдат... никогда не ослушался начальства... Барка умрет.

Слушая эти отрывистые, торжественные заявления, Фрикетта вздохнула и машинально раскрыла одну из своих аптечек.

В одном из отделений, занятых хорошо знакомыми склянками с лекарствами, что-то светилось бледным светом. Барка подошел удивленный, чтобы посмотреть, отчего засветились все скляночки, лицо Фрикетты и угол хижины, где находились оба.

Фрикетта задумалась и не отвечала. Долго продолжалось

ее мрачное раздумье, затем она рассмеялась. Барка, изумленный и опечаленный проявлением веселости в такую минуту и в таком месте, подумал, не помешалась ли вдруг тебя, и проговорил:

– Тебии делается мабул... Какое несчастье!

– Нет, Барка, я в своем уме, – успокоила его Фрикетта... – Нет, но какую штуку я придумала!

Барка невозмутимо ждал, что будет дальше; Фрикетта, искусная в проведении химических опытов, приступила к делу.

– Барка, есть у тебя кружка?

– Да, сида, вот она.

– Давай.

Она взяла жестяную кружку и медленно влила в нее жидкость, распространившую сильный запах скипидара. После этого осторожно, кончиками пальцев она взяла склянку с широким горлышком и вынула из нее палочку – ту самую, которая распространяла в темноте этот странный и яркий свет. Толстая палочка, видимо, таяла в жидкости, налитой в кружку. Скоро вся кружка, казалось, наполнилась огнем, и из нее начали выходить беловатые пары, настолько яркие, что сразу осветили всю хижину.

Барка широко раскрыл глаза, не зная, что сказать и подумать при виде этого чуда.

Молодая девушка жестом заставила его молчать. Она взяла маленькую, нежную губочку, обмакнула в растворе и

осторожно провела ею по лицу и по волосам. Вдруг ее белокурые волосы, нос, рот, щеки, лоб запылали.

У араба вырвалось изумленное восклицание. Действительно, получалось необыкновенное зрелище. Фрикетта смеялась, и в этом смехе среди беловатого пламени было что-то демоническое и устрашающее.

Так же спокойно она вытерла руки, которые тотчас запылали.

– Теперь твоя очередь, Барка, – поспешно проговорила молодая девушка.

– О сйда... это ужасно... мне страшно... я теряю голову.

– Тем лучше... Другие еще больше тебя испугаются.

Повинуясь приказанию, кабил пододвинул свое костлявое лицо. Фрикетта, добросовестно вымазав физиономию и руки кабила, воскликнула:

– Превосходно!

Барка смотрел на свои пылающие руки и, удивленный тем, что не чувствует ни малейшего жара, бормотал:

– Аллах велик! Велик Аллах!

– Да... Аллах велик, и нам надо спешить. Идем!

Готовясь уже переступить порог хижины, Фрикетта остановилась: маскарад не казался ей достаточно полным; она слегка провела губкой по своему платью и по одежде Барки, так что все на обоих вдруг засияло.

– Вот теперь хорошо, – весело заметила Фрикетта. – Теперь скорей!

Она вышла в двери, держа в одной руке губку, а в другой кружку со светящейся жидкостью. Барка следовал за ней, жестикулируя и страшно гримасничая.

Увидав двух пылающих людей, гавасы буквально оцепенели и под влиянием безумного страха повалились на землю. Они, по-видимому, приняли все это за проявление сверхъестественной силы и лежали, охваченные ужасом, который парализовал их движения и языки...

Пленные, превратившиеся в огненные привидения, шли дальше.

Со своим необыкновенным самообладанием Фрикетта подошла к зебу, которого это тоже несколько пугало и который рвался на своей веревке.

Молодая девушка ловко брызнула ему на спину светящейся жидкости, и в миг его охватило как бы яркое пламя.

– Садись на него, Барка, – смело приказала молодая девушка.

Барка послушно взобрался на спину животного.

– Теперь моя очередь!

Одним прыжком Фрикетта очутилась позади Барки на сверкающей спине быка.

Барка отвязал веревку, и испуганный зебу помчался галопом. Гавасы с ужасом смотрели вслед удалявшейся белой женщине, ее слуге и быку, сливавшимся в одну общую огненную массу.

Живой метеор несся в темноте. По инстинкту, свойствен-

ному домашним животным, горбун поскакал по дороге, по которой его вели третьего дня гавасы после нападения. Хотя зебу всего один раз прошел по этой тропинке, он теперь бежал по ней, будто она была ему давно знакома.

Часа через четыре этой бешеной скачки горбун остановился с поднимающимися боками, весь взмыленный, на том месте, где тропинка выходила на дорогу, проложенную французскими солдатами.

Фрикетта и Барка были спасены.

Глава XI

Французская колонна. – Капитан. – Объяснение феномена. – Разгадка. – Первые симптомы болезни. – На поправку. – Лихорадка. – Опасный приступ. – Тяжелый путь. – В госпитале – Фрикетта при смерти.

Было еще темно. Отрывистый громкий окрик «Кто идет?» встретил беглецов. В то же время послышался стук поспешно заряженного ружья.

– Друзья!.. Франция!.. – отвечала Фрикетта, легко спрыгивая на землю.

– Подходи, – снова послышался голос часового.

Фрикетта повиновалась приказанию солдата и остановилась в трех шагах от его штыка. Лицо ее, руки и платье продолжали светиться, хотя и не с прежнею силою. Солдат не знал, что сказать от изумления, и испугался почти не менее говасов. Весь маленький гарнизон сбежался и остановился в крайнем изумлении; но командовавший им сержант разразился дружелюбным, веселым смехом.

– Право, я не ошибаюсь... Это мадемуазель Фрикетта.

– Она самая, и со мной Барка и мой зебу.

– Отчего вы пылаете, как жженка?

– Это я придумала средство, чтобы убежать от говасов, захвативших нас в плен.

– Очень рад, что вижу вас здоровой и невредимой. Эй,

двое молодых, проводите гостей в палатку капитана!

Пять минут спустя Фрикетту и ее спутника приветствовал офицер, удивленный и обрадованный не менее своих подчиненных. По счастливой случайности, этот офицер оказался тем самым, который присутствовал при похоронах капрала Пэпена. Можно себе представить его радость при встрече.

В нескольких коротких фразах молодая девушка рассказала все – нападение, плен, дерево повешенных, приговор, бегство.

– Как это вам пришло в голову такое оригинальное средство? – спросил изумленный капитан.

– Это очень просто устроить. Я употребила раствор фосфора в скипидаре. Обмакнув в него губку, я вымазала себя, Барку, а остальным брызнула на зебу.

– Да! Да! Но все же чрезвычайно остроумно. Не всякому пришло бы в голову подобное средство.

Фрикетта предусмотрительно спрятала в карман пузырек с остатком скипидара. Она намочила им платок, обтерла лицо и приказала Барке сделать то же. Скипидар, улетучившись, унес с собою большую часть фосфора, но все же его оставалось еще достаточное количество, и Фрикетта с Баркой походили на каких-то двух гигантских светляков.

Утром, впрочем, все исчезло. Можно представить себе, какой шум произвел подвиг молодой девушки и сколько приветствий она выслушала.

Однако все это подействовало на нервы молодой девуш-

ки, и она чувствовала во всем теле озноб – предвестник приступа лихорадки.

«Правда, мне что-то нездоровится, – думала она. – Быть может, еще доберусь как-нибудь до Андрибы, а уж до Тананаривы никогда не доехать!»

В первый раз, увидав упадок своих сил, она усомнилась в себе, и не без причины. Капитан ласково, приводя самые веские доводы, уговаривал ее отказаться от ее плана, сказав в заключение:

– Самые крепкие люди падают, как мухи, под губительным действием солнца и опасной болезни. Вот нас уже здесь полтора человека, отправляющихся на поправку из Андрибы в Сюбербиевилль, как неспособных следовать за колонной. И вы думаете, не тяжело это бездействие для нас, военных! Последуйте нашему примеру. Отступите не перед неприятелем, а перед неумолимою болезнью, сокрушающей самых храбрых и сильных.

Фрикетта сдалась, наконец, на его советы и уступила. Не прошло и трех часов после этого, как она слегла в сильном приступе лихорадки. За ознобом последовал бред, тошнота, боль во всем теле. При отряде находился доктор, сам больной, едва державшийся на ногах. Он осмотрел Фрикетту и дал ей хорошую дозу хины.

– Что это еще? – говорила она, бравируя. – Нежничать вздумала, будто время есть на то!

– Что делать, вы платите дань климату. Рано или поздно,

вы сами знаете, этого надобно было ожидать... Я предписываю вам полный покой – нравственный и физический... Слышите?

– Да, я повинуюсь вам беспрекословно и благодарю вас от всего сердца.

Ее положили в повозку рядом с Баркой, державшим над ее головой первобытный зонтик, который он смастерил из листьев латании. Кабила крайне удивила болезнь докторши. Грустный, он окружал больную предупредительными неловкими заботами.

Хина произвела хорошее действие, но больной был необходим безусловный покой, как предписывал доктор, а его бедная Фрикетта могла найти только в Сюбербиевилле; дорога же была бесконечно утомительная. Сколько толчков пришлось вынести, пока повозка катилась по этому скорбному пути.

Колонна состояла более чем из восьмидесяти тряских экипажей, полных несчастными страдальцами.

То было настоящее шествие привидений, бледных, осунувшихся! Ужасный вид представляли эти молодые люди, возраст которых нельзя было определить при их впалых глазах, длинных бородах, исхудалых телах, в одежде, которая висела на них, как на вешалках!

Сидя попарно, как в клетке, они прислонялись плечом к плечу, мрачные, молчаливые, вздрагивая от боли при всяком толчке повозки.

Некоторые, несмотря на полный упадок сил, стояли, приклонясь к стенкам, с заряженными ружьями, готовые защищаться от неприятеля, таившегося в кустарнике, окаймлявшем дорогу.

Временами один из них падал с протяжным стоном; тело его несколько раз судорожно вздрагивало, и он умирал, лежа рядом с испуганным товарищем. На привале выкапывали могилу, и красная земля поглощала еще одного из сыновей Франции!

В состоянии Фрикетты не замечалось ни ухудшения, ни улучшения, но, как всегда бывает в подобных случаях, она слабела с ужасающей быстротой. Бледность сменила румянец на ее лице, щеки ввалились. Питаясь громадными дозами хины, молодая девушка лежала в повозке под защитой зонтика Барки, с ужасом следившего за устрашающим ходом болезни.

Солдатики, все знавшие ее и ценившие ее заботы о больных, забывали собственную болезнь. Эти молодые люди, сами страдавшие так жестоко, старались доставить ей какое-нибудь маленькое удовольствие: один добывал освежающий плод, чудом уцелевший на дереве; другой приносил цветок, за которым он сходил, спотыкаясь каждую минуту от слабости; третий спешил к ней с кружкой свежей воды, которую зачерпнул из родника.

Наконец, достигли Сюбербиевилля. Это была первая большая остановка на обратном пути; но скольким суждено

было остаться здесь.

Осмотрев всех больных, доктор отобрал наиболее крепких, которых можно было немедленно направить в Амбото, Анкобоку и Маюнгю.

Бедная Фрикетта не могла попасть в число этих избранных – ее болезнь была слишком серьезна. По приезде в Сюбербиевилль у нее начался бред. Она уже не узнавала своего друга – доктора, смотревшего на нее с глубоким отчаянием.

Он велел перенести больную в обширную хижину, хорошо проветренную и прохладную, и с самоотвержением, не ослабевавшим ни на минуту, начал оспаривать ее у смерти.

Неутомимый Барка поместился у изголовья своей госпожи и ухаживал за ней, забывая сон, не думая об усталости, почти не отходя, чтобы что-нибудь съесть. Фрикетта в беспомощности смотрела на него бессознательным взглядом, казалось, ничего не слыша; жизнь еле теплилась в ней.

Жар несколько уменьшился, но из-за такого упадка сил доктор боялся малокровия.

Когда больные в госпитале узнали о болезни Фрикетты, все горевали. Унтер-офицеры, арабы-проводники, сенегальские стрелки – все хотели знать о состоянии ее здоровья и содрогались при мысли, что их верный друг лежал при смерти.

Между письмами, прибывшими из Франции, было несколько для Фрикетты – целые тома, написанные отцом и матерью, которые, узнав, наконец, где дочь, радовались воз-

возможности ее возвращения.

Молодая девушка не имела сил сама распечатать конверт и читать письмо, буквы которого казались ей неразборчивыми каракулями. Когда же доктор, по ее просьбе, прочел ей несколько слов, в ее глазах блеснул луч сознания. Две крупные слезы скатились по ее щекам, белым, как слоновая кость, и она тихо проговорила:

– Боже! Увижу ли я их когда-нибудь!

Часть 3

Глава I

В море. – Благотворное влияние воздуха. – Отдых. – Чтобы подышать еще сутки морским воздухом. – Выстрел. – Прерванное путешествие. – Военная контрабанда. – Итальянский крейсер. – Недоверие. – В плену.

Большая, массивная, приземистая, но довольно быстрая на ходу, шхуна шла по синим беспокойным волнам Таджурского залива. Она вышла из возникшего недавно маленького французского владения Джибути, белые, кокетливые домики которого отчетливо выделялись на полосе сероватого прибрежного песка.

Экипаж шхуны, направлявшейся, по-видимому, в Обок, состоял человек из десяти матросов арабского типа – худых, проворных, молчаливых.

Оставалось около часа до восхода солнца. Вдали голубоватый горизонт с легким опаловым отливом начинал алеть. Погода была чудная, несколько свежая, благодаря легкому ветерку, поднявшемуся на рассвете, надувавшему паруса и заставлявшему весело скрипеть снасти.

Такое живительное утро редкость в этих местах, вечно палимых безжалостным солнцем.

Грациозно вытянувшись в кресле-качалке, молодая женщина полными легкими вдыхала воздух, наслаждаясь им, убаюкиваемая мерным покачиванием шхуны.

Судно мало-помалу выбралось в открытое море, а пассажирка, казалось, не замечала, как летели часы и как взошло солнце, теперь огненным шаром поднявшееся над гребнями волн.

Прошли уже полдороги от Таджура до Обока. Хозяин шхуны отдал приказ на своем гортанном наречии, и матросы намеревались передвинуть паруса, чтобы взять направление несколько вкось. Свисток и команда, казалось, пробудили от дремоты пассажирку. Медленно, несколько усталым голосом она позвала:

– Барка!

Высокий кабил, сидевший на свертке каната, поднялся, как фигурка из ящика с сюрпризом, и крикнул:

– Здесь!

Молодая женщина продолжала:

– Спроси у хозяина, через сколько времени он рассчитывает прийти в Обок?

Барка перевел на арабский язык вопрос и отвечал по-французски:

– Через полтора часа, сида.

– Уже! Опять мы очутимся в этой страшной жаре, опять увидим эти спаленные солнцем дома, этих выбивающихся из сил животных... Неутешительно!.. А скажи мне, Барка, у нас

есть с собой запасы?

– Да, сида... на несколько дней.

– Отлично. Так вот, если хозяин согласится провести в море весь этот день и всю ночь, а высадится в Обоке только завтра утром...

– За деньги он на все согласится и все сделает.

– Хорошо. Сторгуйся, дай ему, что он запросит...

– Хорошо, сида.

Барка немедленно передал все и вернулся к Фрикете.

– Ну что?

– Он просит пятьдесят талари. Я ему сказал, что он собачий сын и хочет ограбить важную тебею... В конце концов он согласился на двадцать пять талари.

– Очень хорошо, мой друг; благодарю тебя.

Кабил вернулся на свой канат, а молодая девушка с наслаждением вытянулась в своем кресле и проговорила:

– Стало быть, мне еще целые сутки можно будет дышать этой чудной атмосферой, оживляющей мне кровь, укрепляющей мои силы лучше всех лекарств в мире и возбуждающей во мне счастье жизни. Действительно, нет лечения благодетельнее, чем лечение воздухом.

Шхуна повернула в открытое море, оставив Обок влево, будто направляясь к Адену.

Берега совершенно скрылись из виду, и хорошенькая пассажирка, как ребенок, вырвавшийся из душного класса, наслаждалась своей невинной проделкой.

Вдали, вероятно, была гроза, так как ветерок, вместо того чтобы улечься, становился все сильнее и начинал свистеть в снастях. Шхуна неслась прямо в открытое море!

День прошел без всяких приключений, но около четырех часов на горизонте показалась полоса густого черного дыма, указывавшего на приближение парохода. В этом не было ничего особенного, так как в этих местах постоянно проходят пароходы со всех сторон океана, направляясь к узкому Баб-Эль-Мандебскому проливу. Поэтому на появившийся вдали дым никто со шхуны не обратил особого внимания.

Однако через полчаса маневры парохода показались странными хозяину шхуны. Вместо того чтобы прямо держать путь на пролив, пароход изменил курс и пошел навстречу шхуне.

Матросы переглянулись, и хозяин после минутного колебания отдал приказ поворачивать назад, будто желая вернуться во французские воды. Этот маневр погубил его.

Пароход стал приближаться с невероятной быстротой, шхуна же не могла прибавить ходу.

– Зачем это бегство? – спрашивала себя молодая девушка. – Не всем ли одинаково принадлежит море, и разве я не имела права по своему желанию превратить арабское каботажное судно в яхту для прогулки?

Ответ на это, и притом в самой грубой форме, последовал с парохода. Показался белый дымок, застилая собою один из бортов парохода, и через некоторое время по волнам гулко

прокатился звук пушечного выстрела.

Хозяин, шедший без флага, понял сигнал и поднял французский флаг, но не остановился.

Через пять минут с парохода вторично показался дымок; на этот раз послышался резкий свист гранаты.

Хозяин шхуны велел лечь в дрейф и поспешно отдал несколько приказаний.

Матросы бросились в трюм и вернулись с несколькими длинными ящиками, которые поспешно побросали в море, стараясь скрыться за большим парусом. Напрасный труд! Спуск ящиков еще не был окончен, как крейсер очутился на расстоянии пяти или шести узлов.

Флаг указывал на итальянское военное судно. С борта его спустился бот с пятнадцатью вооруженными матросами, кроме гребцов, под командой офицера. Матросы бросились на экипаж шхуны, который в испуге даже не пытался защищаться. Несчастные послушно протянули руки итальянцам, которые связали их.

Один Барка протестовал:

– Я не матрос!.. Я французский солдат!

Двое итальянцев хотели его схватить.

Двумя сильными толчками Барка бросил их на палубу.

Пассажирка встала и закричала:

– Этот человек мой слуга; запрещаю вам трогать его!

Офицер насмешливо улыбнулся и ответил:

– А я приказываю вам замолчать, красотка, иначе и вас

вело связать...

Молодая девушка возразила с негодованием:

– Красотка! Так, вероятно, у вас говорят с женщинами... Француженка привыкла к другому обращению со стороны человека, носящего мундир.

Офицер что-то проворчал, но, смущенный гордым видом молодой девушки, отошел от нее. Барка стал возле нее.

Хозяина шхуны арестовали; затем с полдюжины моряков под предводительством офицера спустились в трюм.

Под брезентами и запасными парусами нашлось еще несколько прочных, крепко закупоренных ящичков. Некоторые из них вынесли на палубу и ударами топора сбили крышки. В каждом оказалось по двадцать пять ружей Ремингтона и столько же штыков.

Офицер, в восторге от такой находки, язвительно посмеивался, потирая руки. Он снова подошел к Фрикетте и забормотал с ужасным акцентом:

– Оказалась, как я и думал, военная контрабанда. О, меня не проведешь! Ружья для этого каналы Менелика, негуса¹⁰ Абиссинии.

Молодая девушка с минуту смотрела на офицера с изумлением от этого открытия, последствия которого начали только теперь для нее выясняться. Однако она овладела собой и смело спросила:

– Какое же отношение имеет ко мне военная контрабан-

¹⁰ Негус – император.

да?.. Я не коммерсантка... и не снабжаю оружием воюющих.

– Увидим, так ли это.

– Надеюсь, вы не станете обвинять меня в проступке...

Офицер грубо перебил ее.

– Факты налицо и сами говорят за себя... Прежде всего, кто вы?

– Прежде всего, по какому праву вы меня допрашиваете?

– По международному праву всякого сражающегося арестовать военную контрабанду, предназначенную его врагу... Ну же, отвечайте.

– Когда вы станете говорить более вежливым тоном.

– Ну хорошо. Потрудитесь же, сударыня, объяснить мне, кто вы и что вы здесь делаете?

– Я мадемуазель Фрикетта и еду по морю, катаясь.

– Мадемуазель Фрикетта! Разве это имя?

– Да, имя француженки-патриотки.

– И вы катаетесь?

– Да, Боже мой, совершаю прогулку по Таджурскому заливу и его окрестностям. Я в качестве фельдшерницы принимала участие в мадагаскарской кампании, заболела лихорадкой, чуть не умерла и теперь пользуюсь случаем подышать воздухом в ожидании возможности вернуться во Францию.

– Но зачем вы именно здесь?

– Я остановилась в Джибути на обратном пути из Мадагаскара, потому что боялась переезда через Красное море, и в ожидании более благоприятного времени года катаюсь по

моро, как только представляется случай.

– Все это неясно.

– Вы сомневаетесь в моих словах?

– Может быть.

– В таком случае я вам не стану больше отвечать.

С этими словами она спокойно уселась в своей качалке.

Итальянец теперь допрашивал хозяина. Последний признался, что принял в Цемле партию оружия.

Цемла – английское владение, и это обстоятельство, видимо, затрудняло офицера. Он спросил:

– Почему же ты поднял французский флаг?

– Потому что находился недалеко от французских вод и надеялся, таким образом, обмануть тебя.

– Но ведь ты идешь из Джибути?

– Да, я заходил туда за водой, и женщина попросила отвезти ее в Обок. Я согласился, мне было это выгодно, так как я ехал в Асаб.

– Женщина не знала, что ты везешь оружие?

– Не знала.

– Ты лжешь! Она француженка и, думая, что не станут подозревать женщину в подобной торговле, осталась на борту, чтобы легче провести нас.

– Нет!

– Ты врешь, повторяю тебе... А знаешь ты, что тебя ждет?

– Знаю. Меня могут повесить.

– Да, и наверное повесят – после суда.

– На то воля Аллаха!

Во время этого разговора молодая девушка сидела в своей качалке в спокойной, удобной позе. Офицер снова подошел к ней и уже менее грубым тоном сказал:

– К моему великому сожалению, я вынужден объявить вам, что вы моя пленница.

– Почему это?

– Вы на арестованном судне, до дальнейшего распоряжения на вас смотрят как на соучастницу в преступлении, которое повлекло за собой его арест.

– Но это не имеет смысла! Как это! Я, едва оправившись от болезни, еду из Мадагаскара... книги пароходного общества в Джибути могут доказать вам, что я еду из Мадагаскара, куда прибыла из Японии... что я покинула Европу год тому назад... И вдруг меня арестуют...

– Военная контрабанда несомненна.

– Но ведь я к ней не причастна. На ящиках адрес одной английской конторы в Бирмингеме... они из Цемлы, где я никогда не бывала.

– Вы выскажете ваши доводы перед военным судом. Пока же вы остаетесь моей пленницей.

Фрикетта, возмущенная таким решением, пожала плечами и ничего не ответила.

Экипаж шхуны без церемонии заперли в трюм. Пароход взял ее на буксир и с торжеством, будто пленил целый флот, повел в Массову.

Фрикетта же, спокойная по-прежнему, будто ей не грозило ужасное обвинение, думала про себя: «У меня уже давно мелькало смутное желание присутствовать при борьбе негуса с итальянцами. Эти господа доставляют мне случай, надо им воспользоваться!»

Глава II

Дорогая роскошь. – Печальная колония. – Что такое Массова. – Самохвальство итальянцев. – Большая сфера и малая сфера. – Военный суд. – Ненависть к Франции. – Ответ француженки. – Осуждение.

Массова, которую итальянцы некогда так гордились, плохая колония. Этот город и соседняя с ним территория представляют самый плачевный подарок, который Крипп мог сделать своему отечеству. Самый заклятый враг Италии не мог бы придумать ничего хуже, как наградить ее этим раком, который внедряется в нее, истощает, вытягивает из нее лучшие соки и отнимает последние средства.

Но как быть? Первостатейное государство должно иметь по крайней мере одну колонию, как богач должен иметь по крайней мере один экипаж. Это иногда оказывается дорогою роскошью, доводящей до разорения; но зато чувство удовлетворенного тщеславия служит, по-видимому, достаточным вознаграждением.

Итак, под $15^{\circ}30'$ северной широты и $37^{\circ}15'$ восточной долготы находится знаменитая Массова. Население ее около пяти тысяч человек самого разного происхождения: есть и арабы, и нубийцы, и конаки, и абиссинцы, индусы, галасы и греки. Большинство из них бывшие торговцы рабами, теперь, в сущности, настоящие бандиты.

Итальянский гарнизон очень немногочисленный, бедные европейские солдаты, посланные на свое несчастье в этот ад, часто умирают.

Название ад не преувеличено, так как термометр Цельсия, показывающий 40° днем, ночью никогда не спускается ниже 35°C . Средняя температура наименее жаркого месяца – января – 25° , а наиболее жаркого – июня – 36° !

Если бы к такой жаре не присоединялась сырость, климат был бы выносим. Но известно, что испарений из Красного моря поднимается больше, чем из какого-либо другого, и поэтому в жаркое время атмосфера пропитана водяными парами.

Это настоящая теплица, где несчастный европеец совершенно теряет силы, изнуряемый постоянным потом, обилие которого невозможно описать. Это вечная баня, непрерывная паровая ванна, представляющая собой самую жестокую и опасную из пыток. Нет ничего удивительного, что тропическим болезням нет числа: желтая и болотная лихорадки, дизентерия, злокачественная горячка, солнечные удары и так далее.

Говорят, что счастливые народы не имеют истории. Масова, это несчастная колония, имеет свою историю, короткую, но раздирающую душу.

Это клочок земли, из-за которого убито столько итальянцев, принадлежал некогда Турции. Султан, найдя его лишней обузой, уступил его в 1866 г. хедиву, который имел неко-

торое основание, проистекающее из географических данных, присоединить его к своим владениям. В 1884 году англичане, заняв все порты Красного моря, заняли и Массову; но, несмотря на свою традиционную жадность, они не сочли выгодным удерживать занятый город. Во-первых, игра не стоила свеч; а во-вторых, они щадили негуса, надеясь вовлечь его в союз против магди¹¹. Они намеревались отблагодарить его за услуги, отдав ему Массову, не принадлежавшую им.

Так как союз не состоялся, то Массова оставалась номинально во власти хедива до 1885 года.

В это время Италия возмечтала возвеличиться и положить начало колониальному могуществу. Она обратила свое внимание на Массову – достояние хедива, которому грозил негус и которого обирали англичане. Она сыграла роль третьего плута и отважно заняла новую колонию.

К несчастью, приобретение нельзя было назвать удачным. Кто знает, сколько золота, слез и крови поглотила эта бездонная бочка! Но как-никак Италия приобрела колонию и крепко держится за нее! Она ею очень гордится, и эта гордость иной раз доходит до наивного комизма.

Как известно, Франция владеет Таджурским заливом, Обоком и Джибути с полосой прилегающей к ним земли. Вокруг небольшого владения простирается так называемая об-

¹¹ Магди (араб.) – здесь: руководители национально-освободительного движения.

ласть французского влияния – весьма удачное название, значение которого вполне ясно.

И итальянцы соблаговолили признать на своей карте за Францией область влияния. Но рядом с этой крошечной, почти незаметной «областью» обозначена на карте область итальянского влияния, окружающая Массову и простирающаяся до бесконечности.

Есть чему изумиться! Это «влияние» простирается через реки, поднимается на горы, покоряет народы, охватывает целые государства.

Уж если запрашивать, то запрашивать! Это ведь невинная страсть, от которой нет вреда никому, а составители карт находят себе занятие! Но вообще получается несколько комичное впечатление, будто люди хотят сказать: «Что такое Франция в Эфиопии?.. Кто ее там знает... Посмотрите, у нее нет даже области влияния... разве можно назвать так этот кусочек меньше платка?.. Вот Италия – другое дело... Видите, как велика область ее влияния... Оно охватывает все – и Абиссинию, и Шоа, и страну Галласов... уголок Нубии, Судана... скоро это влияние распространится на всю долину Нила. Куда ни взглянешь, все Италия... Великая нация... соперница Англии за пределами Европы... Два колосса, которые скоро разделят между собою господство над всем миром».

При таком детски наивном хвастовстве остается только пожалть плечами. В последнее время Менелик несколько

уменьшил спесь, одним толчком передвинув границы знаменитой «сферы влияния».

Побывав в плену у китайцев и малгашей, мадемуазель Фрикетта имела перспективу испытать плен у итальянцев.

После суточного ареста в настоящей тюрьме с часовыми у всех входов, как будто Фрикетта была в самом деле военная преступница, ее вызвали в военный суд.

Она предстала перед военными судьями, сверкавшими нашивками и галунами своих узких мундиров, заставлявших их обливаться потом и грозивших лопнуть при каждом движении.

Эти господа рисовались, принимая важный вид, радуясь возможности сделать неприятность француженке, которую заставили сесть на скамью подсудимых.

Председатель начал допрос. Фрикетта отвечала с полным хладнокровием и достоинством.

Когда она сказала, что принимала участие в мадагаскарской кампании, председатель иронически улыбнулся, судьи последовали его примеру.

Затем он сказал, желая быть остроумным:

– Да, Мадагаскар... великая нация совершила великую глупость... Что же, пощипали ее за это порядком...

Фрикетта чувствовала, как вся кровь прилила к ее щекам. Она отвечала с негодованием:

– Франция, всегда находившая средства платить за свою славу, стоит выше насмешек всего света... особенно издева-

тельств итальянца...

– К чему относится этот намек?

– Я ни на что не намекаю, а просто говорю то, что думаю. А думаю я вот что: Франция на Мадагаскаре потеряла несколько перьев из крыльев – это правда; хотя с вашей стороны вовсе не великодушно бросать подобное заявление в лицо женщине, француженке... Но позвольте вам сказать, что колониальная война готовит не один неприятный сюрприз воюющим европейцам. Берегитесь, как бы не потерять крыльев, а вдобавок не сломить шеи... Я говорю это об Италии.

– Все это вовсе не относится к делу.

– Вы подняли на смех Францию, я отвечала, как следовало француженке... а теперь с удовольствием вернусь к тому, что вы называете «делом».

Призванный к исполнению своих обязанностей этим метким возражением, председатель заговорил о преступлении, участие в котором во что бы то ни стало желали приписать Фрикетте – о военной контрабанде.

Фрикетта защищалась, логично приводя доводы, с которыми беспристрастные судьи не могли не согласиться. Итальянцы же хотели сделать молодую девушку виновной, особенно потому, что она была француженка.

Они выдумали целую историю, предпочитая обвинять в несуществующем преступлении молодую девушку, что давало возможность еще раз возбудить общественное мнение

против Франции, дать новую пищу ненависти, с которой их государство относится к этой стране, и открыть широкое поле клевете, до которой чрезвычайно падки итальянские газеты.

И все же в словах, в манерах и обращении этих «беспристрастных» судей на каждом шагу проглядывали зависть, озлобление, неприязнь к той самой Франции, которая не считая проливала за Италию свою кровь и отдавала свое золото.

Глава III

Конец допроса. – В тюрьму. – Заточение. – Ужасное одиночество. – Тюремщица. – Слепая, – Фрикетта пытается вылечить ее. – Тщательный и умелый уход. – Она видит. – Благодарность. – Отец. – Барка. – Планы бегства. – Фрикетта превращается в негритянку.

Чем дальше продолжался допрос, тем ожесточеннее, упрямее становились судьи.

Терпение Фрикетты истощилось, она воскликнула с запальчивостью:

– Что же это, господа? Вы судите мою родину, а не француженку, которой уже становится противно слушать вас? Франции и французам нет надобности доставлять оружие Менелику – у негуса и без того есть поставщик, доставляющий ему даром сколько угодно наилучших боевых припасов. Вы знаете его не хуже меня.

– Кто же это? – наивно спросил председатель.

– Италия, милостивый государь. Да, Италия, оставляющая в руках негуса ружья, пушки и всякие боевые снаряды в таком изобилии, что хоть торгуй ими.

Взбешенный президент вскочил, ища ответа. У него готово было сорваться ругательство, но остаток джентльменского чувства заставил его удержаться.

Прочие теребили усы, скрежетали зубами и так волнова-

лись, что каждая минута грозила целости их слишком узких мундиров.

Очень довольная своим метким ответом, доставившим ей облегчение, Фрикетта устремила на судей свой спокойный, ясный взгляд.

Наступило продолжительное молчание; затем председатель продолжал прения, конечно, только для формы.

Молодая девушка презрительно молчала. У нее не было даже официального защитника. После короткого совещания было зачитано обвинение.

Мадемуазель Фрикетта, француженка по происхождению, уличенная в попытке снабдить негуса оружием, была приговорена к пяти годам тюремного заключения. Затем к четырем годам того же наказания за оскорбления, нанесенные итальянской нации во время заседания.

Барка, именующий себя ее слугою, за ту же вину приговорен к десятилетнему заключению.

Весь экипаж шхуны был единогласно осужден на смертную казнь. Приговор был приведен в исполнение в тот же день, и, по утонченной жестокости, итальянцы принудили Фрикетту присутствовать при смерти несчастных матросов.

Их расстреляли на открытой площадке, которую итальянцы называли «плацом» и где производили казни. Матросы умерли мужественно, со свойственной магометанам невозмутимостью, выражая одним словом ужасную участь, так неожиданно постигшую их:

– Мектуб!.. Так суждено.

Фрикетта мужественно перенесла ужасное зрелище. После этой возмутительной и ненужной жестокости молодую девушку и Барку отвели в тюрьму.

Тюрьма не была игрушечным местом заключения, какие встречаются в едва устроенных колониях, а настоящим тюремным замком, построенным из тесаного камня – настоящей гранитной твердыней, откуда бегство невозможно.

Фрикетту поместили в каземате наполовину под землей – в нижнем этаже, похожем на подвал. Единственное, что заставляло несколько мириться с этим помещением, была господствовавшая в нем прохлада, очень приятная в таком климате.

Всю мебель составляла кровать без матраца; а простынями служили два паруса, толстые, как листы толя. Возле постели стоял массивный стол и скамейка, вделанная всеми четырьмя ножками в землю.

Свет проникал через узкое окошечко, закрытое толстой железной решеткой и проделанное под самым потолком.

Осмотревшись в этом зловещем каменном мешке, Фрикетта рассудила:

– Только крыса или птица могли бы убежать отсюда. И здесь эти истребители макарон намерены продержат меня десять лет!.. Через десять лет волосы мои поседеют... или, скорее, у меня вовсе не останется никаких волос... да и меня самой уже не будет на свете... Десять лет!.. А бедный

мой Барка. Вот, я думаю, бесится, несмотря на свое терпение, на всю покорность судьбе...

Молодая негритянка, исполнявшая должность тюремщицы, приносила заключенной ее скудную пищу – чашку риса с несколькими кусочками сала. Плоская чашка была очень сомнительной чистоты, для еды служили деревянные ложка и вилка.

Фрикетта заметила, что походка негритянки была нетвердая и взгляд ничего не выражал, как всегда бывает у слепых.

Добрая и сострадательная, она подошла к тюремщице и увидела, что веки ее были страшно воспалены. Из глаз постоянно сочился зеленый зловонный гной, стекая по щекам больной и придавая ей отталкивающий, мрачный вид.

Фрикетте стало искренне жаль бедняжку; она сказала ей несколько приветливых слов, которых та не поняла, но, услышав их ласковую интонацию, разрыдалась. Негритянка думала, что будет иметь дело с грубым заключенным, и вдруг услышала женский голос, такой ласковый, что при одном звуке его бесконечная благодарность наполнила ее сердце.

Фрикетта знала, что воспаление глаз одна из наиболее ужасных болезней, постоянно свирепствующих в этих странах и быстро превращающихся, из-за неопрятности и недостатка ухода, в неизлечимый недуг. На каждом шагу можно встретить несчастных, у которых глазное яблоко вытекло, а из опухших, красных век сочится кровь.

Фрикетта мужественно принялась за обычный обед ита-

льянских заключенных, между тем как в ум начиналась оживленная работа, которая пробуждается с самого начала в уме узника. Она составляла тысячи планов, один безумнее другого. Затем, сломленная всем пережитым в этот день, она вытянулась на своих досках и – поверите ли? – уснула сном праведных.

С некоторым нетерпением ожидала Фрикетта возвращения негритянки, единственного живого существа, которое ей разрешалось видеть, да и то на такой короткий срок.

Слепая пришла, заключенная издали узнала ее нетвердые шаги. Бедная тюремщица, чувствовавшая уже беспредельную благодарность за несколько сострадательных слов, обращенных к ней, позаботилась о кушанье к посуде вверенной ее надзору заключенной. Все было чище, лучше приготовлено и рис не так липок. Фрикетта сразу увидела эту перемену и была бесконечно благодарна негритянке. Со свойственной ей добротой она осторожно привлекла ее к себе и, преодолев отвращение, осмотрела, приблизив к свету, ее глаза. Негритянка взволновалась и дрожала, но покорилась осмотру.

Глаза действительно были в ужасном состоянии, но Фрикетте казалось, что прозрачная роговая оболочка зрачка не тронута. Она подумала: «Я приложу все усилия, чтобы вернуть несчастной величайшее благо жизни – зрение».

К сожалению, она не могла объяснить хотя бы вкратце, что намеревалась сделать. На всякий случай она произнесла арабское слово тэбиба, надеясь, что негритянка поймет его

значение.

Тотчас же добрая улыбка осветила черное лицо, и негритянка несколько раз повторяла нежным музыкальным голосом, свойственным неграм:

– Тэбиба!.. Тэбиба!

Она поняла, что ее пленница была женщина-доктор и, может быть, вылечит ее от ужасной болезни.

Фрикетта видела единственное спасение в прижигании слизистой оболочки. К счастью, у нее не отняли ее маленького несессера, который она всегда носила во внутреннем кармане корсажа. Итальянцы, по крайней мере, постеснялись ее обыскать.

Фрикетта вынула кусочек ляписа в футляре и подвела больную к окошечку, через которое сверху падало немного света, смело приподняла веко правого глаза и прижгла. У негритянки вырвалось глухое рычание, как у раненого зверя, но она не сопротивлялась и храбро перенесла страдание, понимая, что это к ее благу.

До поры до времени Фрикетта не касалась левого глаза, намереваясь действовать осмотрительно и не желая рисковать возможной потерей обоих глаз. Потрепав слепую по щеке, она сказала ей несколько ласковых слов, как мать, успокаивающая дитя. Негритянка ушла растроганная, благодарная: в душе ее проснулась надежда.

На следующее утро и несколько дней кряду Фрикетта продолжала прижигания не без опасения в душе. Вначале воспа-

ление даже усилилось. Фрикетта приписала это, совершенно основательно, действию едкого ляписа, а больная не жаловалась. Через неделю появилось уже видимое улучшение. Опухоль значительно уменьшилась. Ободренная этим, Фрикетта немедленно принялась за лечение левого глаза и терпеливо ждала результата.

Дни, между тем, протекали в мрачной, удручающей медленности. Фрикетта, привыкшая к движению на свежем воздухе, начинала уже чахнуть в этой каменной клетке, куда не достигал ни один звук человеческого голоса, ни пение птицы, ни солнечный луч! Кроме того, ее организм, ослабленный ужасным мадагаскарским климатом и перенесенной болезнью, нуждался в более питательной пище. Мало-помалу она стала чувствовать, что силы начинают снова покидать ее.

Заключение становилось для нее еще ужаснее потому, что ей отказали в чернилах, перьях, бумаге, книгах...

Ее лишили сразу свободы, воздуха, развлечения и, казалось, позабыли о ней.

Подобное строгое заточение в четырех каменных стенах, даже без маленьких ежедневных прогулок, которые разрешаются заключенным или во дворе, или в просторных коридорах, равнялось смертному приговору.

Фрикетта, между тем, сопротивлялась всеми силами. Она не хотела уступать, зная, что как только душа ослабнет, тело погибнет. Но сколько времени ей предстояло жить так?..

Единственными счастливыми минутами для бедной за-

ключенной было время, когда приходила слепая с пищей, и Фрикетта лечила ее. Она с лихорадочным нетерпением ожидала этого посещения, нарушавшего на минуту ее ненавистное уединение.

Так прошло несколько долгих недель. Воспаление с каждым днем уменьшалось. Больная уже начинала видеть.

В первый раз, когда негритянка увидела свою благодетельницу, она была так потрясена, что упала на колени. До сих пор она не знала, что тэбиба – белая женщина. Увидев тонкие, изящные черты этого лица, кроткие, ясные глаза, вьющиеся волосы, нубийка подумала, что видит перед собой существо высшего порядка, одно из добродетельных божеств, иногда поселяющихся среди людей и известных своими благодеяниями чернокожим.

Негритянка схватила руку Фрикетты и покрыла ее горячими поцелуями.

Молодая девушка, тронутая таким проявлением благодарности, поспешно подняла ее, взяла за обе руки и сказала:

– Что ты? Что ты?.. Ты становишься на колени передо мной, Фрикеттой... Точно ты принимаешь меня за королеву. Если ты довольна, то поцелуй меня от всего сердца, и я буду щедро вознаграждена.

И, подавая пример, тэбиба запечатлела на черных щеках нубийки два звучных поцелуя. Затем, счастливая, она прибавила:

– Ты видишь?.. Ну, взгляни на меня еще раз... Я себя не

помню от радости, убедившись, что твои глаза ожили.

Негритянка в восторге смотрела на Фрикетту, быстро что-то говорила, стараясь выразить свою благодарность.

– Да, да!.. – прервала ее Фрикетта, – долго мы можем поговорить так, не понимая друг друга. Ты милая девушка, но я с удовольствием рассталась бы с тобой. Ах, если б ты помогла мне вырваться отсюда!..

Так как свидание тюремщицы с заключенной несколько затянулось, то следовало прервать его из боязни навлечь подозрение властей.

Так и случилось.

Через два дня негритянку заменил старый негр с седой бородой и угрюмой наружностью. Его появление опечалило Фрикетту. Но старик низко поклонился ей и, взяв ее руку, почтительно поцеловал, потом тихо произнес одно слово:

– Барка!

Изумленная и обрадованная Фрикетта повторила:

– Барка!

Старик сделал знак рукой, приложил палец к губам и медленно вышел. Через пять минут он вернулся в сопровождении денщика Фрикетты, самого Барки во плоти, но еще больше исхудалого.

Добрый араб был так счастлив видеть свою благодетельницу, что смеялся, плакал, плясал, прыгал, говорил глупости – точно совершенно потерял голову.

Старый негр одним словом, произнесенным на его родном

языке, вернул его к действительности.

– Правда, – сказал Барка, – я теряю время, а между тем минуты дороги. Этот старик – отец слепой, которую ты спасла, сида... Он объявляет, что в знак благодарности готов сделать все. Он готов отдать за тебя свою жизнь.

– Нет, нет!.. Пусть он обоим нам даст свободу.

– Да, он думает помочь нам бежать, рискуя собственной жизнью. Но тебя не должны узнать... а ты одна белая женщина здесь... Если б не это...

– Тогда было бы нетрудно бежать?.. Да?.. Значит, для этого мне не следовало бы быть белой?

– Да, он говорил так.

– Хорошо! Завтра я превращусь в негритянку.

– Да... выкрасишься... в черный цвет. А если пойдет дождь, если ты вдруг упадешь в воду, краска сбежит.

– Нет, я стану настоящей негритянкой, и краска моя будет так прочна, что ей не страшны будут ни вода, ни мыло.

Прошло еще два дня. Теперь старый негр приходил с дочерью, уже вполне выздоровевшей.

Глава IV

Да, я превращусь в негритянку. – Костюм и прическа. – Восторг Барки. – Бегство. – Опасности. – В таинственном доме. – Обыск. – Страх. – Никому не приходит в голову подозревать белую в негритянке. – Опять на спине горбуна. – Бегство. – Благодарность.

Несмотря на суровую наружность, у старика, по-видимому, было доброе сердце. Исполняя должность, при которой ему постоянно приходилось наталкиваться на нравственные уродства и физические недостатки, он загрубел, но любовь к дочери пробудила в его сердце благодарность. Он теперь обожал Фрикетту, спасшую дочь, и решился отблагодарить ее, вернув ей самое драгоценное – свободу.

Он давно уже поселился в этой стране, еще до занятия ее итальянцами, и прежде служил у хедива. Итальянцы оставили его в должности, в которой он состоял, а так как он отличался исполнительностью, то приобрел неограниченное доверие у властей.

Барка объяснил ему, что его госпожа из белой превратится в негритянку, и старик, слушая его, не очень верил. Кабил отвечал очень серьезно, что для тэбии нет ничего невозможного – доказательством тому служит излечение его дочери. Кроме того, он рассказал о бегстве с Мадагаскара, как всю ночь тебию, его самого и даже зебу окружало пламя.

– Да, мы пылали, а между тем не горели. Все это от того, что тэбья всемогуща.

– Хорошо! Скажи ей, чтоб была готова сегодня ночью. Ей принесут платье.

Барке удалось свидеться на минуту с Фрикеттой, чтобы предупредить ее, что решительная минута настала. Он ушел от нее, повторив последние слова старика:

– Сегодня ночью будь готова.

Фрикетта радостно захлопала в ладоши и весело воскликнула:

– Отлично! Да здравствует свобода!

Вечером тюремщик и его дочь, имевшие, само собой разумеется, право во всякое время дня и ночи ходить по мрачному зданию, отправились в камеру Фрикетты.

У старика в руке была маленькая лампа с частой сеткой для защиты пламени от москитов.

При виде молодой девушки оба остолбенели от изумления.

Лицо, руки, шея Фрикетты были превосходного черного цвета, на котором резко выделялась ослепительная белизна зубов; губы напоминали своей краской спелые гранаты, и сверкавшие глаза были круглы, как шарики. Одним словом, согласно своему обещанию, тэбья превратилась в прекрасную негритянку с тонкими, изящными чертами лица, с капризным выражением и вызывающей улыбкой.

Старик, оставив при Фрикетте дочь, отправился в поме-

щение Барки. Негритянка – настоящая – принесла под мышкой узелок с платьем, какое обыкновенно носят местные женщины. Все было безукоризненно чисто. Вероятно, то был парадный костюм нубийки. Она сделала Фрикетте знак, чтобы та одевалась, и ловко помогала ей. Сначала она подала большой кусок белой ткани местной выработки с отверстиями для головы и рук; затем – длинный кисейный шарф очень тонкой кисеи, служащий поясом, и, наконец, легкие полотняные панталоны и маленькие соломенные туфли.

В таком костюме Фрикетта походила на самую хорошенькую, самую кокетливую и резвую магометанку. Оставалось только соорудить прическу, которой украшают себя местные щеголихи и которая закончила бы общее впечатление наряда.

Искусная в этом отношении нубийка разделила все волосы Фрикетты на четыре части от лба до затылка, сплела их, удивляясь их тонкости, и сделала из них одну косу, которую посыпала чем-то черным, причудливо обвила ее вокруг головы и крепко приколола длинными тонкими серебряными шпильками.

Сама Фрикетта, посмотревшись в зеркало, не узнавала себя.

В ту же минуту вошел Барка, переодетый арабом. Костюм одного из бродячих горных племен, кочующих по берегам Красного моря, Индийского океана и Персидского залива, очень шел ему.

Увидев Фрикетту, он жестаи выражал свое изумление, доходившее до комизма.

– О сида! – воскликнул он, глядя на Фрикетту. – О сида, никогда я не думал, что ты можешь сделаться негритянкой. Отцу, матери, брату никогда бы не узнать тебя... Я, твой слуга, не распознаю, ты тэбия или взаправду негритянка.

Молодая девушка разразилась веселым смехом, переливавшимся, как трели соловья, и отвечала:

– И знаешь, Барка, ведь краска прочная... ни холодная, ни горячая вода, ни масло, ни мыло не берут ее.

– Только ты ведь не всегда останешься негритянкой?

– Останусь ровно столько времени, сколько нужно, чтобы убежать.

– Хорошо! Хорошо!

Старик прервал эту оживленную беседу и сказал Барке по-арабски:

– Друг, время проходит, пойдем к тебе в комнату, привяжи меня, свяжи покрепче, не бойся... Надо чтоб подумали, что ты напал на меня... Если б итальянцы стали подозревать, что я помог тебе, они закопали б меня живого. Скажи тэбии, что я благословляю ее и что воспоминание о ней будет жить в моей душе до последнего дня моей жизни. Скажи ей, чтобы она также привязала мою дочь... хорошенько.

Барка слово в слово передал точное приказание старика, так же как и его торжественное благословение и прощание.

Дочь его, получившая уже предварительные наставления,

легла в постель и протянула руки Фрикетте, которая их быстро связала.

Прежде чем связать негритянку, Фрикетта нежно поцеловала ее, сожалея, что не может обменяться с ней ни одним словом, не знает даже ее имени.

Затем, взяв ключи, она заперла дверь и вышла в узкий коридор в ту самую минуту, как Барка, заперев свою, подошел, сгибаясь, ковыляя, стараясь подражать старческой походке тюремщика.

С бьющимися сердцами, но твердые и решительные, беглецы направились к выходу.

Благодаря указаниям старика, кабил мог определить, как выйти из тюрьмы, охраняемой двумя часовыми.

Очувтившись на площади, Барка повернул в боковую улицу, еще раз завернул за угол и, войдя в темный переулок, остановился перед калиткой одного из домов.

– Здесь, – сказал он шепотом.

– Здесь что? – спросила Фрикетта, всегда несколько любопытная, едва различая в темноте дверь и самое строение.

– Здесь живет тот, кто приютит нас и поможет нам добраться до страны негуса. Это друг отца той, которую ты спасла.

Барка постучался.

Дверь тотчас отворилась, и, после быстрого обмена несколькими словами, беглецов впустили.

Их провели в широкий зал, где было довольно свежо, и

слуги, с любопытством смотревшие на них, подали им ужин. Фрикетте хотелось задать им несколько вопросов, но Барка многозначительным взглядом советовал ей молчать. Так ей и не пришлось проникнуть в тайну; но она была довольна и тем, что вырвалась на свободу и снова ступила на дорогу приключений, не зная, куда она приведет.

Барка между тем курил сигаретки, пил кофе, наслаждаясь ароматом табака и мокко, как человек, который на протяжении целого месяца был лишен этих наслаждений и спешит вознаградить себя за потерянное время. Наконец, когда их оставили на минуту одних, кабилу удалось сказать быстрым шепотом:

– Не бойся! Потерпи... соснем немного, а завтра вместе с солнышком поднимемся и в путь...

– Отлично, я очень рада ехать, но как?... Пешком, верхом, по железной дороге?

– Нет, сида, на мэхара... Мэхара хорошие бегуны... Лучше и выносливее всякой лошади...

Так прошло два часа. Беглецы, измученные ожиданием, тщетно старались уснуть, как вдруг среди ночи прокатился громовой выстрел, от которого дом задрожал до самого основания. Через минуту раздался второй выстрел. Затем по городу слышались крики, поспешные шаги, бряцание оружия, вообще тревога.

Хозяин дома, высокий, худой, смуглый араб вошел и сказал Барке на его языке:

– Ваше бегство открыто... Выстрелы из пушек дают знать, что бежали двое заключенных... В доме будет обыск... не теряйтесь, будьте хладнокровны, и все обойдется.

Уже солдаты бегали по улице, останавливаясь перед каждым домом, стучась в двери; они заходили в каждое жилище и обшаривали его. Ничто не скрывалось от них. Во всех живущих они вглядывались с зоркостью сыщиков, которым сообщены все приметы. Костюмировка Фрикетты спасла ее. Искали белую – единственную белую во всей колонии – и видели перед собой самую чистокровную негритянку. Бедную Фрикетту немедленно вернули бы в ее каменную келью, увеличив наказание за попытку к побегу.

Наконец, солдаты ушли, к великой радости мнимой негритянки, уже считавшей себя погибшей. Пот градом капал по ее щекам. Она машинально вытерлась подолом своей белой одежды – тамошние негритянки не знают еще употребления платков. Барка испугался было, чтобы вместе с потом не сошла и краска. Но нет. Цвет лица Фрикетты не изменился.

На рассвете беглецы вышли во внутренний двор, имеющийся у каждого арабского дома, и увидели четырех мэхара¹², уже взнузданных и готовых к путешествию.

– Вот наши кони, – сказал Барка.

– Опять горбуны! – воскликнула Фрикетта. – Они напоминают мне моего бедного горбуна. Что случилось с ним?

¹² Мэхара – дромадер; одногорбый верблюд. – Примеч. переводч.

Барка, всегда загадочно отмалчивавшийся, когда речь заходила о зебу, улыбнулся и сказал:

– Съели мы его там, в госпитале. Провианту не было... приходилось стягивать животы... Он был толстый, из него вышел и бульон хороший и жаркое хорошее.

– Это отвратительно!

– Лучше было умереть ему, чем солдатам и денщику тэ-бибы...

– Правда! Ты напоминаешь мне Уголино, который ел своих детей, чтобы сохранить остальным отца.

Прибыли два высоких бербера с тонким орлиным профилем. Они обменялись с Баркой несколькими словами, затем один из них пронзительно крикнул, и четыре дромадера опустились на колени. Барка тотчас подвел к одному из них Фрикетту, показал ей, как сидеть в седле, и пригласил усесться. Сам он сел на горб другого мэхара, между тем как берберы также последовали его примеру.

Тот из арабов, который казался начальником, снова крикнул, и вдруг все восемь ног сразу поднялись, длинные змеиные шеи вытянулись, и Фрикетте показалось, что ее поднимают на крышу дома, но дома движущегося, который показывался и шел вперед с необыкновенной быстротой.

Солнце взошло в ту минуту, когда маленький караван вышел из ворот таинственного дома, где беглецы нашли себе приют.

Ошеломленная быстрой сменой необычайных событий,

Фрикетта, сидя на верхушке горба своего верблюда, не понимала ровно ничего во всем происходившем. Она сознавала только, что свободна, что едет, сама не знает куда, в самом несуразном костюме.

Однако из-за поднятой тревоги из Массовы было не так легко выбраться. Часовые всюду были удвоены, обыски еще продолжались, и был отдан приказ доставить беглецов живыми или мертвыми.

Городские ворота так строго охранялись, что для пропуска требовалось особое разрешение коменданта.

Фрикетта не знала всего этого, иначе ее черное лицо, широко улыбавшееся из-под головного платка, не имело бы такого выражения счастливой негритянки.

Когда часовые наотрез отказались пропустить четырех путников, начальник каравана, не говоря не слова, вынул из засаленного бумажника бумагу, не спеша развернул ее и поднес к самому носу офицера. Тот прочел вполголоса:

«Пропустить беспрепятственно Ахмеда бен Мохаммеда, личного курьера главнокомандующего, а в случае нужды оказать ему помощь и поддержку.»

Подписано: Баратиери.

Верно: начальник штаба Монтелеоне».

Оставалось только повиноваться приказанию, делавшему неприкосновенными четырех путешественников и предоставлявшему им неслыханные при подобных обстоятельствах преимущества.

Всадники проехали, свысока смотря на часовых, и скоро дромадеры поскакали галопом, неуклюжим, но быстрым, при котором они в состоянии пробегать по четыре мили в час.

Когда первая опасность миновала, путники поехали по одной из дорог, ведущих на юг, под прикрытием небольших холмов, к одному из фортов, расположенных между Массовой и Амба-Алахи, известным по поражению, которое понесли тут итальянцы.

Казалось, пока опасности не было, так тщательно были приняты все предосторожности, так естественно и хорошо все обошлось.

Тут только Фрикетта узнала, какому стечению обстоятельств она обязана была своей свободой: Ахмед бен Мохамед был женихом бедной слепой, которой Фрикетта возвратила зрение. Уступая просьбам нубийки, он решился рискнуть головой, чтобы воздать священный долг благодарности тэбибе.

Он пользовался неограниченным доверием генерального штаба итальянской армии и часто отвозил зашифрованные депеши комендантам фортов. Его верблюды, быстрые как ветер, были хорошо известны повсюду.

Он хвалил Барке несравненные качества своих бегунов и закончил:

– В два дня мы дойдем до Макаллэ, осажденного войсками негуса, и тогда вы с тэбибой будете в безопасности.

– Иншаллах!.. Если угодно Богу! – заключил кабил, как магометанин, всегда покорный судьбе.

Глава V

Итальянские солдаты. – Перья и султаны. – Дорогой. – Между двух огней. – Полковник. – Грубость. – Фрикетту узнают. – Отчаянное решение. – Бегство. – Бешеная скачка. – Выстрелы. – Последний крик.

Итак, мадемуазель Фрикетта, охотница до самых невероятных приключений, спасалась от преследования.

Белая негритянка сидела на высоком горбу дромадера и испытывала ужасную качку при путешествии по этой дороге, вымощенной, как ад, одними только добрыми намерениями. Последних, очевидно, было еще недостаточно, чтобы сделать мало-мальски сносной эту ужасную дорогу, тем более что верблюды, привыкшие к этому головоломному пути, мчались во весь галоп, делая своими длинными, худыми ногами гигантские шаги и самые невозможные скачки.

Фрикетта прилагала все усилия, чтобы привыкнуть к этому размашистому шагу, часто причиняющему морскую болезнь или похожие на нее явления, и мало-помалу приспособилась. Но ценой каких постоянных усилий воли, какого нервного напряжения, какого физического и душевного утомления это давалось ей! Но что делать! Раз пускаешься в поиски приключений, надо быть готовым на все!..

Всюду встречались солдаты. Очевидно, была собрана вся итальянская армия и все ее резервы, чтобы нанести решитель-

тельный удар противнику. Фрикетта, все симпатии которой были на стороне абиссинцев, находившихся в такой опасности, спрашивала себя, как выдержит этот ужасный натиск ее незнакомый друг, негус.

Она во все глаза смотрела на этих итальянских солдат, некогда друзей, теперь врагов Франции; они же посылали вслед негритянке, восседавшей на дромадере, казарменные остроты и грубые шутки.

Благодаря знанию латыни и сходству этого языка с итальянским, Фрикетта понимала их и в душе бесилась. Барка же невозмутимо и лукаво улыбался, бормоча про себя:

– Солдаты Гумберта только на языки ловки... солдаты Менелика зададут им перцу... да так вздуют, что чертям станет жарко.

В душе молодой девушке не верилось, чтобы абиссинцы, настоящие дикари, осмелились тягаться с европейским войском, хорошо вооруженным.

Итальянские солдаты шли как на победу, и пучки петушиных перьев на левой стороне белой каски задорно развевались. Эти маленькие султанчики выводили Барку из себя.

– Да, да, орите себе кукареку!.. Трясите своими хохлами!.. Негус выщиплет вам все ваши перья и сделает из них подушку, на которую сядет...

Одно только поражало Фрикетту – это беспорядочность, с какой двигались итальянцы. Она видела, как японцы в Корее и французы на Мадагаскаре всегда шли, строго испол-

няя предписания полевой службы. Итальянцы же, напротив, шли врассыпную, старались держаться поближе к повозкам, складывали на них свои ружья, одним словом, стремились, как только возможно, не утруждать себя.

В присутствии врага это было несколько неблагоразумно. Офицеры, как всегда, парадировали: Фрикетта видела их затянутыми, рисующимися, крутящими свои усы, играющими саблей, звенящими шпорами.

Дромадеры все бежали, постоянно встречая новые войска. Арабы обменивались вполголоса несколькими словами, сопровождая их многозначительной, загадочной улыбкой.

– Что они говорят? – с любопытством спрашивала Фрикетта у Барки.

– Что негус со своим войском как буря сметет эту полосу крикунов...

– Я думала, что они друзья итальянцев, у которых они служат за плату.

– Кто знает?.. Негус богат и не скуп.

Изнемогая от усталости, Фрикетта крепилась: у нее не вырвалось ни одной жалобы, ни одного слова, ни одного движения, которые выдали бы ее слабость. Действительно, надо было иметь железный организм и обладать неслыханной силой воли, чтобы перенести эту пытку.

Сами арабы удивлялись терпению этой молодой девушки, на которое был бы способен не всякий сильный, привычный к войне человек.

Остановки делались короткие, чтобы наскоро съесть несколько кусков твердой, как кирпич, галеты, и скормить верблюдам несколько пучков травы. Затем скачка продолжалась снова без перерыва.

Ахмед бен Мохаммед обещал как можно скорее добраться до Макаллэ и хотел сдержать слово. Маленький отряд миновал уже Адиграт, довольно сильную крепость с хорошо вооруженным, достаточно многочисленным гарнизоном. Скоро должны были вступить в полосу, где итальянцы не были неограниченными господами, и солдаты негуса совершали иногда быстрые набеги.

Телеграфная линия прекращалась у Адиграта. Вследствие занятия области Менеликом, сношения с Макаллэ были прерваны, и итальянские войска, расположенные перед Адигратом, сообщались с Макаллэ только оптическим телеграфом и то с трудностями.

Положение последнего укрепления становилось с каждой минутой все более критическим, и мольбы о помощи все настоятельнее. Но, несмотря на все просьбы и вошедшую в пословицу итальянскую подвижность, главнокомандующий не осмеливался подвигать чересчур близко свою операционную линию.

Ахмед бен Мохаммед имел поручение добраться до итальянских аванпостов и передать свои депеши командующему.

Вот тут-то наступила настоящая опасность для Фрикет-

ты и Барки. Им предстояло, удалившись от итальянской линии, продолжать путь по нейтральной полосе и достигнуть, наконец, абиссинских форпостов, охраняемых с чрезвычайной бдительностью. При этом им грозила опасность попасть под ружейные выстрелы с двух сторон.

Полковник, командовавший аванпостами, находился на передней траншее, осматривая ее, когда ему доложили о приближении небольшого каравана на дромадерах.

Он ждал гонца. Приказав немедленно провести его к себе, он сам отправился в свою палатку, разбитую неподалеку, в сопровождении трех офицеров. Дорогой один из них сказал ему:

– Полковник, вы видите эту негритянку? До чего она похожа, помните, на ту француженку, только перекрашенную.

Фрикетта поняла несколько слов, догадалась о смысле остальных и содрогнулась в душе при мысли, что ее могут вернуть в тюрьму Массовы.

На всякий случай она крепче уселась в седле и сказала Барке шепотом:

– Смотри!.. Кажется, нас узнали.

Кабил, достаточно понимавший по-итальянски, отвечал, что она не ошибается.

Полковник между тем с движением удивления и удовольствия говорил:

– А я так могу сказать это утвердительно. Видите, через раскрывшееся платье сквозит белая кожа плеча. Проклятая

девка вычерпала себе только лапы да мордочку... Вот так позабавимся.

Ахмед в эту минуту открыл сумку и, передавая депеши полковнику, попросил расписки в получении.

– Подожди минуту. А вы, красотка, потрудитесь сойти на землю... Напрасны ваши старания скрыться под этим нарядом, который, при всей странности, вам очень к лицу... Я вас узнал: вы – мадемуазель Фрикетта.

Эти слова как острие ножа вонзились в грудь Фрикетты. Видя постигшую ее неудачу в ту минуту, когда уже была близка цель, она представила себе ужасную тюрьму, потерю свободы, погибшую молодость и обратила на офицера взор, полный слез, который тронул бы тигра.

Полковник ухмыльнулся и грубо выругался.

Франуженка вздрогнула при этом оскорблении, и кровь волной прихлынула ей к лицу. Окинув негодя презрительным взглядом, она бросила ему в лицо одно слово:

– Подлец!..

Затем, сознавая, что она погибла, и, предпочитая смерть заточению, позору и оскорблению, она решилась на отчаянное средство.

В нескольких шагах от группы тянулась уже вырытая траншея. Здесь притаились солдаты, положив ружья на вал, чтобы стрелять при первой команде.

Фрикетта видела все это и подумала: «Я прорвусь через них, или они меня убьют...»

– Вперед, Барка! Вперед!

Изо все силы она ударила концом повода своего дромадера по шее.

Эти породистые и дорогие животные не переносят удара.

Представьте себе, что благородного скакуна, одного из победителей на скачках, стали бы осыпать ударами.

Дромадер Фрикетты замычал, как теленок, плюнул и одним громадным прыжком перескочил через траншею.

По странной и забавной случайности, густая струя его слюны попала прямо в лицо полковнику, который только что было открыл рот, чтобы крикнуть:

– Стреляй!

Барка, поняв отчаянную попытку тэбии, не колеблясь ни минуты, сильно ударил своего верблюда веревкой и, показывая кулак полковнику, крикнул ему:

– Каналья! Я отрублю тебе голову и язык твой брошу собакам!

Дромадер его устремился вслед за дромадером Фрикетты.

Ахмед бен Мохаммед тотчас понял, что его обвинят в пособничестве, арестуют, будут судить и приговорят к смерти.

Ему оставался только один выход: последовать за ними.

Полковник, взбешенный, только заикался и бормотал:

– Стрелять! Стрелять по этим негодьям!

Солдаты быстро прицелились и открыли беглый огонь.

Стрелки сначала не попадали в беглецов. Но со временем положение становилось критическим. Многочисленные пу-

ли жужжали над ушами беглецов и, взрывая около них землю, отскакивали рикошетом со зловещим свистом.

Чудо, что ни одна из них еще не попала в цель. Вдруг раздался глухой шум снаряда, пробивающего мясо и раздробляющего кость. Два дромадера, пораженные на смерть, тяжело упали на землю, и вслед за тем раздались человеческие крики и жалобные стоны. Итальянские пули, – увы, – положили две жертвы. Товарищ Ахмеда бен Мохаммеда упал, пораженный в затылок. У гонца, раненного в спину, кровь хлынула из горла, и он умирал. Раненые дромадеры упали с перебитыми ногами. Так как эти верблюды шли позади, то они исполнили, в отношении Фрикетты и Барки, несшихся впереди, роль щитов. Кабил хотел остановиться, чтобы подать помощь товарищу, но тот удержал его, сказав:

– Беги, я погиб... меня не спасешь... я обещал слепой, что тэбия будет свободна... я сдержал обещание... Прощай!

Каждое слово, выходявшее из его горла, сопровождалось потоком крови.

Это было надрывающее душу зрелище.

Несмотря на свистевшие пули, Фрикетта хотела было сойти с верблюда и оказать помощь несчастному, но увидела, что тут всякая помощь бесполезна.

В ту минуту, как с губ, покрытых кровавой пеной, слетело слово «прощайте», голова араба откинулась назад, глаза закрылись, по всему телу пробежала судорога... араб умер.

Две крупные слезы скатились из глаз Фрикетты, а Барка

снова с ругательством показал кулак итальянцам.

Глава VI

Вперед. – Первые солдаты негуса. – Менелик II. – Свидание. – К чему доктора. – Все доктора. – Удивление. – Капитуляция Макаллэ. – Фрикетта снова превращается в белую и получает звание главного доктора в армии негуса.

Дромадеры снова понеслись. Пули продолжали свистеть, расстояние до линии абиссинцев очевидно уменьшалось. Абиссинцы заметили беглецов, однако не встретили их ружейными выстрелами, напротив, собирались помочь им. Вдруг с правого и левого фланга траншей показался огонь, заревели пушки, и итальянцы, изумленные таким неожиданным отпором, должны были прекратить свой огонь.

Скоро Фрикетта и Барка при неслыханном шуме совершили торжественный въезд в лагерь абиссинцев, и в первый раз увидели вблизи этих обитателей Шоа, на которых итальянцы смотрели свысока, как на дикарей, и которые нанесли им такое жестокое поражение.

Здесь не видно было ни султанов, ни касок, ни золотого шитья на мундирах, ни мишуры, ни галунов. Войско было одето в обычный костюм жителей: легкие белые панталоны немного ниже колен и большой белый балахон с красной полосой посредине, задрапированный по-античному. Фуражку заменял платок, плотно обхватывающий голову и завязанный на затылке – обычный головной убор негуса, скрываю-

щего под ним свою плешивость.

Но у каждого солдата на боку висел громадный патрон-таш, набитый патронами, и полотняная сумка с разной провизией. Рядом висела прямая сабля в форме меча, а за спиной – ружье, предмет нескончаемых забот абиссинца.

Под предводительством своих начальников, безгранично, до обожания преданных негусу, что еще увеличивает их природную храбрость, абиссинцы бьются за свою независимость с беспримерной отвагой.

По первому призыву негуса они все бросили: семью, дом, родину, чтобы отразить нашествие.

Как только беглецы подъехали к абиссинской линии, два вождя в длинных черных шерстяных бурнусах и больших шляпах из мягкого войлока поскакали им навстречу. О приближении тэбии и кабила уже давно донесли Менелику.

Начальники, по приказанию негуса, выехали навстречу прибывшим и немедленно отвели их к повелителю.

Вообще их приняли, как друзей, и если они стали предметом всеобщего любопытства, то это любопытство проявлялось весьма деликатно.

Негус, ожидавший с минуты на минуту обратного взятия Макаллэ, находился неподалеку. Через полчаса скорой езды беглецы достигли его палатки. Он сидел, окруженный своими сановниками, под открытым небом на складном кресле, покрытом золотистым плюшем. Над его головой возвышался огромный красный зонтик, который держал специально

приставленный к тому сановник.

Мадемуазель Фрикетта, со свойственной ей быстротой взгляда, в одно мгновение успела осмотреть с головы до ног этого государя, полуварвара, в короткое время успевшего приобрести такую заслуженную известность. Она увидела перед собой человека лет пятидесяти с широким, черным лицом, смотревшего на нее живыми, умными глазами. Густая, седеющая, вьющаяся борода обрамляла эту хитрую физиономию, преобладающим выражением которой была твердость воли и несокрушимая энергия.

Одежда негус состояла из фиолетовой шелковой рубашки, белых панталон бумажной материи, такой же белой бумажной шаммы, а сверх всего – черного шелкового бурнуса, отороченного узким золотым галуном. На голове был обычный убор, в котором негус всегда изображается на рисунках – большая войлочная шляпа, надетая поверх белой кисейной повязки, концы которой спускались на затылок. Обувь состояла из кожаных башмаков, в которых его громадные ноги двигались совершенно свободно.

Перед палаткой стоял мул, на котором негус обыкновенно ездил, весь покрытый яркой материей и сбруей, вышитой золотом и серебром. Почетный караул держал оружие Менелика: ружье, саблю и щит. Палатку украшал большой герб с изображением льва в митре, держащего в правой лапе золоченую палку, обвитую лентой и оканчивающуюся крестом.

Таким предстал перед Фрикеттой этот человек, замеча-

тельный во всех отношениях и скромно именующий себя: «Менелик II, император Абиссинии, король эфиопских королей, избранник Господа, лев-победитель из племени Иуды».

Фрикетта легко соскочила с верблюда, несмотря на страшную усталость и перенесенные волнения, и подошла к монарху в сопровождении Барки.

– Кто ты? – спросил негус кабила по-арабски.

– Слуга тэбии, которая стоит перед тобой.

– А! Эта негритянка – докторша?

– Извини твоего слугу: она не черная, она белая, из страны Франции.

– Клянусь всемогущим Богом! Ты смеешься надо мной?..

Лицо ее чернее моего... у меня есть глаза, и я хорошо вижу!

– Она сама превратила себя в негритянку, чтобы убежать от этих подлецов-итальянцев...

– В самом деле?.. Удивительно!.. Ты говоришь, она белая?

– Да; спроси ее сам, увидишь...

Заинтересованный негус приказал позвать одного из своих переводчиков и стал расспрашивать молодую девушку.

Она отвечала ему с точностью, от которой Менлик пришел в восторг; рассказала ему о своем пребывании в Японии и на Мадагаскаре и закончила своими приключениями в Массове. Негус постоянно возвращался к ее окраске, до крайней степени интересовавшей его, и наконец спросил у тэбии, когда и как она рассчитывает принять свой натураль-

ный цвет лица и снова стать белой женщиной, как прежде.

Фриккетта отвечала через переводчика:

– Мне было бы легко это сделать, если б под рукой были необходимые вещества.

– Что ты хочешь сказать этим?

– Есть у тебя здесь доктора?

– Нет.

– Кто же лечит твоих больных и перевязывает раненых?

– Да все понемногу... я сам... а также колдуны.

– Стало быть, у тебя нет лекарств, которые употребляют белые доктора?

– Как же!.. Как же!.. У меня масса походных аптечек...

Во-первых, те, которые я отнял у итальянцев, а потом те, которые мне шлют со всех сторон.

– Прекрасно! Попрошу тебя приказать дать мне одну из этих аптечек... Я найду там то, что мне нужно.

– И превратишься опять в белую?

– Конечно.

– Никто никогда не делал этого... и, если ты это сделаешь, я назову тебя первым доктором в мире...

– Не преувеличивай моих слабых достоинств...

– А пока я назначаю тебя главным доктором моей армии...

Менелик принадлежал к числу монархов, которым наиболее скоро повинуются. Одного слова, одного жеста было достаточно, чтобы появились два ящика с медикаментами.

Негус сказал Фрикетте, чтобы она пошла в его палатку и там, не стесняясь и не опасаясь ничего, провела таинственную операцию, успешный исход которой так интересовал его.

Молодая девушка, нисколько не смущаясь и не стесняясь, воспользовалась царским жилищем, требуя, чтобы ей не мешали и не подсматривали за ней.

Негус обещал ей все, запретил любопытным приближаться к палатке, и сам, подавая пример скромности, удалился.

Фрикетта оставалась в палатке несколько минут. Время уже начинало казаться долгим негусу, как вдруг неожиданное обстоятельство отвлекло его внимание.

По направлению Макаллэ послышался пушечный выстрел. Пушка прогудела один раз, затем наступила тишина. Через несколько минут после этого показались всадники на взмыленных лошадях. Они кричали:

– Белое знамя развевается над Макаллэ!.. Итальянцы сдаются!

Известие было важное и требовало подтверждения; но оно оказалось истинным, и негус, а с ним вся армия ликовали. Гарнизон, у которого не было воды и истощилась провизия, мучимый жаждой и голодом, сдался на великодушие победителя.

Этот могущественный король, этот черный деспот, которого итальянцы поднимали не раз на смех и чернили, проявил такое великодушие, на какое не всегда оказываются

способными цивилизованные люди.

Он был по отношению к пленным человеколюбивым, даже благодетельным. Он мог бы унижить, мучить их, но он оказал им воинские почести, чтобы пощадить их самолюбие, напоил и накормил их и сохранил их жизнь. Этот черный дикарь подал белым прекрасный, благородный урок умеренности.

Между тем среди всей этой суеты, среди переговоров об условиях сдачи и приема парламентариев, несмотря на упоение торжеством, негус не забыл о Фрикетте и метаморфозе, которая должна была произойти с нею.

Тэбия показалась ему только на следующее утро. При виде ее он даже привстал от изумления.

– Это необычайно! – воскликнул он, не веря собственным глазам. – Ты та самая вчерашняя негритянка?

– Конечно! – отвечала молодая девушка через переводчика.

– Но твоя кожа стала белая и розовая... Кто бы поверил этому!.. Право, я начинаю не верить своим глазам.

– Ах, это были сущие пустяки; мне стоило только хорошенько умыться, чтоб снова стать француженкой, которая сердится на итальянцев и любит твой храбрый народ, так мужественно защищающийся от неприятеля.

– Ты хорошо говоришь, девица. И я люблю твою большую, прекрасную страну – Францию.

Затем, вспомнив вдруг свое обещание, он сказал:

– Ты помнишь, вчера я обещал сделать тебя главным доктором моей армии. Теперь это дело решенное! В присутствии всего моего войска я возвожу тебя в это звание, равное генеральскому. Ты будешь получать генеральское жалованье, такой же паек, и тебе будут отдавать такие же почести. Ты будешь моим врачом, и врачом императрицы Тап-Ту, моей супруги; ты будешь ухаживать за моими ранеными.

Затем, обращаясь к одному из важных сановников, он сказал громким голосом:

– Такова моя воля!

Ошеломленная этой быстрой сменой обстоятельств, Фрикетта, тем не менее, вполне владела собой. Она в трогательных выражениях поблагодарила африканского монарха.

Негус ласково улыбнулся и со своей обычной приветливой простотой протянул свою большую руку молодой девушке. Она положила ему на ладонь свою пухленькую лапку, и, обменявшись крепким рукопожатием, как бы в подтверждение заключенного договора, негус и Фрикетта расстались.

Менелик отправился в Макаллэ, чтобы лично присутствовать при сдаче крепости; Фрикетта же, относясь, по обыкновению, серьезно к своим обязанностям, немедленно принялась за дело. Сделавшись важным лицом в абиссинской армии, она уже могла создавать, изменять, распоряжаться, как ей было угодно.

Она широко воспользовалась своей властью на благо несчастных раненых, которыми мало занимались и которые

умирали в страшных мучениях, покоряясь судьбе.

Негус приставил к Фрикетте в качестве переводчика того абиссинца, который хорошо говорил по-французски. Он действовал, приказывал, доставал все нужное именем той, чьи слова точно переводил.

Барка сохранил свои обязанности ординарца. Он был на все руки – ходил за мулами, работал в аптеке, исполнял поочередно роль повара, фельдшера, солдата... одним словом, поспевал всюду и везде.

Это не мешало ему занимать важное положение и повелевать целой армией слуг, которых он умел заставить слушаться одного своего взгляда, одного жеста...

Ему дали лошадь в великолепной сбруе, ружье, кавалерийскую саблю, и он не помнил себя от радости, когда ему пришлось командовать конвоем тэбии, которая верхом на муле сопровождала армию в ее движениях, разделяя с нею все трудности и опасности.

Фрикетта сразу приобрела всеобщее уважение и любовь. Ее приветливость, веселость, преданность делу и искусство действовали чарующим образом, и среди ста тысяч человек не было ни одного, который не был бы готов отдать за нее свою жизнь. Кроме того, о ней сложилась уже целая легенда.

Не обладает ли она сверхъестественным даром принимать образы, какие ей вздумается, и преображаться мгновенно по своему желанию?

Повод к этим рассказам подала дополненная и искажен-

ная история химического маскарада, благодаря которому Фрикетта из белой превратилась в негритянку, а из негритянки снова в белую, притом в такой короткий срок.

А между тем эта метаморфоза объяснялась весьма просто. Фрикетта терпеливо рассказала королю, как в тюрьме Массовы она вычернила свою кожу простейшим способом: у нее было в распоряжении довольно большое количество ляписа, известного своим свойством чернеть на воздухе или, скорее, на солнечном свете.

Зная это свойство ляписа, Фрикетта распустила в достаточном количестве воды весь свой запас его, вымыла раствором лицо, шею, руки и ноги и влезла на стол своей тюрьмы, где на нее падал свет.

В короткое время она почернела... превратилась в настоящую негритянку.

Прибыв в лагерь Менелика, она нашла в одной из походных аптек необходимых средства для возвращения коже ее натурального цвета. Нескольких обмываний раствором йодистого калия было достаточно для этого чуда.

Менелик никак не мог понять этого.

– В таком случае ты и меня из черного можешь сделать белым, а потом опять из белого черным? – спрашивал он.

Подобное логичное, на первый взгляд, рассуждение оказалось неприменимым на практике, по крайней мере при настоящем состоянии химии, насколько ее знала мадемуазель Фрикетта.

Впрочем, новые драматические события несколько отвлекли внимание абиссинцев, дав свежую пищу их физической и умственной деятельности.

Глава VII

Менелик II. – Друг Франции. – Абиссинское войско. – Приготовления. – Атака. – Ожесточенная битва. – Разгром. – Итальянцы побеждены. – Полковник. – Барка и его пленник. – Гуманность Менелика. – Мечь Фрикетты.

Вообще этот чернокожий король, приготовивший такой сюрприз своему европейскому собрату по сану – королю Гумберту, – замечательная личность. Он прошел тяжелую школу; без семьи, без поддержки, в плену, он сумел так извернуться, что стал в настоящее время самым могущественным из всех африканских монархов. Он решительно всем обязан самому себе.

Менелик – сын храброго и несчастного Аиеллэ-Малакота, негуса Шоа, побежденного и казненного Теодором абиссинским в 1856 году. Теодор, не всегда отличавшийся великодушием, увел в плен молодого князя Сахала-Марием, которому в то время было четырнадцать лет. Восемь лет он держал молодого человека в заключении, под строгим надзором, не позволяя ему никаких сношений с его семьей и с жителями Шоа.

Однако несмотря на всю бдительность тюремщиков, в 1864 году молодому принцу удалось бежать, в чем ему помогла героиня одного романтического эпизода.

По возвращении в Шоа, жители которого тотчас призна-

ли в нем законного наследника Аиеллэ-Малакота, он поднял все население против учрежденного Теодором правительства, сам стал во главе восстания, напал на губернатора и убил его в битве.

После ряда побед Сахала-Марием занял престол отца и провозгласил себя негусом Шоа под именем Менелика II.

При своем природном уме, любознательности, способностях и либеральных взглядах, он произвел такие благотворительные реформы в своем отечестве, что ко времени падения Теодора в 1868 году оказался самым могущественным из всех владетельных князей Абиссинии.

Это могущество возбудило зависть наследника Теодора, Иоанна, и он попытался уменьшить его. Однако сам Иоанн не решился напасть на молодого государя, послал против него князя годжамского, Теклахимонота.

Менелик энергично защищался, опять всюду одерживал победы, в конце концов разбил на голову Теклахимонота и взял его в плен. Испуганный этой победой, удвоившей могущество короля Шоа, Иоанн абиссинский, не чувствуя себя достаточно сильным, переменял тактику. Он признал победы Менелика и его независимость.

Впоследствии чувство зависти уступило место живой и искренней симпатии, никогда не охладевавшей. Между двумя государями был заключен семейный союз: единственный сын Иоанна женился на старшей дочери Менелика. Последний дал за ней в приданое маленькое царство Онолло, а

Иоанн, чтобы не остаться в долгу, дал сыну Тигрэ.

Наконец, – и это самое важное – Иоанн назначил преемником абиссинского престола после своей смерти Менелика, с тем условием, чтобы после смерти последнего престол перешел к его зятю.

Иоанн погиб в 1889 году, и, по условию, Менелик тотчас сделался императором Абиссинии.

Всем известно, как любит его народ, о благе которого он неустанно заботится. Он либерален в своих взглядах, и между прочими мерами, делающими ему честь, уничтожил в своем государстве невольничество.

Менелик – старинный друг Франции и доказал это в тяжелое время, пережитое ею, наивным, но трогательным образом.

Узнав, что Германия наложила на Францию огромную контрибуцию, Менелик, только что сделавшийся властителем Шоа, хотел было послать в Париж несколько тысяч талари, чтобы помочь французам в уплате требуемой суммы. Один европеец заставил его отказаться от этого намерения, представив, сколько талари нужно, чтобы составить пять миллиардов, и король побоялся, как бы не стали смеяться над его пожертвованием.

Симпатия Менелика к Франции никогда не ослабевала, и французы всегда находили при его дворе самый радушный прием. Так было и относительно Поля Солейлье и Жюля Бореля, мужественных путешественников, так много по-

трудолившихся на славу и пользу своей родины.

Само собой разумеется, что эта симпатия не могла не проявиться по отношению к мадемуазель Фрикетте, горячей патриотке, так сердившейся на итальянцев.

Тэбия была достойна такой симпатии и сторицей отплатила за гостеприимство негуса.

Между тем Менелик со дня сдачи Макаллэ проявлял лихорадочную деятельность. Он призвал всех здоровых запасных и ополченцев, и они спешили на его призыв, как для священной войны. Без сомнения, они далеко не были так дисциплинированы, как европейские солдаты, и не имели той специальной подготовки, но они обладали знанием страны, привычкой к климату, горячим патриотизмом, ни перед чем не отступающим мужеством и фанатической преданностью своему императору.

Кроме того, они были многочисленны, и если Менелик не был великим тактиком, он умел, по крайней мере, привести на поле битвы эти массы, вовремя начать атаку и, если нужно, храбро пожертвовать собственной жизнью.

Таким образом, его войско не представляло вооруженной орды, собрания всякого сброда, а настоящую армию, составленную из крепких, закаленных людей, не боящихся ни страданий, ни смерти, неспособных отступить и превосходно владеющих усовершенствованным огнестрельным оружием.

Эти воины сходились со всех сторон под предводительством своих начальников и после смотра, производимого

негусом, занимали свое место на той громадной шахматной доске, где скоро должна была начаться решительная партия, в которой ставкой была независимость Абиссинии.

Сбор происходил без шума, с необыкновенной осторожностью и точностью.

Несмотря на капитуляцию Макаллэ, влившую новый энтузиазм в войска негуса, итальянцы, плохо осведомленные о нравственном состоянии этой массы людей, никак не думали, чтобы положение могло быть так серьезно.

Баратьери, главнокомандующий, расположил свои силы – отборные отряды экспедиционного корпуса – вокруг Адуа¹³. У него было около двадцати тысяч человек, и он надеялся, овладев этой позицией, которую он считал вначале неприступной, «как опустошительный поток, излиться на страну».

Сразу в его власти оказалась бы вся местность до Нила.

Но между чашей и губами еще довольно места. Масса людей, которыми располагал Менелик, несмотря на все презрение итальянцев к диким абиссинцам, все-таки беспокоила генерала. Время самохвальства миновало, начинали слушать советов благоразумия. Не чувствуя своего положения достаточно прочным, сомневаясь в возможности удержаться и опасаясь, что отступление будет ему отрезано, генерал Баратьери счел за нужное отсрочить исполнение своих воин-

¹³ В столице Тигрэ, лежащей под 14°9' сев. широты и 36°35' восточной долготы от Парижа, на высоте более 2000 метров, насчитывается до четырех тысяч жителей. Это – очень крепкая позиция. – Примеч. автора.

ственных планов и решил отступить.

28 февраля 1896 года был отдан приказ стягиваться, и он уже начал приводиться в исполнение, как 29 была получена телеграмма из Италии.

Криспи нужна была победа для упрочения его политического положения, которому грозила опасность. И победа эта должна была быть одержана немедленно, по приказу, в назначенный день и час.

Вследствие этого депеша заключала приказание атаковать немедленно и заканчивалась словами, от которых возмущалась гордость солдат.

«Это не война. Это военная чухотка. Сожалею, что, не находясь на месте действия, не могу дать совета.

Франциск Криспи».

Генерал Баратьери собрал военный совет, и все офицеры, за исключением одного, решили атаковать.

Отступление было немедленно приостановлено, и на следующее утро, 1 марта, началось сражение. С обеих сторон войска дрались отчаянно.

Итальянцам помогала дисциплина, начальство, многочисленная и прекрасно снабженная артиллерия. Войска негуса были многочисленны, одушевлены патриотизмом и горячей верой.

Несмотря на сильную перестрелку, с самого начала происходили кровопролитные схватки. Итальянцы бросились в штыки, и абиссинцы три раза отбивали их. Кругом накоп-

лялись целые груды трупов, из-под которых ручьями текла кровь. Итальянская артиллерия стреляла в плотную массу солдат негуса, производя страшные опустошения. Абиссинцы, не будучи в состоянии отвечать, подползали поодиночке к самым орудиям и расстреливали канониров и упряжных мулов.

Наконец итальянская артиллерия вынуждена была замолчать, так как большинство артиллеристов пало на месте. Три итальянские бригады оказались как бы затопленными войсками негуса.

С обеих сторон были проявления личного героизма, среди общей свалки происходили жестокие схватки, какие трудно себе представить.

Эта ужасная бойня продолжалась две трети дня. Сознавая, что им суждено погибнуть, итальянцы еще держались, храбро умирая.

Около трех часов одна из бригад была почти уничтожена. Генерал ее был убит, так же как большинство офицеров; другие же были ранены или взяты в плен.

Потери с обеих сторон были большие, но абиссинцы имели, при своей многочисленности, чем пополнить их.

В этих людей, опьяненных резней, сражающихся на глазах у своего негуса, казалось, вселился беспощадный гений убийства: с таким ожесточением они продолжали бойню!

Менелик и его штаб находились с гвардией как раз против второй бригады, еще державшейся, но очевидно таявшей.

Фрикетта верхом на муле, окруженная конвоем, присутствовала при борьбе, стоя недалеко от императора, который вместе с сопровождавшими его сановниками подвергался такой же опасности, как и его солдаты.

Барка верхом на великолепном коне – подарке негуса – бился, как бешеный. Он стрелял без перерыва и время от времени сопровождал выстрелы гортанным криком, настоящим ревом дикого зверя.

Затем, как герои Гомера, он осыпал своих врагов ругательствами, вызывал их, ища взглядом полковника, которого он глубоко возненавидел.

Вдруг у него вырвался еще более громкий крик, заглушивший на мгновение шум, господствовавший кругом, он узнал в первом ряду сражающихся полковника, ободряющего своих солдат примером.

Не говоря ни слова, бледный, стиснув зубы, Барка, не помня себя, пришпорил своего вороного жеребца. Галласы, начальником которых состоял кабил, следуя его примеру, слепо помчались за ним и клином врезались в линию итальянцев.

У Барки ружье было не заряжено. Не имея времени зарядить его, он схватил его за дуло и стал отбиваться, как палкой. Приподнявшись на стременах, он наносил удары направо и налево, между тем как его лошадь грудью теснила оторопевших солдат.

Кабил поскакал к полковнику, который выстрелил в него

из револьвера, но промахнулся.

Пока всадники-галласы рубили направо и налево, Барка поднял ружье и нанес страшный удар по затылку полковника, который закачался в седле и потерял стремяна.

С быстротой молнии кабил бросил ружье, подхватил под мышки офицера, наполовину потерявшего сознание, пересадил его на свою лошадь и закричал ему на ухо:

– Попался ты мне наконец, каналья!.. Я тебе отрублю голову... и собаки съедят твой язык... Барка обещал это, и Барка никогда не изменяет слову.

Кабил круто повернул коня и подъехал к Фрикетте. Бросая полковника на землю, как какой-нибудь тюк, он закричал своим металлическим голосом:

– Вот, сида... я привез тебе пленника...

Всадники конвоя, разогнав своих коней, уже не останавливались и скоро врезались в ряды. За ними следовали другие и наконец вся кавалерия. Итальянцы испугались. Началась паника, против которой все усилия были тщетны. Не помогли ни крики офицеров, ни напоминания о чувстве долга, ни просьбы, ни угрозы.

Страх был сильнее всякой дисциплины, всякой угрозы, всякого довода. Артиллеристы, пехотинцы, альпийские стрелки бросали оружие и убегали врассыпную, как испуганное стадо, ничего не видя, не слыша, не зная, куда они идут!

Перышки на касках уже не развевались так задорно, и все самохвальство пропало!

У итальянцев оказалось шесть тысяч человек убитых, столько же раненых и три тысячи пленных! Они лишились почти всей своей артиллерии, около семидесяти пушек и всего боевого запаса при них. Это была катастрофа.

Менелик не только отнесся гуманно к пленным, но даже оказал им внимание, которое их изумило. Он не вспомнил, что итальянцы расстреливали его парламентариев, а иногда и пленных. Да, этот человек, которого поносили, оскорбляли, унижали, забыл обиды.

Можно себе представить стыд и бешенство полковника, когда он увидел, что судьба отдала его в руки того, кто сам был недавно его жертвой. Израненный, едва державшийся на ногах от слабости, он собирал последние силы, чтобы посмотреть сверху вниз на молодую девушку и кабила.

Барка устремил на него полный ненависти взгляд и, скрежеща зубами, бросился на него и заставил стать на колени.

– Проси прощения у тэбии, которую ты оскорбил.

– Чтоб я унизился перед авантюристкой, француженкой?..

Никогда!

Барка поднял саблю. Фрикетта знаком остановила его и, обращаясь к полковнику, сказала ему с неподражаемым достоинством:

– Я не виновна в преступлении, за которое вы меня несправедливо осудили. Даю вам слово. Я не авантюстка, а честная француженка, которая искала приключений. Одно из них даст мне, по крайней мере, случай вернуть свобо-

ду взятому мною в плен личному врагу...

– Вы мне... возвратите свободу?

– Да! Мой друг Менелик исполнит мою просьбу.

– А если я не приму этой свободы, которую вы мне предлагаете?

Фрикетта побледнела.

– В таком случае я возьму остающихся у меня десятерых конвойных и велю им кнутами прогнать вас за линию наших аванпостов.

– Вы способны на это?

– Даю вам честное слово.

– Но к чему возвращать мне свободу, когда вы так ненавидите меня?

– Потому что я нахожу это более изящным... более забавным...

– Забавным!.. Я для вас игрушка...

– Нет, я ошиблась... я освобождаю вас потому, что этим могу выказать все свое презрение... Барка!

– Сидя?

– Проводи этого господина как можно дальше... пусть он идет к своим солдатам... если они у него еще остались.

Глава VIII

Письмо Фрикетты. – Резиденция Менелика. – Пленные. – Барка женится. – Доктор! – Сокровище Фрикетты. – Планы возвращения. – Предполагаемый отъезд. – Быть может, вернусь в Париж!

«Аддис-Абеба, 15 мая 1896 г.

Дорогие родители!

В моих приключениях, как в представлениях какого-нибудь парижского театра, наступил перерыв.

Со мной ничего не случилось – ровно ничего – со времени моих последних писем, где я сообщала вам о наших блестящих победах над итальянцами.

Теперь, когда эти господа оставили нас в покое, моя жизнь проходит тихо, неслыханно однообразно. Вы себе представить не можете, как странно для меня жить спокойной повседневной жизнью среди комфорта и лени. Мне кажется, как будто это не я, и, когда мне вспомнится все пережитое, я спрашиваю себя, не заснула ли я там, в нашем домике, и не вижу ли во сне приключения Фрике!..

Но нет. Я действительно живу в Абиссинии. Я не страдаю более от лихорадки; малокровие, упадок сил и всякие недомогания, вывезенные из Мадагаскара, совершенно прошли, и я вновь цвету! Правда, я не церемонилась со всеми своими болячками и живо спровадила их.

Итак, я окрепла и опять готова отправиться куда угодно! Но я, кажется, делаю «мабуль», как говорит Барка, то есть теряю голову... Я начинаю думать об отъезде, еще не вернувшись!

Я живу в самом центре Абиссинии, в резиденции Менелика, и, конечно, должна прежде всего заехать в Париж поцеловать вас, а затем уже продолжать свои странствования. Кроме того – между нами – мне хочется, чтоб меня опять немного побаловала мама, хочется, чтоб она мне утром подала кофейку в постельку, покормила обедом: бифштексом с картофелем, макрелью a-la maitre d'hotel и кусочком сыра бри.

Вот какая я стала лакомка! Это оттого, что все здешние блюда заставляют меня постоянно вспоминать о наших вкусных домашних обедах!

Одним словом, мне опять захотелось видеть газовые рожки, подрезанные деревья, шестиэтажные дома, журнальные киоски, омнибусы и, наконец, парижан! Я не скажу, чтобы скучала, но мне хочется насладиться контрастом.

Я думаю, это случится скоро: самое позднее через две недели я пушусь в обратный путь. Эпоха дождей начинается в июне и заканчивается в октябре. В это время здесь господствуют лихорадки, уносящие много жертв. Я имею серьезные причины избегать этой болезни и поэтому в конце мая уеду в Джибути, как бы меня ни просили остаться.

Но, кстати, вы можете меня спросить, где это

здесь?

Вы не знаете, что такое Аддис-Абеба? Я скажу вам: эта местность лежит под 36°35' долготы и 9° широты, на высоте 2300 метров. Вот ее географическое положение. В политическом отношении, это теперешняя резиденция Менелика, то есть столица. В Абиссинии, собственно говоря, нет столицы, и главным городом становится тот, где живет император.

Географы не имеют никакого понятия об этом маленьком Версале или будущем Сен-Жермене Абиссинии. Менелик живет в Аддис-Абебе всего три года и чисто из прихоти.

Столицы здесь постоянно меняются. Анкобер, где жил несколько лет тому назад негус и который значится на картах и в учебниках столицей Абиссинии, теперь мертвый город. Император, покинув его, подписал ему смертный приговор. Место Анкобера заняла другая столица, Анголола, которую Менелик, покинув, также погубил. Наконец, метров на 300 выше Аддис-Абебы лежит еще один опустевший город – Энтотто.

И это местечко жило и умерло по капризу негуса. Дома уже разрушаются, и материалы, из которых они были построены, свозятся для постройки жилищ в новой столице.

Все это, может быть, не представляет для вас особенного интереса; но на путешественника, могу вас уверить, странное впечатление производят эти

остовы городов.

Возвращаюсь к любимцу, к Аддис-Абебе, расцветающему городу, имя которого на туземном языке значит «Новый Цветок».

Я затрудняюсь определить точно количество его населения: в нем может быть десять тысяч, а может быть и пятнадцать тысяч жителей... Как знать? Масса прибывающих отовсюду и возвращающихся: короли, губернаторы, посланники, купцы, караванички. Весь этот народ составляет пеструю, странную, впрочем, очень живописную толпу, но оседлых жителей в ней мало.

Таким образом, «Новый Цветок», несмотря на свой титул столицы, едва заслуживает имя города. Это просто множество круглых хижин из камня, цементированного грязью, и покрытых коническими крышами из соломы, напоминающими стоги.

Каждый строится, где ему вздумается. Материалы находятся на месте. Об архитектуре, симметрии, планировке нет и речи. Нет ни дорог, ни улиц, ни бульваров, ни даже тропинок. Все скучено как попало. Точно дети настроили домиков, так это все наивно, дико, первобытно.

Среди этой беспорядочной массы хижин возвышается монументальное, подавляющее своей громадностью здание императорского дворца, или Гэби.

Издали виден один только Гэби. Это холм над кротовыми кучками, кедр над лесом карликовых

деревьев, собор, господствующий над маленькими домиками скромного провинциального городка и уничтожающий их. Собственно говоря, столица – это Гэби, точно так же как император – вся нация.

Этот дворец, обнесенный несколькими оградами из камня, слепленного глиной, состоит из нескольких домов, среди которого выше всех поднимается Эльфин, где именно живет сам негус и императрица Таитиу.

Эльфин, имеющий до пятнадцати метров в высоту, выстроен в арабском стиле: стены выбелены известкой, крыша покрыта красной черепицей с блестящим цинковым бордюром, двери, окна, балконы и наружные лестницы выкрашены в яркие краски: зеленую, синюю, желтую и красную. Это очень весело, кокетливо, но не изящно.

Кроме того, есть еще саганет, или башня, на которой помещаются часы, и адерахе, главная столовая – огромное восьмиугольное здание, обнесенное крытой галереей. Не следует забывать также гусду, или таможенню. Это здание очень важное, если не по своей архитектуре, то по своему назначению.

Когда прибывает караван, он тотчас отправляется в таможенню, и Его Величество сам производит таможенный осмотр. Может быть, это еще одно доказательство ума государя, в стране которого, как и на всем востоке, господствует бакишиш.

Итак, Его Величество собирает с купцов пошлину и деньгами, и натурой. Он оценивает товары по своему усмотрению, довольно справедливо, получает товары и

велит перенести в свои склады.

Я любопытствовала посетить этот склад и вышла из него в восторге от неразборчивости негуса. В складе масса часов, которые не ходят, ружей без дул и дул без ружей, ковров, среди которых устроили себе гнезда крысы и мыши, заступов без рукояток и рукояток без заступов, сапог со шпорами, множество банок с красками и кистей толстых, как метлы – здесь красят все, что только возможно; целый ассортимент музыкальных струнных и медных инструментов, к счастью, немых за недостатком виртуозов. Всюду валяется разрозненная сбруя, железо различного происхождения и вида, орудия, назначение которых никому не известно, ящики с выбитым дном, из которых содержимое вываливается...

Все это перемешано, перепутано так, что составляет самый невообразимый хаос, не поддающийся описанию.

Я, само собой разумеется, живу в Гэби со своими слугами, телохранителями и прислуживающими мне женщинами; здесь же находится моя конюшня и все прочее.

Да, ваша Фрикетта теперь особа! Божже, сколько слуг, и как они плохо прислуживают! Чаще всего их и не дозовешься.

Абиссинский слуга – это существо совершенно особенного рода. Он честен, предупредителен, предан господину и заботится об его удобствах. Но здесь существует настоящая иерархия: хозяин приказывает

дворецкому, этот передает приказание своему первому подчиненному, который в свою очередь передает его своему подчиненному и так далее; так что в результате ничего не делается, и ничего не добьешься.

Мне однако удалось найти себе несколько слуг из пленных итальянцев, которые служат мне по-европейски. Вначале Барка смотрел на них косо и старался подставить им ногу. Мой кабил очень уперен в своей ненависти, и я боялась, как бы не произошло кровавого столкновения. И не я одна боялась за этих несчастных бедняков, когда их толпой привели в город, население которого страшно возбуждено, с одной стороны, итальянскими жестокостями, а с другой – недавними победами. Подумайте только: еще накануне оплакивали смерть знаменитого вождя, предательски умерщвленного итальянцами.

Поэтому я, не без опасения за этих несчастных, думала о глухой скопившейся ненависти, о бедных абиссинских пленниках, заживо погребенных в горячих песках Массовы, массами погибших в Красном море или расстрелянных без суда, по капризу какого-нибудь пьяного, не помнящего себя от ярости негодяя!..

Да, надо сознаться, что абиссинский народ – добродушный. Вместо того, чтобы мстить, эти дикари гостеприимно принимали своих вчерашних врагов, дали им кров и пищу.

Зато как велика была благодарность этих пленников – совсем молодых людей, вовсе невоинственного вида, отзывающихся в самых

непочтительных выражениях о своих начальниках, Кристи и других! А между тем, будь они победителями, можно побиться об заклад, что они стали бы грабить, жечь, красть, убивать! Так обыкновенно бывает, когда европейцы являются к дикарям с благодеяниями своей цивилизации. И после этого удивляются, что черные не питают к белым доверия!

Этот негус, выказавший столько мужества, сумел остаться хорошим человеком, несмотря на эту блестящую победу, нисколько не опьянившую его и не заставившую возгордиться.

В своем торжестве он оказался скромн. Забыв о покушении на свободу своего отечества и на будущность его династии, забыв, наконец, все перенесенные опасности, он вел себя так великодушно, что возбуждал к себе еще большую симпатию.

С простотой и добродушием, не лишенными величия, он оказывает офицерам всевозможное внимание. Менелик приказал снабдить их всех мулами и позаботился облегчить им переписку с родными.

С простыми солдатами обращаются не хуже, и я знаю даже таких, которые намереваются остаться навсегда здесь, обзаведясь семейством.

Отчего же им и не остаться! Как желательно было бы, чтобы у итальянцев открылись глаза, и они убедились, наконец, в ничтожестве гибельных и ничем не оправданных притязаний! Тяжело, правда, видеть полную неудачу, крушение всех иллюзий после того, как, перейдя через горную границу, надеялись основать целое

колониальное царство и мечтали сделать итальянское влияние господствующим во всем бассейне Красного моря! Но зато прочный мир осушит слезы, которые проливают на родине столько матерей!

Негус искренне желает окончания войны и проявил такую уступчивость, которая привлечет к нему всеобщую симпатию. Если только итальянцы честно примут протянутую им руку, я уверена, что этому печальному недоразумению будет положен конец навеки.

Но довольно разглагольствовать об этих господах, которым я все-таки еще не простила. Посмотрим, что будет со временем, когда они будут держать себя не так задорно по отношению к Франции!

Еще одно слово: Барка покидает меня! Он оставляет свои обязанности ординарца. Он скоро женится на моей первой горничной, Улетагоргии или Жоржетте. Это очень хорошенькая двенадцатилетняя девушка, добрая и кроткая, в которую мой кабил влюблен по уши. Он даже из-за этого хотел жениться и на ее сестре Микаэле, которая годом моложе ее. Ему, как магометанину, это казалось весьма естественным. Ему заметили, что абиссинцы принадлежат к христианам, и их религия формально запрещает им многоженство. Он признал справедливость замечания и отвечал:

– Хорошо! Хорошо!.. Понимаю... женюсь на одной только Жоржетте.

Менелик, очень полюбивший Барку, дает богатое

приданое его невесте и обеспечивает будущее хозяйство.

Мой находчивый кабил, впрочем, уже устроился здесь. Он выдумал себе прибыльное занятие – стал врачом, и пациентов у него достаточно. Здесь не требуется ни свидетельств о прохождении курса, ни диплома, и Барка утверждает, что времени, когда он ухаживал за больными на Мадагаскаре, было достаточно, чтобы приобрести медицинские познания.

По-моему, он прав! И вот он дает слабительное, ставит банки, массирует, предписывает клизмы, дает хину и рвет зубы. Так как он хорошо знаком с антисептическими перевязками, то в излечении ран достигает поразительных результатов, и его репутация увеличивается с каждым днем.

Я буду у него на свадьбе, которую отпразднуют по коптским обрядам, и затем отправлюсь во Францию. Менелик здесь всемогущ, и он дает мне многочисленный конвой, состоящий из его лучших всадников. Меня будут охранять триста или четыреста человек, а если нужно, и все пятьсот. Они будут отвечать за мою драгоценную особу и мои сокровища. Менелик, любящий, как говорят, получать, умеет, в свою очередь, быть щедрым. Он по-царски отблагодарил меня за услуги, оказанные мною ему и его подданным. Кроме богатых тканей и драгоценных вещей, которые он принудил меня принять, он велел при мне положить в ящичек и запечатать печатью со своим гербом десять килограммов золота. Как видите, это для меня

цельй капитал.

Из этой суммы вы возьмете себе, сколько вам будет угодно, а остальное прибережем для моего следующего путешествия.

Но пока до этого еще далеко и еще будет время подумать о новой фантазии вашей Фрикетты.

А как летит время! Подумаешь, что уже цельй год прошел с того времени, как я уехала... что я в это время видела три войны и описанием своих приключений могла бы наполнить цельй том. Но я бы не прочь все опять начать сначала! Ваша Фрикетта неисправима! Теперь мне предстоит цельх три недели путешествия, прежде чем я достигну Джибути. Я совершу этот довольно продолжительный путь на муле – мне надоели горбуны! Надеюсь не опоздать к отходу французского пакебота; впрочем, все будет зависеть от погоды, случайностей, моей прихоти и того, как мне понравится дорога.

Итак, не скучайте слишком обо мне. Я достигла того, к чему стремилась, и счастливее всех миллионеров на свете. Право, не начинайся сезон дождей, я бы способна была совершить обратный путь по суше – через Азию или Африку. По крайней мере было бы оригинально!

Но нет... Надо иметь благоразумие. Я сказала, что собираюсь вернуться, и вернусь самым коротким и быстрым путем. Я чувствую необходимость снова увидеть мою старую Францию, а еще более обнять вас, моих дорогих, мысль о которых никогда не выходит из

сердца вашей бродяжки, всегда обожжающей вас. Вы не поверите, как я вас люблю, при всех приключениях своей беспорядочной жизни, которой я сама искала, которую нашла и которая приводит меня в восторг. Я всегда с вами. Я вижу вас, слышу ваши голоса и представляю жесты, сопровождающие то или другое привычное выражение. Время от времени я перечитываю письма, которые получала от вас. Я целую ваши портреты и, переносясь к тому или другому приключению из своей жизни, восклицаю: что бы сделал папаша, если б был на моем месте? Как почувствовала бы себя мамаша, сидя на горбу дромадера, несущегося вскачь под градом пуль? Какова была бы радость ребятишек, если бы они попали на страницы «Journal des Voyages»!

Да, повторяю вам еще раз от глубины сердца: люблю вас всеми силами своей души! И заканчивая это длинное письмо, посылаю вам несчетные поцелуи и говорю на этот раз вполне серьезно:

До скорого свидания у нас, в Сент-Антуанском предместье.

*Любящая вас всем сердцем
Фрикетта.*

P.S. Но если дорогой случится какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, способное задержать меня, не сердитесь. Мне действительно хочется побывать дома. Знаешь, куда стремишься, когда выезжаешь, но никогда не знаешь, когда приедешь!»